АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГИ МЕРТВЫХ

ЕГИПЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

•

ВЕДИЧЕСКИЕ ГИМНЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СМЕРТИ

•

ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

•

КНИГА МЕРТВЫХ ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ

•

МЫТАРСТВА ДУШИ БЛАЖЕННОЙ ФЕОДОРЫ

Санкт-Петербург
АМФОРА
2001

УДК 2
ББК 86
К 53

Составление
и вступительная статья
Ильи Стогова

Дизайн Вадима Назарова
Оформление Алексея Горбачёва

К 53 **Книги мертвых**: Антология / Сост., вступ. ст. И. Ю. Стогова. — СПб.: Амфора, 2001. — 317 с.
ISBN 5-94278-177-X

В антологию вошли: «Египетская книга мертвых», «Ведические гимны», «Тибетская книга мертвых» и другие образцы древней и средневековой литературы, посвященные теме смерти и загробного существования души. В виде приложения публикуется статья К. С. Льюиса «Ад. Чистилище. Рай».

ISBN 5-94278-177-X

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Во все времена, во всех культурах создавались и с внутренним содроганием читались тексты, посвященные смерти. Эти книги говорили о посмертном опыте души — или о том, что никакой посмертный опыт невозможен.

Самые известные из них включены в книгу, которую вы держите в руках.

* * *

Древнейшие известные историкам заупокойные гимны были вытесаны на стенах нескольких египетских пирамид, построенных еще в XXIV–XXIII веках до Рождества Христова. Со временем из этих гимнов вырос сборник, именуемый сегодня «Книгой мертвых».

Сам термин «Книга мертвых» был введен первыми исследователями египетских папирусов. Еще расшифровщик египетских иероглифов Шапмольон был уверен, что у египтян существовал сборник текстов наподобие Библии, и что в этом сборнике египетские жрецы изложили стройную концепцию загробной участи души.

Постепенно выяснилось, что это не так. Единой «Книги мертвых» никогда не существовало. В разные эпохи и в разных египетских княжествах над умершими проводились различные обряды. Также различались и представления о том, что происходит с человеческой личностью после смерти.

Однако термин прижился. Исследованием подобных текстов занимались очень многие египтологи. Один из них, француз Гастон Масперо, писал в конце XIX века:

Первое, что бросается в глаза при чтении «Книги мертвых», — это тоска и настойчивость, с которой авторы заупокойных гимнов пытаются отождествить умершего с богами — с Осирисом, Тотом, Ра и прочими.

Уже на заре своей истории человек понимал, что сам не в силах перебраться на другой берег той Бездны, что пролегла между бы-

тием и небытием. Уже тогда он понимал, что в этом деле ему необходим Помощник...

Неудивительно, что когда помощь пришла, то земные знаки Ее присутствия мы находим неподалеку от тех краев, где своими пустыми глазами вдаль вечно смотрит Сфинкс...

* * *

У нас в стране сегодня циркулируют самые дикие представления о том, что может испытывать человек в момент смерти и во все последующие моменты.

Как-то я лично разговаривал с человеком, который ходил в православный храм ставить свечки за то, чтобы не родиться в следующей жизни в теле женщины.

Идея «метемпсихоза» или, как ее часто именуют, «реинкарнации» (многократного воплощения души в разные тела) очень популярна в нашу эпоху тотальной религиозной безграмотности.

Представления о бесконечных странствиях души существовали у большинства древних народов — от античных греков до британских кельтов. Однако чаще всего подобные представления ассоциируются с древней Индией.

В сборник, который вы держите в руках, мы включили, во-первых, несколько ведических гимнов и заклинаний, касающихся смерти, а во-вторых, знаменитую «Бардо-Тедол», чаще именуемую «Тибетской Книгой мертвых».

Четыре книги Вед, служившие основой для всех более поздних индийских концепций, не говорят напрямую о загробной участи души. Скорее они лишь намекают на нее.

Впервые более или менее четко загробная участь души описана в продолжающей ведическую традицию «Катха-упанишаде» (приблизительно VI—III века до Р.Х.). В ней прямо и недвусмысленно утверждается: в момент смерти, то, что мы именуем «человеческой личностью», распадается, перестает быть единой структурой.

Человеческое «Я» (несводимое к «душе» или «сознанию») освобождается от узких рамок «самости» и, подобно крупинке соли, растворяющейся в океане, соединяется с Мировым Абсолютом — «Брахманом».

Участь остальных составляющих личности описывается туманно. Текст «Катха-упанишады» можно понять так, что человеческие страсти, привычки, желания (все то, что только и делает каждого из нас

уникальной, неповторимой личностью) перестают принадлежать ему и словно бы обособляются, начинают вести автономное существование. Кто знает, не о таких ли «осколках личности» идет речь, когда мы говорим о разнообразных «барабашках»?

Написавший комментарий к «Тибетской Книге мертвых», психоаналитик Карл-Густав Юнг указывал, что под таким же углом следует рассматривать и «гневных божеств» буддизма. Перед читателем проходят не самостоятельные существа, а проекции его собственного сознания.

Оскаленные звериные морды этих существ — не более чем символы, демонстрирующие ту мрачную изнанку, которую все мы носим внутри себя.

Пока человек жив, эти инфернальные создания можно пытаться контролировать, не позволять им вылезти наружу. Но что делать, когда в момент смерти весь этот зверинец вырывается на свободу?

* * *

В принципе все религии на свете согласны: жизнь — это хорошо, а смерть — плохо. Правда, согласны они лишь «в принципе».

Смерть, гибель, уничтожение... Упираясь взглядом в темную сторону мира, основатели религиозных доктрин были готовы в испуге признать, что она, эта сторона, способна легко уравновесить светлую, животворящую, созидательную сторону универсума.

Кто-то из основателей доктрин говорил, что смерть — это, конечно, ужасно, но — что делать? Подлинный мудрец примет ее с равнодушной улыбкой. Другие шли дальше. Если смерть нельзя победить — почему не попробовать с ней договориться?

Один из современных отечественных исследователей писал:

Историкам не известна иная культура, столь завороженная смертью, как цивилизации доколумбовой Центральной Америки.

Вся дошедшая до нас индейская скульптура была связана с культом человеческих жертвоприношений. Гигантская, украшенная рельефами стела, известная сегодня как «Камень Солнца», на деле являлась «темалакатлем» — жертвенником, на котором разыгрывалось ритуальное убийство безоружного пленника воинами-орлами.

Даже бытовые на первый взгляд предметы имели культовое назначение. Каменный сосуд в виде лежащего ягуара был предназначен

отнюдь не для хранения воды, а для еще теплых сердец принесенных в жертву людей.

На его дне, не видимом человеческому оку, но открытом божествам преисподней, был помещен рельеф, изображающий владык Кецалькоатля и Тескатлипоку в момент сотворения ими существующей Вселенной.

И по сию пору почти невозможно обнаружить в здешних горах пещеру или старинный колодец, где, стоит копнуть, вы не наткнулись бы на кости людей, принесенных в жертву богам индейской древности...

Порой «Индейской Книгой мертвых» именуют публикуемый нами отрывок из эпоса индейцев майя «Пополь-Вух» («Книга Народа»). В нем рассказывается о путешествии божественных близнецов в Страну мертвых «Шибальбу».

Некоторые исследователи считают рассказ о данном путешествии самостоятельным произведением, искусственно включенным в текст «Пополь-Вух». По их мнению, первоначально этот рассказ мог представлять собой индейскую космогонию — рассказ о происхождении Вселенной.

Двое божественных близнецов оказываются в жуткой, не приспособленной для обитания человека Преисподней. Там близнецов убивают — приносят в жертву. Следующая пара близнецов повторяет их путь и, выиграв у демонов Шибальбы партию священной игры в мяч, получает право обустроить мир в соответствии со своей прихотью.

Представьте себе, насколько чудовищным, искаженным представал мир перед человеком, уверенным, будто все вокруг было создано не разумным Творцом, а истекающими гноем существами, решившими развлечься игрой с непредсказуемым результатом. Человеком, считающим, что единственной гарантией существования мира может быть пролитие дымящейся крови другого человеческого существа.

Между тем религия индейцев Центральной Америки — далеко не исключение. Завороженность смертью точно так же ощущается в религии древних финикийцев, во взглядах современных шиваистских сект индуизма... Да что там говорить — в очень многих религиях и культах.

И лишь одна религия на свете говорит: нет, все совсем не так. Тьма — это отнюдь не полноценная половина мира, как ночь — полноценная половина суток.

Смерть — где твое жало? Ад — где твоя победа? Тьма, смерть, грех, гибель — это словно вывих, и не далек тот момент, когда поврежденный сустав будет вправлен на место.

* * *

Что ждет человека после гибели? Количество возможных вариантов ответа на этот вопрос в принципе ограничено.

Одни предлагали идею вечного существования души в загробном мире (в аду, раю или нейтральном «царстве мертвых»). Другие — идею бесконечной череды воплощения души в различные тела. Кто-то считал, что человек может умереть «насовсем».

Казалось бы, представить четвертый вариант невозможно. Тем не менее уже две тысячи лет на планете существует религия, предлагающая совершенно невозможный ответ на этот главный вопрос.

В христианском Символе Веры читаем: «Чаю воскресения плоти и жизни будущего века...». Физическая смерть не властна не только над душой, учит нас Церковь, она не способна даже на разрушение тела!

Каждому из нас предстоит вновь облечься в телесные покровы и, восстав из гробниц, узреть небеса, «свернувшиеся, как свиток». Представить подобное сложно. Поверить — почти нереально. Тем не менее именно такова перспектива и каждого из живущих, да и всего мироздания.

Священное Писание христианства ничего не говорит о том, что конкретно ожидает человека после смерти. Библия — книга не мертвых, но живых. В беседах со Своими учениками Христос чаще говорил о конце всей существующей Вселенной, нежели о судьбе индивидуальной души.

Учение о посмертной участи души Церковь разрабатывала на основании писаний святых и опыта немногих духовидцев. Самый известный из памятников, трактующих данную проблему, — так называемые «Мытарства души блаженной Феодоры», включенные в византийское «Житие преподобного Василия Нового».

Относительно того, когда именно был составлен дошедший до наших дней текст, мнения ученых расходятся. Также среди исследователей не существует и единой позиции на счет того, можно ли признать излагаемую в «Мытарствах» картину стопроцентно ортодоксальной. Во всем ли она сочетается с тем, что писал о необходимости добрых дел для Спасения, например, апостол Павел?

Что ж, рано или поздно (чаще всего рано... очень рано), но придет момент, и каждый из нас на собственном опыте узнает, что имел в виду автор, записавший текст «Мытарств».

Так что, открывая эту книгу, дорогие читатели, не забудьте слова английского писателя и апологета Клайва Степлза Льюиса:

«Думая о смерти... о загробном воздаянии... об аде и рае... мы должны иметь в виду не гибель наших врагов или друзей, а нашу собственную гибель.

Этот разговор — не о вашей жене, не о вашем сыне, не о Нероне или Иуде.

Он о вас — и обо мне».

Илья Стогов

ЕГИПЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

Перевод гимнов А. Коцейовского и М. Коростовцева.

ЗАКЛИНАНИЯ, ЧИТАЕМЫЕ ПРИ БАЛЬЗАМИРОВАНИИ ТРУПА[1]

Бодрствует Спящий.
Бог Тот — будь высок.
Бодрствуют спящие, пробуждаются находящиеся в Кенсете.
Предки, Седаур, выходящий из Нила,
Вепуат, выходящий из тамариска.
Чист рот умершего.
Две Девятки богов окадили умершего натром.
Чист его рот и этот язык, находящийся у него во рту.
Отвратителен для умершего кал, умерший прогоняет мочу.
Умерший питает отвращение к тому, что отвратительно для него.
Для умершего противен жидкий кал,
Он не ест жидкой этой мерзости,
Подобно тому, как бог Сет отгоняет свидетельства тех двух мужей,
Проезжающих по небу в этот день вместе с богом Тотом.
Вы приняли умершего к себе.
Он ест то, что вы там едите, он пьет то, что вы там пьете.
Он живет тем, чем вы там живете.
Он сидит там, где вы там сидите.
Он силен тем, чем вы сильны. Он плавает на том,
на чем вы там плаваете.
Куща умершего сплетена в Иару,
Обилие умершего в полях Хопту.
Его яства среди вас, боги.

---

[1] Большинство приводимых ниже гимнов читалось жрецом при подготовке тела умершего к погребению. Бальзамирование длилось иногда до трех недель.

Вода умершего, как вино у Ра.
Умерший кружит по небу, подобно Ра.
Умерший скитается по небу, подобно богу Тоту.

Умерший питает отвращение к голоду. Он не ест его.
Умерший питает отвращение к жажде, он не пьет ее.
Умерший есть тот, кому дают хлеб.
Его Водительница, ее почетный шест —
Это она Виновница жизни умершего,
Она — Воспитательница умершего.
Умерший зачинается ночью, умерший рождается ночью.
Ему принадлежат спутники бога Ра, предки Дуанутира.
Бог Нун зачинает умершего, бог Нун рождает его.
Он пришел, он принес хлеб для тех, кого нашел там.

Говорить слова:
«Око бога Хора каплет на куст.
Бог Хонтиаементиу пришел к нему,
Он принес яства бога Хора — главы Домов.
Чем он живет — тем жив умерший.
Что он ест — то ест умерший.
Что он пьет, то пьет умерший.
Бедро отрубленное.
Изобилие его яств и питий.

ГИМН РАЗЛИЧНЫМ БОГАМ

Ты стоишь на ней, на этой земле,
Восходящий, как солнечный бог Хепрер,
Ты возникаешь на ней, ты возвышаешься над ней.

Видит тебя твой отец, видит тебя бог Ра.
Пришел к тебе отец, пришел к тебе бог Ра.
Пришел к тебе отец, пришел к тебе бог <...>

Пришел к тебе отец, пришел к тебе бог <...>
Пришел к тебе отец, пришел к тебе бог <...>
Пришел к тебе отец, пришел к тебе Великий бык.
Пришел к тебе отец, пришел к тебе Обнимающий князя.
Пришел к тебе отец, пришел к тебе бог Сопду.
Пришел к тебе отец, пришел к тебе Снабженный зубами.

Дай сему умершему овладеть возлияниями прохладной воды.
Дай ему получить горизонт.
Дай сему умершему войти в Девятку богов и дополнить
Девятку богов.
Дай власть в руку сего умершего, поставленного
над Севером и Югом.
Он спускается, он приближается,
Он стоит во главе князей, среди князей сего озера.

Богиня Нефтида славит его при его приближении.
Ты снарядился, как Князь волхований,
Бог Сет, находящийся в городе Омсбос,
Владыка Южной страны,
Причем ты не освободился, не удалился.

Вот — ты более одушевленный и могучий, чем южные боги,
То есть их светила.
Два камня беременной ты связал.
Ты снарядился, как бог Сет, хвалимый Исидой.
Ты снарядился, как Хор-Южный,
Но ты не удалился, но ты не растаял.
Вот, ты более одушевленный и могучий, чем северные боги.
Бог Атум очищает тебя в городе Илиополь,
Ты спускаешься вместе с ним,
Ты судишь Ману, ты стоишь на местах <...>,
Ты возникаешь вместе со своим отцом, богом Атумом,
Ты поднимаешься вместе со своим отцом, богом Атумом.
Ты начинаешь блистать вместе со своим отцом, богом Атумом,

Ты удалился от Мару.
Твоя глава у Денедерской княгини.
Ты восходишь, ты открываешь себе путь в костях бога Шу.
Тебя окружили объятия твоей матери, богини Нут.
Ты очищаешься в горизонте, ты омываешься в озерах бога Шу.
Ты восходишь, ты спускаешься,
Спускаешься вместе с богом Ра,
Совокупляешься с богиней <...>.
Ты восходишь, спускающийся,
Ты восходишь вместе с богом Ра.
Ты начинаешь блистать вместе с Тем,
Кто охватывает Землю Князя.
Ты восходишь, спускающийся вместе с богиней Нефтидой,
Совокупляющийся с Семкетит.
Ты восходишь, спускающийся,
Ты восходишь вместе с богиней Исидой.
Ты начинаешь блистать вместе с Менаджет.
Ты овладеваешь своим телом. Ты не убегаешь.
Ты рождаешь бога Хора, ты зачинаешь Сета.
Ты очистился на Западе,
Ты получил свое очищение в Илиопольском княжестве
От своего отца, от бога Атума.
Ты возник, ты поднялся в высоту, ты начал светить,
Ты освежился в объятиях своего отца, в объятиях бога Атума.
Атум, ты возвел его, ты заключил его в свои объятия.
Это твой сын от твоей плоти навеки.

ЗАКЛИНАНИЕ РА-АТУМА

Бог Ра-Атум! Пришел к тебе сей умерший,
Светило, не знающее гибели,
Владыка находящихся в зеленых местах.
Пришел к тебе твой сын, пришел к тебе сей умерший.
Вы ходите по Высшему небу, соединенные для мужеложства.

Вы светите с того места горизонта, где вы сияете.
Боги Сет и Нефтида! Спешите!
Ударили южные боги, сиречь их светила.
Приходит сей умерший, Светило, не знающее гибели.
Захочет он вашей смерти — вы мертвы.
Захочет он, чтобы вы жили, — вы живы.

Бог Ра-Атум! Пришел к тебе умерший,
Светило, не знающее гибели,
Владыка, находящийся в зеленых местах.
Пришел к тебе твой сын, пришел к тебе сей умерший.
Вы бродите по Высшему небу, соединенные для мужеложства.
Вы блистаете на горизонте, в том месте, где вы сияете.

Спешите боги Осирис и Исида!
Ударили северные боги, то есть их светила.
Идет к себе сей умерший,
Светило, не знающее гибели,
Которому поклоняются светила водные.
Если он захочет, чтобы он жил, то он жив.
Если он захочет, чтобы он умер, то он мертв.

Бог Ра-Атум! Пришел к тебе сей умерший,
Владыка находящихся на зеленых местах.
Пришел к тебе твой сын, пришел к тебе сей умерший.
Вы бродите по Высшему небу, соединившись для мужеложства.
Вы блистаете в горизонте, на месте, откуда вы светите.

Бог Тот! Спеши!
Ударили западные боги, то есть их светила.
Приходит к себе сей умерший,
Светило, не знающее гибели, украшенный, как бог Анубис,
На жезле Владычицы высоты Запада.
Он испытует сердца, он овладевает сердцами.
Если он захочет, чтобы кто-нибудь жил, то он жив.

Если он захочет, чтобы кто-нибудь умер, то он мертв.
Бог Ра-Атум! Пришел к тебе сей умерший,
Светило, не знающее гибели,
Владыка находящихся на зеленых местах.
Пришел к тебе твой сын, пришел к тебе сей умерший.
Вы бродите по небу, соединенные для мужеложства.
Вы блистаете на горизонте, в месте, где вы светите.

Бог Хор! Спеши!
Ударили восточные духи, то есть их светила.
Идет к тебе сей умерший, то есть Светило, не знающее гибели.
Если он хочет, чтобы он жил, то он жив.
Если он хочет, чтобы он умер, то он мертв.

Бог Ра-Атум! Пришел к тебе твой сын.
Пришел к тебе умерший.
Ты возведи его к себе, ты заключи его себе в свои объятия.
Это твой сын от твоей плоти навеки.

УПОДОБЛЕНИЕ УМЕРШЕГО ОСИРИСУ

Светлая великая богиня Нут говорит слова:
«Это мой сын, первенец, умерший, разверзающий ложе сна.
Это мой любимец. Я успокоилась за него».

Бог Геб говорит слова:
«Это мой родной сын, умерший».

Великая, находящаяся посреди Нижнего Дома,
богиня Нут говорит слова:
«Это мой сын, умерший, мой любимец».

Поднятый на трон Геба, который успокоился за него,
Который дал ему его наследие перед великой Девяткой богов.

Все боги в ликовании. Они говорят:
«Прекрасен умерший. Его отец Геб успокоился за него».

Богиня Нут говорит слова:
«Умерший! Я дала тебе твою сестру богиню Нефтиду.
Она схватывает тебя, она дает твое сердце тебе, твоему телу».

Великая нехебская богиня Нут говорит:
«Мой любимец — это мой сын, умерший.
Я дала ему горизонты: овладевает ими он,
то есть Хор Горизонтов».

Все боги говорят:
«Воистину умерший наиболее любим тобою из твоих чад.
Для него избран амулет — вечность».

Великая, находящаяся посреди Дома окружения
богиня Нут говорит слова:
«Умерший — это сын моего сердца.
Я дала ему Страну Дуат, поднимается в нее он,
Он есть Хор, глава Страны Дуат».

Все боги говорят:
«Твой отец бог Шу знает, что ты больше любишь умершего,
Чем свою мать богиню Тефнут».

ГИМН ВСЕМ БОГАМ ОБ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ УМЕРШЕГО С ОСИРИСОМ

Говорить слова:
«Бог Атум! Это твой сын, это бог Осирис.
Ты дал ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.

Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Бог Шу! Это твой сын, это бог Осирис.
Ты дал ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Богиня Тефнут! Это твой сын, это бог Осирис.
Ты дала ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Бог Геб! Это твой сын, это бог Осирис.
Ты дал ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Богиня Нут! Это твой сын, это бог Осирис.
Ты дала ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.

Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Богиня Исида! Это твой брат, это бог Осирис.
Ты дала ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Бог Сет! Это твой брат, это бог Осирис.
Я даю ему жизнь, он накажет тебя.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Богиня Нефтида! Это твой брат, это бог Осирис.
Ты дала ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Бог Тот! Это твой брат, это бог Осирис.
Я даю ему жизнь, он накажет тебя.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Бог Геб! Это твой отец, это бог Осирис.
Ты дал ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Великая Девятка богов! Это и есть бог Осирис.
Вы дали ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Малая Девятка богов! Это-то и есть бог Осирис.
Вы дали ему жизнь.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Богиня Рат! Это твой сын, это бог Осирис.
Ты сказала о нем: «Чадо вашего отца!»
Ты очистила ему рот.
Его сын Хор, любимый им, открывает его рот.
Его члены сосчитаны богами.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящаяся в Илиополе»,
Твердыня его крепости в утверждении его!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в Анеджете»,
Начальник своих Домов!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в <...>»!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в Куще бога,
находящийся в каждении»!
Поднятый и охваченный гроб!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в <...>»!
Если жив бог, жив и сей умерший.

Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в созвездии Орион»!
Ты, который проводишь часть своего времени на небе,
Часть своего времени на земле!
На котором кружит Осирис, который видишь сего умершего,
Твое семя, вышедшее из тебя, уготованное!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в княжестве Буто»,
Рука которого позади твоей дочери, снабжающей себя от тебя!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в <...>»,
Руки которого позади вещей твоей дочери,
которая снабжает тебя от себя!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.
Ты, чье имя «Находящийся в княжестве Южный Он»,
Чьи руки позади твоей дочери, снабжающей тебя от себя!
Если жив бог, жив и сей умерший.

Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в княжестве Северный Он»,
Чья рука позади вещей твоей дочери, снабжающей тебя от себя!
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.

Ты, чье имя «Находящийся в <...>»,
Пожравший Око,
Тело которого находится под ним
После освобождения его твоим сыном Хором!
Ты живешь им.
Если жив бог, жив и сей умерший.
Если он не мертв, не мертв сей умерший.
Если он не погибает, не погибает умерший.
Если он не совокупляется, не совокупляется сей умерший.
Если он совокупляется, совокупляется сей умерший.
Твое тело — тело сего умершего. Твоя плоть — плоть сего умершего.
Твои кости — кости сего умершего.
Если ты спешишь — спешит и сей умерший.
Если спешит сей умерший — ты спешишь.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ УМЕРШЕГО

Осирис!
Приходит сей умерший, защитник Вепря и Девятки богов,
Светило, не знающее гибели.

Он испытует сердца, он овладевает <...>,
Он запрягает <...> всяким своим дышлом.
После того как он определил их себе,
Он настигает и никто не может ускользнуть от него.

Сказал бог Геб, выходящий из уст Девятки богов,
Сокол, после того как они схватили его:
«Если у него нет хлеба, то нет хлеба у его «ка»,
С тех пор как его хлеб у него».

Вот, ты одушевлен, ты могуч.
Приди к себе, умерший, защитник Вепря, Девятки богов,
Светило, не знающее гибели.
Прошел мимо своего подобия, ты устал, ты возвеличился,
Ты зазеленел, ты возликовал.
Не наступает время твоего молчания.
Смотри, что сделали боги Сет и Тот, твои братья,
Не знающие плача по тебе.

Богини Исида и Нефтида!
Обняли вы, обняли вы.
Вы соединились, вы соединились.
Приходит к себе сей умерший, защитник Вепря,
Девятки богов,
Светило, не знающее гибели.
Западные, находящиеся в земле подвластны сему умершему.
Приходит сей умерший, защитник Вепря, Девятки богов,
Светило, не знающее гибели.
Восточные, находящиеся в земле подвластны сему умершему.
Приходит сей умерший, защитник Вепря, Девятки богов,
Светило, не знающее гибели.
Северные, находящиеся в земле подвластны сему умершему.
Приходит к себе сей умерший, защитник Вепря,
Девятки богов,

Светило, не знающее гибели.
Находящиеся в царстве мертвых Нент подвластны сему
умершему.
Приходит к себе сей умерший, защитник Вепря, Девятки богов,
Светило, не знающее гибели.

ГИМН БОГИНЕ НЕЙТ

Открываются Врата горизонта, стучат его засовы,
Он пришел к тебе, богиня Нейт!
Он пришел к тебе, Огненная!
Он пришел к тебе, Княгиня!
Он пришел к тебе, Княгиня волхований,
Ты очистилась, ты стала устрашать.
Ты почиваешь на нем, ты почиваешь на его рогах.
Ты почиваешь по его слову, которое он говорит тебе.
Как прекрасно твое лицо, Спокойная и Обновленная,
Когда ты родила бога, Отца богов.
Он пришел к тебе, Княгиня волхований!
Это бог Хор, окруженный охраной своего Ока —
Княгини волхований.

О богиня Нейт! О Носимая! О Княгиня!
О Княгиня волхований! О Огненная!
Дай, чтобы сей умерший резал, как ты режешь!
Дай, чтобы сей умерший наводил страх,
как ты наводишь страх!
Дай сему умершему быть прославляемым,
как ты прославляема!
Дай, чтобы любили сего умершего, как ты любима!
Помести его жезл перед живущими!
Помести его жезл перед светилами!
Даруй ему крепость против его врагов!

О Носимая! Ты вышла из него, он вышел из тебя.
Родила тебя Княгиня, украсила тебя Утит,
Родила тебя Утит, украсила тебя Княгиня,
Так как ты и есть бог Хор, огражденный охраной своего Ока,
Восходящий, как солнечный бог Хепрер!

ПРИХОД УМЕРШЕГО В ЗАГРОБНЫЙ МИР

Сей умерший пришел к тебе, богиня Нут!
Сей умерший пришел к тебе, богиня Нут!
Он швырнул отца на землю.
Он отвязал бога Хора позади себя.
Ноги и крылья его соколиные, оперение — как у орла.
Его сын принес его,
Его сын снабдил его волхованиями.
Ты открываешь свое место на небе вместе с небесными звездами,
Так как ты — единственная звезда на плече богини Нут.
Хлопает видящий тебя на плече Осириса,
Отдающего приказания светилам,
А ты стоишь вдали от него.
Тебя нет среди них, ты не находишься среди них.

Я вижу, когда стоит сей умерший в широте.
Рога головы его — два быка.
Так как ты и есть бог Сим, сын бога Сита.
Чада богини Ситбакет, вскормленные грудью <...>.
К вам идет Хор голубоокий, храните красноокого Хора.
Болезнь чада не прогоняет его души.
Спешат приношения ему, устремляются ищущие его.
Они ударяют для красноты на Восток,
Когда в тебе уходит сей единственный.
Соп говорит, он отдает приказания своим отцам-богам.

Боги смолкают для тебя,
Девять богов подносят свои руки к своим ртам
Пред сим единственным в тебе.
Соп говорит, он отдает приказания своим богам-отцам.
Стой у Врат горизонта.
Отверсты Врата неба.
Стоишь ты пред ними.
Ты есть бог Геб, глава своей Девятки богов.
Они входят. Они ударяют жизнь.
Они входят, они несут свои лица.
Они видят тебя, то есть бога Мина, главу Двух святилищ.
Двое стоят позади тебя: твой брат стоит позади тебя,
Твой брат стоит позади тебя.
Ты не погибнешь, ты не перестанешь существовать.
Твое имя стирается у людей, твое имя существует у богов.

Говорить слова:
«Твой сын, бог Хор, заставил для тебя дрожать князей,
Когда они видят меч в твоей руке, когда ты входишь
в Страну Дуат.
Здравствуй, Мудрый.
Геб сотворил тебя, родили тебя Девять богов.
Хор спокоен за своего отца, Атум спокоен за его годы.
Западные и восточные боги спокойны за Княгиню,
Появляющуюся в руках чад бога.
Умерший! Умерший!
Смотри! Гляди! Умерший!
Умерший! Слушай! Умерший!
Будь там, умерший!
Умерший! Поднимись на свой бок.
Исполняй приказания, ненавистник утомительного сна.
Стой, находящийся в Недите.
Приготовляй свой прекрасный хлеб в Пе.
Получается твоя сила в Илиополе.

Это бог Хор.
Он приказал то, что сделано его отцу, Владыке грозы.
При его появлении дрожит бог Сет.
Он поднимает тебя, он же поднимает Атума».

Говорить слова:
«Умерший велик.
Умерший вышел между бедер Девятки богов.
Богиня Сехмет зачинает от умершего,
Богиня Шастит рожает умершего.
Утренняя Звезда широко ходящая,
Каждый день приготовляет дорогу солнечному богу Ра.
Умерший пошел к своему седалищу
Оно — на владычице Нехебт и владычице Уаджит.
Умерший идет, как звезда».

Говорить слова:
«О Старик, которого называют по его имени „Приходящий"!
Умерший — это лотос, блестящий на земле.
Делающий свое место очищает умершего.
Сей умерший — у носа Могучего, Великого.
Умерший пришел к пламенному острову.
Умерший поместил у себя правду на место греха земли.
Умерший сей одет в белое, хранитель короны,
В эту ночь великого наводнения, выходящего от Княгини.
Умерший, как бог Нефертум, выходит из лотоса к носу бога Ра.
Он выходит ежедневно из горизонта.
Боги очищаются при виде его».

Говорить слова:
«Умерший — это владыка <...>,
Он соединяет сердца для великого Владыки сытости,
Носитель писания бога,
Мудрец Страны солнечного захода.

Умерший пришел к своему седалищу, находящемуся на <...>,
Умерший соединяет сердца, Владыка сытости Княгини.
Умерший превратился в мудреца,
Носителя божественной книги, одесную бога Ра.
Я мелю вместе с умершим.
Вот — умерший говорит то, что на сердце Великой
в праздник <...>.
Умерший — это умерший,
Это мудрец Страны захода солнца, одесную бога Ра.
Совокупляется нога с сердцем пред пещерой бога Нуна».

Говорить слова:
«О начальники часов предка бога Ра,
Приготовляющие путь умершему!
Умерший удаляется в отряде Воинственных лицами.
Умерший идет к седалищу своего отца
Пред седалищами позади бога, дающего голову.
Соединяющий могучий рог,
Он есть носитель меча, перерезающего горло,
Разделитель волос на голове быка,
Мудрец, который <...> находящихся в темноте,
Рог могучий, находящийся позади великого бога.
Умерший ударил нападающего, умерший поразил их спереди.
Рука умершего не встречает сопротивления в горизонте».

Говорить слова:
«Несите свои лица, боги, находящиеся в Стране Дуат.
Умерший пришел.
Вы видите его, превратившегося в великого бога.
Умерший приходит, как птица <...>.
Умерший украшен.
Вот, вы в свои пределах, а умерший отдает приказания людям.
Умерший отдает приказания живущим внутри берегов бога Ра.
Умерший говорит к этому Чистому берегу.

Он уселся вместе с Судьей двух богов.
Сила умершего у головы умершего,
Бич умершего очищает умершего.
Умерший сидит вместе с гребцами корабля бога Ра.
Умерший приказывает хорошее, он делает это.
Умерший — это великий бог.

РИТУАЛ ОТВЕРЗАНИЯ УСТ[1]

Говорить слова:
«О умерший!
Я пришел, помня о тебе.
Я — бог Хор.
Я прижал тебе твой рот.
Я твой сын, твой любимец.
Я открыл тебе твой рот.
Я ударяю его ради его матери: она оплакивает его.
Я ударяю его для соединения его уст.
Я <...> твой рот.
Я привесил для тебя твой рот к твоим костям.
Я <...> твой рот.
Я привесил тебе твой рот к твоим костям.
Ты открыл свой рот, ты открыл свои глаза.
Ты открыл свой рот от действия нуи,
Медной мосхи, открывающей рот богам.
Бог Хор, отверзи рот его!
Бог Хор, открой рот сего умершего!»

Хор отверз рот сего умершего.
Хор открыл рот сего умершего,

[1] Первоначально при бальзамировании трупа египтяне отделяли голову от тела и хоронили ее отдельно. При этом обряде читались заклинания, благодаря которым душа переселялась из тела в статую умершего.

Как открывал некогда рот отца своего Осириса,
Как открыл некогда рот Осириса.
Медью, выходящею из бога Сета,
Медной мосхой, отверзающей рот богам.
Ею открыт рот умершего, и он уходит.
Он сам беседует с великой Девяткой богов
в илиопольской Палате князей.
Он берет Уррит при Хоре, владыке патов.

Говорить слова:
«Твой сын доставил тебе то, что ты любишь: открой свой рот.
Осирис!
Возьми себе все ненавистное для умершего,
злые речи во имя его.
Бог Тот!
Поспеши, схвати его для Осириса,
Принеси злые речи во имя умершего!
Помести все это в свою руку. Не погибни ты от него!
Защита!
Не погибни ты от него!»

РИТУАЛ ПРИЗЫВАНИЯ ДУШИ-ДВОЙНИКА «КА»[1]

Говорить слова:
«Умерший для Осириса.
Спешит спешащий со своим „ка“,
Спешит бог Хор со своим „ка“,
Бог Сет спешит со своим „ка“,
Бог Тот спешит со своим „ка“,

[1] Египтяне считали, что душа человека представляет собой несколько независимых сущностей — «ка», «ба», «ах» и так далее. «Ка» можно рассматривать как нечто вроде «сознания», «разума». «Ка» — это то, что делает человека неповторимой личностью.

2 Зак. № 387

Ба спешит со своим „ка“,
Осирис спешит со своим „ка“.
Хонтиируи спешит со своим „ка“,
Когда спешит твое утверждение со своим „ка“.
О умерший! Рука твоего „ка“ впереди тебя.
О умерший! Рука твоего „ка“ позади тебя.
О умерший! Нога твоего „ка“ впереди тебя.
О умерший! Нога твоего „ка“ позади тебя.
Осирис-умерший!
Я дал тебе Око Хора, твое лицо снабжено им».

Говорить слова четырежды:
«Запах ока Хора простирается к тебе».

«Бог Хор, находящийся в Осирисе-умершем,
Я призываю к тебе Око Хора, которое при тебе,
Как Око Хора, распространившего запах его.
Осирис-умерший!
Вот Око Хора, снабжающее тебя своим запахом.
Осирис-умерший!
Бог Хор дал тебе свой глаз. Ты снабдил им свое лицо.

О умерший!
Я пришел, я принес Око Хора.
Ты снабдил им свое лицо, оно очистило тебя, его запах у тебя.
Запах ока Хора у сего умершего, оно погоняет твое истечение.
Оно защищает тебя от влаги руки Сета.

О умерший!
Ты состарился и Око Хора здорово у тебя,
Око Хора здорово, здорово.
Хор, находящийся в Осирисе!
Ты снабжен Оком Хора: оно пришло к тебе.
Хор наполнил тебя из своего целого глаза.
Это возлияние твое, Осирис, это возлияние твое, о умерший,

Твое, исходящее от твоего сына, исходящее от Хора.
Я пришел, я принес тебе Око Хора, твое сердце
освежается под ним,
Я принес его под тебя, под твои сандалии.
Я привязываю тебе влагу, исходящую от тебя:
Твое сердце не успокаивается под нею».

Четырежды говорить слова:
«Да не уйдет от тебя голос!»

Возлияние и два зерна ладана.
Дать северное возлияние.
Дать возлияние.

Говорить слова:
«Осирис-умерший!
Возьми себе это свое возлияние, ты освежился у Хора.
Во имя твое: Выходящий в каждении.
Возьми себе свою влагу, выходящую из тебя.
Хор дал тебе схватить богов на всяком месте,
куда ты уходил.
Хор дал тебе испытать чад Хора на месте,
на котором ты находишься.

Осирис-умерший!
Возьми свой натр, своего бога.
Нут дала тебе быть богом своего врага, во имя твое, бог.
„Хор плодов" испытует тебя во имя твое: Юный камень».

РИТУАЛ ЗАУПОКОЙНОЙ СЛУЖБЫ

Здравствуй, каждение!
Здравствуй, брат бога!
Здравствуй, ласточка, находящаяся на теле Хора.

Великий отец!
Прострись во имя твое!
Твой запах направляется к Унису, твой аромат к Унису.
Око Хора!
Ты выше, ты больше умершего.

Отец умершего!
Возьми себе Око Хора, кушанья для всех богов,
от которых они вкушают.
Отец умершего!
Возьми себе истечение, выходящее из Осириса.
Осирис-умерший!
Вот, Око Хора у тебя.

О ликующие, пашущие, поднимающие дух унылых.
Пожравшие Око Хора, оливковое дерево,
Находящееся в городе Илиополе.
Малый перст Униса получает то, что принадлежит
находящемуся у хлеба.
Да не жаждет он! Да не голодает он!
Да не печалится сердце умершего!
Инау! Прогони его голод, о веселящий, о веселящий сердце.
О начальники пролияния яств и питий, стражи наводнения,
Которым умерший поручил хлеб и кружки —
Сам Ра поручил ему это.
Ра поручил это вождям изобилия этого года.
Что они схватывают, дают ему.
Они дают ему то, что хватают: ячмень, пшеницу, пиво.
Так, как отец дает умершему.
Так, как Ра дает ему ячмень, пшеницу, пиво.
Так как он-то и есть Великий бык, поражающий Кенсет,
Так как умерший есть страж пяти вещей хлеба и пива в Доме.
Три вещи находятся на небе у Ра,
Две вещи находятся на земле у двух Девяток богов.

Он разрывает то, что разрывает. Он видит то, что видит.
Эй, Ра! Будь сегодня добрее к нему, чем вчера.
Умерший совокупляется с Мут,
Умерший целует сухость Исиды.
Умерший соединился с пламенем.
Умерший совокупляется с Нофрит.

Его сила — сухость, зерна, напитки.
Нофрит овладевает силой умершего.
Она дает хлеб умершему,
Она дает ему благое в сей день.

Говорить слова:
«О пролияния яств, стражи возлияний, наводнения!
Умерший поручен кравчему Ра Фетекта.
Он приказывает, а тот да поручит умершего самому Ра.
Ра поручен умершему и начальникам вызывающих сильные восклицания.
Он дает умершему то, что кусает.
Дает умершему то, что пьет.
Умерший засыпает здоровым ежедневно».

Говорить слова:
«Хлеб и пиво Атуму, хлеб и пиво Атуму,
Хлеб и пиво находящемуся у ока Ра.
Хлеб и пиво ладьи, находящейся у ока бога,
Кравчий жертвенного камня, воды.
Горит огонь <...> вместе с <...>».

Четыре пригоршни воды.

Говорить слова:
«Шу процветает, умерший не захватил его вещей.
Умерший процветает: Шу не захватил его вещей.
Восточные приношения — это твой хлеб».

ГИМН УМЕРШЕМУ

Говорить слова:
«Ухай, пляши и восклицай!

О умерший!
Стой, садись у тысячи хлебов, тысячи пива,
Жаркого, яств из бойни, запертой в зале.
Если бог снабжен жертвою бога,
То и умерший снабжен своим хлебом.
При приходе твоего сына, Осирис, одушевленный
среди светил,
Владеющий своими местами,
Защищенный Девяткой богов в <...>.

О умерший!
Я возвожу тебя себе, я провожу тебя к гробнице,
К могиле в пределах твоих,
Чтобы дать тебе Око Хора, которое я испытую для тебя.
Для тебя спускается к тебе Око Хора.

О умерший!
Стой, ты получил сей свой хлеб от моей руки».

Четырежды говорить слова:
«О умерший! Ты находишься в двери!»

Четырежды говорить слова:
«Да получит он жертву во всех своих статуях,
во всех своих местах!»

Говорить слова:
«Хлопай себе, умерший!
Остановись, умерший!
Ты ушел, ты отдаешь приказания обителям бога Хора.
Ты ушел, ты отдаешь приказания местам бога Сета.

Ты ушел, ты отдаешь приказания местам Осириса.
Царь дает жертву во всех твоих статуях.
Ты надеваешь шкуру пантеры, ты одеваешься в полотно.
Ты уходишь в сандалиях.
Ты уходишь в лапислазурном корабле,
Во всех твоих образах, во всех своих местах.
Твой жезл „нехеб“ — глава живых,
Твой жезл „маду“ — глава светил,
Он есть Анубис, глава западных,
Анеджити — глава восточных княжеств».

Говорить слова:
«Принадлежащее тебе — в полном благополучии.
Ты светишь, о умерший, со своими братьями-богами.
Идет дождь, который они проливают среди твоих детей.
Берегись!
Это твой предел в земле».

Четырежды говорить слова:
«Твое тело одето, когда ты выходишь при них».

Говорить слова:
«Хлопай себя, умерший!
Остановись, умерший!
Ты ушел, ты отдаешь приказания обителям бога Хора,
Ты отдаешь приказания обителям бога Сета,
Ты говоришь слова обителям Осириса.
Южноегипетский царь дает жертву,
Твой сын на твоем троне,
Ты одеваешься в шкуру пантеры,
Ты одеваешься в полотно,
Ты уходишь в сандалиях, ты режешь быка.
Ты уходишь в лапислазуревом корабле,
Во всех твоих местах, во всех твоих образах.
Твой жезл „нехеб“ — пред живущими,

Твой жезл „небмаду“ — пред светилами.
Уходящий! Защитник своего сына!
Твое тело одето, когда ты уходишь при мне.
Ты состарился».

ПРОСЛАВЛЕНИЕ УМЕРШЕГО

О умерший!
Ведь ты не ушел мертвецом, ты ушел живым.
Сидящий на троне Осириса!
Твой скипетр в твоей руке, ты отдаешь приказания живущим.
Твой скипетр-мекеш и твой скипетр-нехбет в твоей руке,
Отдающей приказания тем, чьи места сокровенны.
Твоя рука, как у бога Атума. Твои плечи, как у бога Атума.
Твой живот, как у бога Атума. Твоя спина, как у бога Атума.
Твои бедра, как у бога Атума. Твои ноги, как у бога Атума.
Твое лицо, как у бога Анубиса.
Ты кружишься по местам бога Хора,
Ты рыщешь по местам бога Сета.

О умерший, Твоя охрана — озеро.
Пришли послы твоего «ка» к тебе.
Пришли послы твоего отца к тебе.
Пришли послы Ра к тебе.
Спеши вслед за своим богом Ра очищаться у себя.
Твои кости — соколицы, богини, находящиеся на небе.
Ты находишься рядом с богом, ты отвязываешься.
Ты выходишь к своему сыну.
Так как ты устранил все, что непригоже говорилось
об имени умершего.
Ты выходишь, так как бог Геб приказал это.
Он бежит. Он устает.
Ты очищаешься в Небесном океане чистой воды.
Ты спускаешься на медных канатах, на плечах Хора во имя его:

«Находящийся в Небесной ладье».
Люди города Бусирис кланяются тебе,
Поднимают тебя не знающие гибели.
Ты восходишь к месту нахождения своего отца,
К месту нахождения бога Геба.
Он дает тебе находящуюся впереди бога Хора.
Твоя душа в ней, твоя сила в ней.
Ты находишься в ней, глава западных.

О умерший!
Спешат несущие тебя, прибегают твои молотильщики
при твоем отце,
При боге Атуме.
Бог Атум! Ты возводишь умершего,
Ты заключаешь его в свои объятия.
Нет бога карающего, никого подпирающего, а ты пришел,
подпирая.
Видимый! Ты узрел образцы рождающих своих отцов.
Их уста знают не знающих гибели.
Ты видишь находящихся во дворце, то есть богов Хора
и Сета.
Ты разбиваешь лицо Хора для него,
Ты прогоняешь преступление от него.
Ты сплетаешь нижнюю часть бога Сета, ты даешь ему ходить.
Ты родил того, ты зачал этого.
Ты рождаешь Хора во имя его, князь, вокняжившийся
в земле,
Пред которым трепещет небо.
Если этот не идет, если нет преступления этого,
Нет и твоего преступления и ты не идешь.
Ты рождаешь бога Хора для бога Осириса,
Твоя душа у него, твоя сила у него.
Ты зачинаешь бога Сета для бога Геба,
Твоя душа у него, твоя сила у него.
Если плоть семени бога не преходит,

То и твоя плоть не преходит.
Бог Ра-Атум не дает тебя богу Осирису.
Он не испытует твоего сердца,
Он не овладевает твоим сердцем.
Бог Ра-Атум не дает тебя богу Хору.
Он не испытует твоего сердца.
Он не овладевает твоим сердцем.
Осирис! Ты не овладел им!
Не овладел им твой сын.
Хор! Ты не овладел им.
Не овладел им твой отец.
«Ведь тебя утверждает бог Атум», — сказали сын и дочь Атума.
Поднимись! Они несут во имя твое: ты — бог.
Ты становишься Атумом и всяким богом.
Твоя голова, как бог Хор-Утренняя Звезда, не знающая гибели.
Твой перед — как бог Хонтирти, не знающий гибели.
Твои уши — не знающие гибели сын и дочь бога Атума.
Твой нос — не знающий гибели Шакал.
Твои зубы — не знающий гибели бог Супта.
Твои локти — боги Хапи и Дуамутеф.
Ты совершаешь моление, ты восходишь к Верхнему небу.
Да взойдешь!
Твои ноги — боги Амсет и Кеесенуф.
Ты совершаешь моление, ты спускаешься к Нижнему небу.
Да спустишься ты!
Твои члены, не знающие гибели — сын и дочь бога Атума.
Ты не гибнешь, твой «ка» не гибнет. Ты — «ка».

ЗАКЛИНАНИЕ ПРОТИВ ВРАГОВ УМЕРШЕГО

Сказал Начальник пахарей, находящийся в Стране Дуат:
«Когда ты приближаешься к прекрасной Аментит,
Сгибающейся при твоем приближении,

Сгибающейся со своими прекрасными волосами,
Вот, она говорит:
„Идет к сему умершему копейщик,
С блистающим рогом,
Столб с подкрашенными глазами,
Бык небесный,
Чтобы поднять твой облик — иди с миром!
Тебя защитил Отец!“»

Сказала прекрасная Аментит сему умершему:
«Спеши, поезжай к Полям <...>,
Овладей тайником <...>»

Сказал <...>:
«Ты возделываешь землю Виновнику своей жизни,
К Виновнику своей жизни, к своей <...>
Ты видишь Ра в его оковах.
Ты поклоняешься Ра, как тому, чьи оковы происходят от Великого стража,
Одетого в свои пурпурные одежды Владыки яств».

Он дает тебе руку.
Его обезьяны, раскрывающие головы!
Сей умерший благополучно минует вас,
Он привязал свою голову на свой жезл силы.
Сила умершего защищает его во имя его.
Привязывающий голову.
Он привязывает себе голову бога Аписа в этот день поимки быка.
Вот умерший дал им вкушать их пития,
Пить от их наводнения.
О! Сей умерший находится там под защитой видящих его.
<...>, находящаяся на своем жезле,
Сирота сего умершего, опора бога Шу,

Расширяет его место в городе Бусирисе,
В городе Мендесе, в городе <...>.
Она воздвигает два насеста пред Князьями.
Она выкапывает пруд сего умершего в Полях Иару.
Она укрепляет ниву сего умершего в Полях яств.
Сей умерший судит богиню Мехитурт,
Находящуюся между двумя гребцами.
Вот сила его! Сила <...>!
Мощь умершего — мощь Ока <...>!
Умерший защитил себя от бессильных против него образов,
Пытающихся отнять у него его яства.
Ведь кто бы ни пытался отнять у него ужин,
Кто бы ни пытался прогнать ветер от носа сего умершего,
Удались дни жизни сего умершего,
Сильнее их сей умерший.
Сей умерший поднимается на своем берегу.
Их сердца падают к пальцам сего умершего.
Их потрохи достаются небожителям.
Их красная кровь — обитателям земли.
Их мясо — тлению, их домы — ворам.
Их ворота — великому Нилу.
Радуется сердце сего умершего.
Радуется сердце сего умершего.
Умерший — это единственный Бык небесный.
Он прогнал бессильные против него образы.
Погибли для сего умершего те из них, которые находились здесь,
Когда появилось седалище сего умершего,
Помещенное ему его отцом богом Шу рядом с богом Сетом.
Сей умерший получает то, что дал ему его отец Шу рядом с Сетом.
Сей умерший поднимает то, что дал ему его отец Шу рядом с Сетом.

Говорить слова:
«Горизонт каплет Хору Нехенскому еду и питье владык.
Его пламень огненный против вас,
Находящихся позади храма.
Разливается его огненная река против вас, носители Княгини.
Горизонт капает Хору Нехенскому яства и питье владык.
О сей согбенный, имеющий согбенную фигуру,
Имеющий согбенный вид!
Поместись на своем седалище.
Положи свою мумию к земле сего умершего.
Если же ты не поместишься на своем седалище,
Не поместишь свою мумию к земле сего умершего,
То придет сей умерший, лицо которого как Князь,
Владыка силы,
Мощный, благодаря преступлению,
Совершенному по отношению к нему,
И даст сей умерший пламени своего Ока кружить позади вас,
Наводить ужас, как Совершитель обрядов,
Разливаться, как эти Первые боги.
Он схватит руку бога Шу, находящуюся под богиней Нут.
Он поднимет свое плечо, как ту стену, на которую
ты опираешься,
Князь стоит на своем престоле.
Он кладет свою мумию к земле сего умершего.
Он схватил вкус и овладел разумом».

РЕЧИ УМЕРШЕГО I

Я пришел к тебе, богиня Нефтида,
Я пришел к тебе, богиня Семкетит.
Я пришел к тебе, Богиня красок,
Я пришел к тебе, Вспоминающая: помяните его, сего умершего.
Созвездие Орион кружит, принесенный богиней Страны Дуат,

Чист Живущий в горизонте.
Кружит созвездие Сопдит, принесенная богиней
Страны Дуат,
Чист Живущий в горизонте.
Кружит сей умерший, принесенный богиней Страны Дуат,
Чист Живущий в горизонте.
Он светит им, он прохлаждает их.
В объятиях своего отца, в объятиях бога Атума.

РЕЧИ УМЕРШЕГО II

Я очистился, я очистился в Полях Иару.
Бог Ра очистился в Полях Иару.
Я очистился, я очистился в полях Иару.
Сей умерший очистился в полях Иару.
Рука умершего — как рука бога Ра.
Бог Нут берет его руку.
Бог Шу поднимает его.
Бог Шу поднимает его.

Говорить слова:
«Роса Княгини — царю, Нехенскому быку.
Пламень огненный сего умершего —
Вам, находящиеся позади святилища.
О великий бог, имя которого неведомо!
Вещи которого на месте единого Владыки.
Я — господин горизонта!
Устрой место сему умершему!
Если ты не сделаешь места сему умершему,
<...> приношений от отца его, бога Геба.
Земля не станет говорить с ним, Геб не станет приносить ему,
Что найдет умерший на пути своем, он жадно, жадно пожрет.
Пусть заговорит птица «хонт»,

Пусть выйдет Девятка богов, пусть останется Князь!
Пусть заговорят три Девятки богов Страны <...>!
Да соединятся две части Афродитопольского княжества.
Да соединятся две Неведомые страны,
Путь к которым скрыт для мимоходящих,
Лестницы которых уготованы для восходящих.
Да переправит канат через небеса «Машкот»!
Да разобьется лапислазурь в устье двух Нилов.
О сила твоих полей, Предок столпа звезд,
Увидевших столп Быка небесного!
Велика сила лежащего на своем боку.
Спускается страх, трепещут режущие предки Небесного урагана,
Когда царь судит землю, наметив угодный себе день, чтобы ходить там.

«ИСПОВЕДЬ ОТРИЦАНИЯ»

Я не чинил зла людям.
Я не нанес ущерба скоту.
Я не совершал греха в месте Истины.
Я не творил дурного.
Имя мое не коснулось слуха Кормчего Священной ладьи.
Я не кощунствовал.
Я не поднимал руку на слабого.
Я не делал мерзкого пред богами.
Я не угнетал раба пред лицом его господина.
Я не был причиной недуга.
Я не был причиною слез.
Я не убивал.
Я не приказывал убивать.
Я никому не причинял страданий.
Я не истощал припасы в храмах.

Я не портил хлебы богов.
Я не присваивал хлебы умерших.
Я не совершал прелюбодеяния.
Я не сквернословил.
Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее.
Я не убавлял от мер площади.
Я не обманывал и на полмеры.
Я не давил на гирю.
Я не плутовал с отвесом.
Я не отнимал молока от уст детей.
Я не сгонял овец и коз с пастбища их.
Я не ловил в силки птицу богов.
Я не ловил рыбу богов в прудах ее.
Я не останавливал воду в пору ее.
Я не преграждал путь бегущей воде.
Я не гасил жертвенного огня в час его.
Я не пропускал дней мясных жертвоприношений.
Я не распугивал стада в имениях бога.
Я не чинил препятствий богу в его выходе.
Я чист, я чист, я чист, я чист!

Чистота моя — чистота великого Бену в Гераклеополе,
Ибо я — нос Владыки дыхания,
Что дарует жизнь всем египтянам,
В сей день полноты Ока Хора (Луны) <...>,
Во второй месяц Всходов,
В день последний —
В присутствии Владыки этой Земли (Ра).
Да, я узрел полноту Ока Хора (Луны) в Гелиополе!
Не случится со мной ничего дурного в этой стране,
В Великом Чертоге Двух Истин,
Ибо я знаю имена сорока двух богов,
Пребывающих в нем,
Спутников Великого бога (Осириса).

ВТОРАЯ ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ УМЕРШЕГО

О Уснех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла!
О Хепет-седежет, являющийся в Хер-аха, я не крал!
О Денджи, являющийся в Гермополе, я не завидовал!
О Акшут, являющийся в Керерт, я не грабил!
О Нехехау, являющийся в Ро-Сетау, я не убивал!
О Рути, являющийся на небе, я не убавлял от меры веса!
О Ирти-ем-дес, являющийся в Летополе, я не лицемерил!
О Неби, являющийся задом, я не святотатствовал!
О Сед-кесу, являющийся в Гераклеополе, я не лгал!
О Уди-Несер, являющийся в Мемфисе, я не крал съестного!
О Керти, являющийся на Западе, я не ворчал попусту!
О Хеджи-ибеху, являющийся в Фаюме, я ничего не нарушил!
О Унем-сенф, являющийся у жертвенного алтаря,
я не резал коров и быков, принадлежащих богам!
О Унем-бесеку, являющийся в подворье тридцати,
я не захватывал хлеб в колосьях!
О Владыка Истины, являющийся в Маати,
я не отбирал печеный хлеб!
О Тенми, являющийся в Бубастисе, я не подслушивал!
О Аади, являющийся в Гелиополе, я не пустословил!
О Джуджу, являющийся в Анеджи,
я не ссорился из-за имущества!
О Уамти, являющийся в месте суда,
я не совершал прелюбодеяния!
О Манитеф, являющийся в храме Мина,
я не совершал непристойного!
О Хериуру, являющийся в Имад, я не угрожал!
О Хеми, являющийся в Туи, я ничего не нарушил!
О Шед-Херу, являющийся в Урит, я не гневался!
О Нехен, являющийся в Хеха-Джи,
я не был глух к правой речи!
О Сер-Херу, являющийся в Унси, я не был несносен!

О Басти, являющийся в Шетит, я не подавал знаков в суде!
О Херефхаеф, являющийся в Тепхет-Джат,
я не мужеложествовал!
О Та-Ред, являющийся на заре! Не скрывает ничего
мое сердце!
О Кенемтче, являющийся во мраке, я не оскорблял другого!
О Ихетенеф, являющийся в Саисе, я не был груб с другим!
О Неб-Херу, являющийся в Неджефет,
я не был тороплив в сердце моем!
О <...> Неб-Аци, являющийся в Сиуте, я не был болтлив!
О Нефертум, являющийся в Мемфисе, нет на мне пятна,
я не делал худого!
О Тем-Сен, являющийся в Бусирисе,
я не оскорблял фараона!
О Иремибеф, являющийся в Чебу, я не плавал в воде!
О Хеи, являющийся в Куне, я не шумел!
О Уджи-рехит, являющийся в подворье, я не кощунствовал!
О Нехеб-Неферт, являющийся в Нефер, я не надменничал!
О Нехебкау, являющийся в городе,
я не отличал себя от другого!
О Джесертеп, являющийся в пещере <...>!
О Инаеф, являющийся в Югерт,
я не оклеветал бога в городе своем!

ВЕДИЧЕСКИЕ ГИМНЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СМЕРТИ

Поэтическое переложение гимнов В. Тихомирова

Ахтарваведа[1], V, 9

Небесам слава.
Земле слава.
Воздухам слава.
Небесам слава.
Земле слава.
Глаз мой солнце. Дых мой ветер. Дух мой воздух.
Плоть земля. Здесь мне имя Нерушимый. Здесь я весь,
Да хранят меня Земля и Небо.

Веку кверху. Силам кверху. Что содеял кверху. Что содею кверху.

Созидательницы века, вы хранительницы века, вы богаты сладкой свадха, вы храните меня, упасите меня.

Вы сидите во мне. Не губите меня.

Ахтарваведа, XVIII, 4
ИЗ ПОХОРОННОГО ГИМНА

Ввысь к праматери всех вас всеведы
я веду путем, проторенным отцами,

---

[1] Ахтарваведа — четвертая из четырех книг Вед, «Веда Заклинаний», самая поздняя из всех. Содержит заклинания, произносившиеся жрецом — «ахтарваном».

вместе с жертвоношей, несущим жертву
жертводателя, в мир благой поместите.

Год готовит жертву и жертволитье,
жертвенную утварь с жертвенной лепешкой;
ты ступай дорогой, торенной богами,
с жертводателями вместе в мир небесный.

Ты гляди, гляди на пути закона,
там же Ангирасы благотворны ходят;
ты иди по тем путям в поднебесье,
где же все Адитьи мед вкушают,
растворись на третьем небосводе.

Три орла шумливых восседают
на вершине вышнего небосвода,
в мирах небесных, наполненных амритой[1],
да исполнится жертводатель силой.

Ложка масла — небу, ковш — поднебесью
черпало — тверди земли опора
в мирах небесных, в мирах жирноверхих,
да исполнятся жертводателю желанья.

На землю-кормилицу взойди черпало,
ты же, ковш, подымись в поднебесье,
ты же, ложка, с жертводателем в небо,
да с ложицей малой, как с малым теленком,
дои Вселенной доброе вымя.

Зовут великими бредущих бродом
жертвоблюстителей и благотворцев,

[1] *Амрита* — напиток бессмертия богов, приготавливаемый из растения сомы.

сотворивших жертводателю место,
творя порядок во Вселенной и в тварях.

Путь Ангирасов — огонь восточный,
путь Адитьев — огонь домашний,
жертводаяний путь — огонь на юге;
ты приди к Агни, зажженному, с молитвой,
весь без изъяна, целый и могучий.

Впереди огонь восточный на благо,
позади огонь домашний на благо,
да сожжет твою твердыню пламя южное,
сверху с севера да из середины;
храни Агни тебя кругом от страха.

Вы конями верховыми несите
благодатные огни Агни — бога
жертводателей — в мир небесный
да на пир совместный с богами.

Агни спереди жги на благо и сзади,
Агни снизу жги на благо и сверху;
триединый Джатаведас отовсюду,
его направь в страну благих деяний.

Да обнимется огнями на благо
ради Праджапати весь готовый к жертве,
не отринут ни единой частью.

Тянет жертва, летит направляя
жертводателя в мир небесный
без изъяна огням на радость;
весь он — жертва для Праджапати,
не отринут ни единой частью.

Жертводатель, он взошел на кострище,
в небо вышнее взлететь с небосвода;
да сияет благотворцу в поднебесье
путь небесный, проторенный богами.

Агни первожрецом, вторым будь Брихаспати,
одесную Индра будь твоим брахманом;
эта жертва, совершенна, завершенна,
да ступает по стопам прежней жертвы.

Да снидет снедь сюда молоко и тесто,
да будет жертва творцам путеводным,
всем причастным небесному жертвопитью[1].

Агни, богу жертвоноше, наш поклон и свадха![2]
Соме, праотцам приобщенному, наш поклон и свадха!
Праотцам, приобретшим Сому, наш поклон и свадха!
Яме, праотцам приобщенному, наш поклон и свадха!
Тебе, прадеду, наша свадха и твоим потомкам!
Тебе, деду, наша свадха и твоим потомкам!
Тебе, отче наш, наша свадха!
Свадха отцам, на земле сидящим!
Свадха отцам, в поднебесье сидящим!
Свадха отцам, в небесах сидящим!
Отцы! поклон вашей жизнетворной силе!
Отцы! поклон вашему соку!
Отцы! поклон вашей ярости!

---

[1] Этот стих сопровождает ритуал кормления умершего. Кости, которые остались после кремации, складывают в виде человеческой фигуры и вокруг нее, ориентируясь на стороны света, ставят блюда с поминальной пищей.

[2] *Свадха* — это или обозначение специального сладкого жирного напитка, который подносят «отцам» в ритуале поминания (иногда просто остатки жертвенного возлияния), или же возглас, обращенный к «отцам».

Отцы! поклон вашему гневу!
Отцы! поклон устрашению вашему!
Отцы! поклон непрощению вашему!
Отцы! поклон дружелюбию вашему!
Отцы! поклон милосердию вашему!
Отцы! поклон вам! Отцы! вам свадха!
Здесь отцы — вы же здесь отцы! — да идут они
вслед за вами. И да будете вы из лучших!
Здесь отцы — мы же здесь живые! — да идут они
вслед за нами! И да будем и мы из лучших!

Агни боже, тебя желаем
возжечь, сиятельный, вечно юный,
дабы горел этот дивный
твой костер на небесной выси,
укрепи гимнотворцев.

В темных водах вижу месяц,
в небе мчится дивнокрылый,
златокольчатые блуждают
звезды сверху и звезды снизу.
Оба мира меня услышьте!

Ахтарваведа, VI, 13
ЗАГОВОР ПРОТИВ СМЕРТИ

Поклон оружию богов,
поклон оружию владык,
поклон оружию вайшьев
и тебе Смерть поклон особый.

Твоему поклон благословенью,
твоему поклон проклятью,

поклоненье твоей приязни
и неприязни поклон особый.

Ведунам твоим поклоненье,
твоим снадобьям поклоненье,
Смерть, кореньям твоим поклоненье,
а брахманам поклон особый.

Ахтарваведа, VI, 115
ЗАГОВОР ВО ИСКУПЛЕНИЕ ГРЕХА

Коли вольно, коли невольно
совершили мы, согрешили,
отпустите нам грех, развяжите,
вы единые, вы все боги.

Коли в яви, коли в сновиденье
согрешил я пред вами грешный,
жизнь грядущая, жизнь былая
ты прости, отпусти из колодок.

Я, отпущенный из колодок,
потный, грязный в воде омоюсь,
ровно масло, очищаемое к жертве,
ото всех я грехов очищусь.

Ригведа[1] X, 154
ГИМН УМЕРШЕМУ

Этим очищается Сома,
тем приготовляется масло,

[1] Ригведа — первая из четырех книг Вед, «Веда Гимнов». Содержит прославление богов и тексты важнейших религиозных гимнов.

мед струится и тем и этим,
да пребудет он вместе с ними[1].

Через пламя непобедимый,
через пламя достигший солнца,
через пламя самовеликий
да пребудет он вместе с ними.

Эти воины бьются в битве,
те как жертву приносят жизни
или щедро платят за жертву,
да пребудет он вместе с ними.

Эти были щитом закона,
охраняли и умножали,
пламя предков да будет с Ямой,
да пребудет он вместе с ними.

Путеводные гимнотворцы,
охранители света солнца,
пламя их да пребудет с Ямой,
да пребудет он вместе с ними.

Ригведа, X, 15
ГИМН ПРЕДКАМ

Встаньте первые, последние встаньте
и срединные, достойные сомы,
отцы, отошедшие к жизни духа,
закон познавшие, мы к вам с поклоном.

Мы к вам с поклоном ушедшие ныне,
к ушедшим недавно, к давно ушедшим,

---

[1] Перечень разных типов умерших предков, которые почитаются разными поминальными блюдами: сомой, жиром, медом.

к отцам, живущим в приземном пространстве
и в народах, где жертвенники славны.

И здесь обретшихся обрел я предков
и наследников, где вышний след Вишну,
и на жертвенной соломе, где предки
сладимой жертвой насладиться жаждут.

Придите праотцы с вашей помогой,
мы нацедили вам сладимой жертвы,
вкусив на жертвенной соломе помощь,
подайте нам без злосчастия счастье.

Званы праотцы, достойные сомы,
на сладкий пир на жертвенной соломе,
да придут они сюда, да услышат,
да одобрят жертву нам, да помогут.

Воссядьте, подогнув колено справа,
благословляя жертвенную пищу,
не обижайте нас праотцы, смертных,
коль мы по неразумью вас обидим.

Сидящие в лоне огненно-красном
за наши молитвы воздайте смертным,
сынам отцы подарите богатства,
добро и силу почитавшим предков.

Все наши предки, достойные сомы,
Васиштхи, званные на сомопитье,
вкушайте жертву в согласии с Ямой,
с жаждущим вместе утоляя жажду.

Кто мучился жаждой среди бессмертных,
тех жертвознатцев, словотворцев славы,
Агни ближайших отцов приблизи
к молоку горячему вдохновенных.

Тех истинных, пьющих, ядящих жертву
с Индрой, с бессмертными на колеснице,
Агни, бог дальнейших, тысячу приблизи
к молоку горячему славословов.

Вас Агни пригубил праотцы[1], придите
сюда, ближайшие места занимайте,
вкушайте жертву на жертвенной соломе
нам, воздавая добрым мужам здоровьем.

Ты Агни, бог Джатаведас всеславный,
напитавший сладким запахом жертву
нашу, передал отцам, и вкусили
с тобою, боже, поминальной жертвы.

Всех пришедших праотцев, не пришедших,
нам известных праотцев и забытых,
сколько было помнишь ты, Джатаведас,
наслаждаясь поминанием добрым.

Кто, сожженный Агни, кто, не сожженный,
кому приятна жертва среди неба,
того веди самовластный из жизни,
воплощаясь в новое воплощенье.

Ригведа, X, 135
РАЗГОВОР МАЛЬЧИКА С УМЕРШИМ ОТЦОМ

(М а л ь ч и к)

Где под деревом дивнолистым
пьет со всеми богами Яма,

[1] Вас Агни пригубил — то есть Агни — кремационный костер вкусил жертву — тела умерших.

наш родитель, начальник рода,
там проходит дорогой предков.

Он уходит дорогой предков,
он вступает на путь несчастный,
я смотрю на него в печали,
снова я по нему тоскую.

(Голос отца)

Мальчик! ты сотворил повозку
бесколесую, с дышлом мысли,
направляемой как угодно,
правишь ты на незримой стоя.

Мальчик! ты покатил повозку
прочь от рйши — молитвотворцев,
обгоняя молитвословье,
и поэтому челн нагружен.

(Автор)

От кого народился мальчик,
кто запрягся в его повозку,
кто сегодня сказать сумеет,
как дающая вслед родилась?

Как дающая вслед родилась,
от нее началось начало,
растянули в начале днище,
где затем сотворили выход.

Мы же эту обитель Ямы
почитаем богов жилищем,
в камышовую дудку дуя,
украшаем хвалебным пеньем.

Ригведа, X, 10
РАЗГОВОР БОГОВ ЗАГРОБНОГО МИРА ЯМЫ И ЯМИ[1]

(Я м и)

Повернула бы я друга на дружбу,
хотя и прошел он морские воды;
мудрый родителю зачал бы внука,
в начале провидящий продолженье.

(Я м а)

Но друг твой не хочет подобной дружбы
с женой однокровной, как с чужеродной,
ибо Асуры сыны небодержцы
великие землю обозревают.

(Я м и)

Но ведь этого хотят эти боги;
да был бы сын от первого из смертных,
да вошла бы мысль твоя в наши мысли,
как супруг к супруге в плоть ты вошел бы.

(Я м а)

Если прежде не были, как же будем,
возглашая правду, шептать неправду,
ведь Гандхарва и жена водяная —
вот пуповина двух единородных.

---

[1] *Яма* (букв. «близнец») — царь мертвых, сын солярного божества Вивасвата, живущий на высшем небе, где он пирует с «отцами» — душами умерших предков. *Ями* — его сестра-близнец.

Яму в Ригведе нигде не называют богом; он был первым, кто умер, проложив путь смерти. Тем не менее ему положены жертвоприношения как богу.

Его помощники — пестрые четырехглазые псы, которые бродят среди людей, высматривая тех, кто должен умереть.

(Я м и)

Супружеской парой в одну утробу
вдохнул нас Тваштар, бог творец обличий,
и мы не нарушим его обетов,
тому свидетели Земля и Небо.

(Я м а)

Но кто же свидетельствует о первом,
и кто это видел, и кто расскажет,
есть Варуны — Митры обет высокий,
а ты любострастием соблазняешь.

(Я м и)

Вот Ями возжаждала страстно Яму,
супруга супруга запрячь на ложе,
вместе вертеться, подскакивать будем,
как два колеса одной колесницы.

(Я м а)

Но вот ни на миг не мигая бродят
очи богов, соглядатаи наши,
с другим вертеться, подскакивать будешь,
как два колеса одной колесницы.

(Я м и)

В полночь его услаждала бы, в полдень
она отводила бы око Сурье.
Земле и Небу родством мы подобны,
но неподобное я унесу от Ямы.

(Я м а)

Подобное будут в будущих родах
творить неподобный с единокровной,
а ныне к быку прижимайся крепче,
но не ко мне, красавица, к другому.

(Я м и)

Зачем же мне брат, когда не защитник,
когда поджидает сестру Погибель,
и снова, страстная, шепчу я снова:
слейся плотью с моею плотью, слейся.

(Я м а)

Не сольюсь я плотью с твоей плотью,
ибо неподобен к сестре входящий,
и к тебе не я, но другой пусть входит,
ибо, красавица, твой брат не хочет.

(Я м и)

Ты, презренный Яма, презренный ныне,
не нашли ни сердца в тебе, ни мысли,
и другая пускай тебя обнимет,
как упряжь коня, как лиана древо.

(Я м а)

Тебя другой и ты другого, Ями,
вы, обнимаясь как лиана с древом,
в мыслях друг обретите друга, в мыслях,
и с другим ты сочетаешься дружбой.

Ахтарваведа. X, 2
ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА

Кем доставлены две стопы Человеку,
кем составлен став, кем же две лодыжки,
кем суставы пальцев, кем же скважни в теле,
кем бугры в средине, кем же основанье?

Из чего творили снизу две лодыжки,
выше — две коленных чашки Человеку,

две ноги, расставив, где же прикрепили
двух колен суставы, кто это постигнул?

Все четыре части зыблемого тела
ставом укрепили выше двух коленей;
два бедра, две ляжки, кто же это создал,
по причине коих стало тело стойким?

Сколько же богов каковыми были,
кто построил грудь, кто надставил шею,
сколь их расставляло два сосца, два локтя,
сколь их составляло остов плеч и ребра?

Кто приставил две руки, утверждая,
да подвигнется Человек на подвиг,
и который бог тогда же вставил
ему в остов двух плечей суставы?

Кто же скважин седьмерицу проделал:
рот и уши в голове, глаза и ноздри,
по причине коих, всепобедных, всюду
путь пролег двуногих и четвероногих?

Он язык укоренил под небом,
многоизобильный, с могучей речью,
он же обращается во вселенных,
облаченный в воды, кто это постигнул?

Кем же первым между лбом и затылком
вложен мозг, и кто содеял череп
человеку, челюсти сочленивший
неба житель, он же взошел на небо.

Много удовольствий и неудовольствий,
сон, изнеможение и унынье,

наслажденья и услады, от кого же
их выносит Человек превеликий?

Сокрушение, поруха, разрушенье
в Человеке и несмысленность откуда,
участь счастья и несчастья отчего же,
в нем осмысленность и воспаренье?

Кто же в нем заставил вод водовороты,
крутообращаясь врозь, не растекаться,
едких красно-бурых, алых, чернодымных,
поперек текущих вниз и вверх по телу?

Кто же в нем его представил облик,
кто величину и кто же имя,
кто подвижность в нем и кто постиженье,
кто подвижничество в Человеке?

Кто же в нем соткал его воздыханье,
кто же вдох его и кто же выдох,
и который из богов поставил
в нем его дыханье в Человеке?

Кто же в нем установленье жертвы,
бог единый из богов в Человеке,
кто в нем истинно сущий, кто неправый,
смерть откуда и откуда бессмертье?

Кто же стать его облачил покровом,
кто же сроки жизни предуготовил,
кто же силу ему предоставил,
кто же резвость ему предназначил?

Волей коего расстелил он воды,
волей коего он дал дню сиянье,

волей коего он зарю затеплил,
волей коего обрел он вечер?

Кто же семенем его удостоил,
утверждая, да продлится пряжа,
кто же в нем пробудил ум достойный,
кто же музыку поставил и пляску?

Волей коего объял он землю,
волей коего обстал он небо,
волей коего Человек величьем
стал под стать горам, под стать деяньям?

Волей коего идет он за Парджаньей,
волей коего за прозорливцем Сомой,
волей коего в нем жертва и вера,
волей коего ума установленья?

Волей коего взыскует озаренных,
волей коего он Вышнего взыскует,
волей коего Огонь для Человека,
волей коего он год соразмеряет?

Брахман взыскует этих озаренных,
Брахман же и Вышнего взыскует,
Брахман этот Огонь для Человека,
Брахман же и год соразмеряет.

Волей коего живет он по божьим,
волей коего по законам бессмертных,
волей коего не иное могуще,
волей коего лишь истина могуща?

Брахман живет по законам божьим,
Брахман живет по законам бессмертных,

Брахман лишь он не иное могуще,
Брахман он же истина могуща.

Волей коего земля утвердилась,
волей коего вышнее небо стало,
волей коего простор поднебесья
ввысь восстал и вширь распростерся?

Волей Брахмана земля утвердилась,
волей Брахмана вышнее небо стало,
волей Брахмана простор поднебесья
ввысь восстал и вширь распростерся.

Его же голову стачал который,
его же сердце Атхарван который,
вверх подъявшийся из мозга в темя,
он из темени, цедящийся, восходит.

Голова же Атхарвана по сути
есть сосуд, запечатленный богами,
тот сосуд хранит его дыханье,
пропитание и разуменье.

Ввысь творился он, и вширь творился
Человек, он встал ли всесторонне,
кому же Брахмана оплот известен,
что Пурушей зовется Человеком?

Кому же Брахмана оплот известен,
воистину облаченный бессмертьем,
тому же Брахманство и самый Брахман
дали зренье, и дыханье, и потомство.

И воистину дыхание и зренье
прежде старости того не покинет,

кому известна Брахмана твердыня,
что Пурушей зовется Человеком.

Девятивратна и неприступна,
восьмиколесна богов твердыня,
где же золотой сосуд сияет
небесный, облаченный сияньем[1].

И в котором золотом сосуде
три луча у него, три опоры,
каковое Атманское чудо[2],
знающие Брахмана знают.

В этой изжелта-светозарной,
облаченной великой славой,
в этой золотой твердыне Брахман,
войдя, в непокоренной пребывает.

---

[1] Описание тела Человека. «Твердыня» девятивратна, так как речь идет о девяти отверстиях тела (иногда говорится о семи или об одиннадцати отверстиях). Она восьмиколесна, так как, согласно классической индийской анатомии, речь идет о двух руках и двух ногах, разделенных соответственно локтем и коленом каждая на две части. Золотой сосуд — голова.

[2] Атманское чудо. — Атман (букв. «дыхание», «дух») — индивидуальное начало; «Я». Как индивидуальное начало Атман идентичен абсолютному началу, Брахману.

ТИБЕТСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ

Книга I
ЧИГАЙ БАРДО И ЧЁНИД БАРДО

Здесь содержатся наставления о встрече с Реальностью в Промежуточном Состоянии: Великое Освобождение Слушанием в Посмертном Мире — из «Мудрого Учения об Освобождении Сознания Сосредоточенным Размышлением о Мирных и Гневных Божествах»

Перевод с английского В. Кучерявкина и Б. Останина.

ПОКЛОНЕНИЯ

Божественному Телу Истины, Непостижимому, Беспредельному Свету,

Божественному Телу Совершенного: Лотосу, Мирным и Гневным Божествам,

Лотосорожденному Воплощению, Падма Самбаве, Защитнику всех живых существ,

Гуру, Трем Телам — почтительный поклон.

ВСТУПЛЕНИЕ

Великое Учение об Освобождении Слушанием, что дарует в Промежуточном Состоянии духовную свободу последователям, наделенным обычным умом, состоит из трех ступеней: подготовительной, основной и заключительной.

Сначала ищущий Освобождения должен пройти подготовительную ступень *Руководств*.

ПЕРЕНОС ПОТОКА СОЗНАНИЯ[1]

С помощью *Руководств* человек с исключительно развитым умом, несомненно, достигнет Освобождения; если же

[1] Употребление термина «душа» здесь неправомерно, так как, в отличие от иудаизма, христианства, ислама, буддизм отрицает существование постоянного и неизменного индивидуального сознания.

он не будет освобожден, тогда в Промежуточном Состоянии Момента Смерти необходимо осуществить Перенос сознания; одно воспоминание об этом процессе даст Освобождение.

Человек, наделенный обычным умом, может достичь Освобождения таким же образом; если он не будет освобожден, тогда в Промежуточном Состоянии Реальности необходимо усердно внимать Великому Учению об Освобождении Слушанием.

Прежде всего он должен определить признаки смерти, которые последовательно возникают в его умирающем теле, следуя указаниям Учения об *Освобождении Наблюдением за Признаками Смерти*. Когда проявятся все признаки, он должен осуществить Перенос; одно воспоминание об этом процессе даст Освобождение.

ЧТЕНИЕ ТЁДОЛ

Если Перенос был выполнен успешно, в чтении *Тёдол* нет нужды; если же Перенос не удался, тогда *Тёдол* следует читать, без ошибок и внятно, возле мертвого тела.

Бывает так, что тело отсутствует, тогда постель или сидение, к которому привык умерший, должен занять чтец; он и возвестит могущество Истины. Затем, вызывая дух умершего, вообрази, что он присутствует здесь, слушая; и читай. В это время ни родственнику, ни другу не следует позволять плакать и причитать: это вредно для умершего; поэтому удержи их.

Если же тело имеется, то, с последним вздохом, лама, который был гуру умершего, или собрат по вере, которому умер-

---

Но какое бы слово, синонимичное или эквивалентное ему, ни употреблялось, оно должно вызывать ассоциации с «принципом сознания», «совокупностью сознания» или с «жизненным потоком» — термин, употребляемый южными буддистами.

ший доверял, или друг, которого он очень любил, приблизив губы к уху умершего, но не касаясь его[1] должен читать великий *Тёдол*.

КАК СОВЕРШАЮЩЕМУ ОБРЯД ЧИТАТЬ ТЁДОЛ

Теперь о том, как следует читать *Тёдол*.

Если ты сможешь собрать обильные приношения, принеси их в жертву Трем Сокровищам. Если же этого сделать нельзя, тогда собери сколько сможешь, сосредоточься на этом, вообрази, что твои приношения безграничны, и принеси их в жертву.

Вслед за этим семь раз или трижды, внятно и с надлежащей интонацией читай «Путь Благих Пожеланий, Взывающих к Помощи Будд и Бодисатв». Затем читай «Путь Благих Пожеланий, Защищающих от Опасностей *Бардо*», а также «Основные Слова *Бардо*».

После чего семь раз или трижды, сообразно обстоятельствам, следует читать великий *Тёдол*. Сначала идут наставления о встрече лицом к лицу с признаками смерти по мере их появления. Далее великое и деятельное напоминание — наставления о встрече с Реальностью в Промежуточном Состоянии. И наконец, наставления о том, как затворить врата материнского чрева, когда пребывающий в Промежуточном Состоянии устремляется к новому рождению.

---

[1] Согласно тибетским и ламаистским представлениям, нельзя прикасаться к телу умершего, чтобы не помешать нормальному отделению потока сознания, который покидает тело через отверстие Брамы, находящееся в темени. В противном случае поток сознания может выйти через какое-нибудь другое отверстие, что повлечет за собой новое рождение не в образе человека. Если, например, выход произошел через ухо, умерший родится в мире гандхарвов (небесных музыкантов), где будет существовать в виде звука в музыке или песне.

Часть I
БАРДО МОМЕНТА СМЕРТИ

НАСТАВЛЕНИЯ О ПРИЗНАКАХ СМЕРТИ, ИЛИ ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ ЧИГАЙ БАРДО: СВЕТ, СОЗЕРЦАЕМЫЙ В МОМЕНТ СМЕРТИ

Наставления о встрече с Чистым Светом в Промежуточном Состоянии Момента Смерти таковы:

Можно слушать много религиозных наставлений, но не познать. Можно познать и все же быть нетвердым в знании. Но если обратить эти наставления к тому, кто практически обучался так называемым Руководствам, он предстанет перед Изначальным Чистым Светом, минуя Промежуточное Состояние, вступит на Великий Восходящий Путь и достигнет *Дхарма-Кайи* Нерождения.

Наставлять следует так:

Лучше всего, если присутствует гуру, который обучал умершего; если это невозможно, пусть придет собрат умершего по вере; если и он не может прийти, тогда — сведущий человек одной веры с умершим; если же и это невозможно, пусть человек, умеющий правильно и выразительно читать, многократно читает это. Таким образом до сознания умершего будет доведено то, что он уже слышал о встрече с Реальностью, и он немедленно узнает Изначальный Свет и несомненно достигнет Освобождения.

О сроках чтения наставлений:

С последним выдохом умирающего его жизненная сила устремится в нервный центр Мудрости, и Познающий воспримет Чистый Свет как он есть. Затем жизненная сила будет отброшена вниз по правому и левому нервам, и умирающий окажется в Промежуточном Состоянии.

Эти наставления следует исполнить до того, как жизненная сила устремится в левый нерв после того, как она пересекла нервный центр в области пупа.

Перемещение жизненной силы происходит на протяжении вдоха умирающего или приблизительно соответствует времени, необходимому для принятия пищи.

Далее следуют такие наставления:

Осуществить Перенос лучше всего, когда дыхание вот-вот прекратится; если же он не удался, тогда обратись к умершему так:

«О благороднорожденный (такой-то), настало время искать Путь. Твое дыхание сейчас остановится. Гуру подготовил тебя к встрече с Чистым Светом; сейчас ты воспримешь его как он есть в Мире *Бардо*, где все вещи подобны ясному безоблачному небу, а обнаженный незамутненный разум — прозрачной пустоте, у которой нет ни границ, ни центра. Познай себя в это мгновение и останься в этом Мире. Я помогу тебе».

Повтори эти слова многократно на ухо умирающему как раз перед тем, как прекратится его дыхание, чтобы запечатлеть их в его уме.

Если дыхание вот-вот прервется, переверни умирающего на правый бок, в позу «лежащего льва». Артерии с правой и левой стороны горла следует прижать.

Если умирающего клонит ко сну или он уже заснул, надо этому воспрепятствовать, осторожно, но крепко зажав артерии. В этом случае жизненная сила не сможет вернуться из срединного нерва и покинет тело через отверстие Брамы. Теперь следует наставлять его о встрече с Реальностью.

В это мгновение все живые существа видят первые проблески *Бардо* Чистого Света Реальности, Совершенного Разума *Дхарма-Кайи*.

Время между прекращением выдоха и прекращением вдоха — это время, в течение которого жизненная сила пребывает в срединном нерве.

Люди называют это состоянием, когда прерывается поток сознания. Его продолжительность различна и зависит от состояния организма, нервной системы и жизненной силы. Тот,

кто имел хотя бы небольшой практический опыт глубокой *дхьяны* или наделен крепкими нервами, тот пребывает в этом состоянии долго[1].

При наставлении о встрече с Реальностью следует повторять обращения к умершему, приведенные выше, до тех пор, пока из разных отверстий телесных органов умершего не начнет выделяться желтоватая жидкость.

Тот, кто вел неправедную жизнь, и тот, у кого слабые нервы, будут пребывать в этом состоянии лишь столько, сколько требуется, чтобы щелкнуть пальцами; другие же — время, необходимое для принятия пищи.

В некоторых *тантрах* говорится, что обморочное состояние продолжается около трех с половиной дней. Большинство других священных книг упоминает о четырех днях; в течение всего этого времени наставления о встрече с Чистым Светом следует неустанно продолжать.

Применять эти указания нужно так.

Если, умирая, человек способен определить признаки смерти, он должен немедленно воспользоваться своим знанием. Если же он не может этого сделать, тогда гуру, или *шишья*, или собрат по вере, с которым умирающий был близок, должен находиться рядом, чтобы сообщать ему признаки смерти по мере того, как они появляются в надлежащем порядке, и повторять многократно:

«Сейчас появились признаки земли, погружающейся в воду»[2].

---

[1] Как правило, оно длится 4-5, иногда 7 дней. Поток сознания, однако, не всегда пребывает в теле человека все это время, если это не особое состояние транса, какое может, например, вызвать йог. Обычно поток сознания покидает тело в момент смерти, сохраняя с ним неуловимую магнетическую связь, пока состояние, о котором говорится в тексте, не подойдет к концу. Только для последователя йоги отделение потока сознания происходит непрерывно, т. е. без обморочного состояния.

[2] Три основных признака смерти (в тексте назван лишь первый, но, разумеется, совершающий обряд знает и остальные и назовет их,

Когда проявились все признаки смерти, скажи, обращаясь к умершему, такие слова, негромко произнеся их на ухо:

«О благороднорожденный (если это священнослужитель, — о преподобный), не позволяй своему уму отвлекаться».

Если же это собрат по вере или кто-либо другой, назови его по имени и скажи:

«О благороднорожденный, сейчас приходит к тебе то, что называют смертью; думай о ней так: „Вот и настал час моей смерти; воспользуюсь же ею во благо всех живых существ, которые населяют беспредельные просторы небес, и буду поступать так, чтобы достичь совершенного состояния Будды, движимый любовью и состраданием к ним и направляя все свои усилия к Высшему Совершенству“.

Думай так, особенно в то время, когда *Дхарма-Кайя* Чистого Света в посмертном состоянии может быть достигнута тобою на благо всех живых существ; знай, что ты находишься в этом состоянии, и будь уверен, что обретешь высшее благо Мира Великого Символа, в котором пребываешь; думай так: „Даже не понимая этого, я все же хочу познать *Бардо* и, подчинив себе Великое Тело Единства в *Бардо*, явиться в любом образе на благо всем существам; я буду служить всем живым существам, число которых беспредельно, как просторы небесные“.

Укрепившись в этом решении, постарайся вспомнить те благочестивые обряды, которые выполнял в течение жизни».

когда они появятся) и их символические образы таковы: 1) ощущение тяжести в теле — «земля в воде»; 2) ощущение холода, словно тело оказалось в воде, которое постепенно переходит в лихорадочный жар — «вода в огне»; 3) ощущение, словно тело разрывается на мельчайшие атомы — «огонь в воздухе». Каждый признак сопровождается внешними изменениями, такими как утрата контроля над лицевыми мускулами, потеря слуха и зрения, прерывистое дыхание перед обмороком; с их помощью ламы, искушенные в науке смерти, определяют взаимозависимые психические феномены, достигающие кульминации в момент освобождения тела Бардо от земной оболочки.

Произнося эти слова, чтец должен приблизить свои губы вплотную к уху умирающего и повторить их отчетливо, ясно доводя до сознания умирающего, не позволяя его уму отвлекаться ни на мгновение.

Когда дыхание полностью прекратится, крепко прижми сонную артерию; а если умирающий — лама, или благороднее тебя, или более учен, произнеси следующие слова:

«Почтенный господин, теперь, когда ты созерцаешь Изначальный Чистый Свет, постарайся остаться в том мире, где сейчас пребываешь».

Что касается остальных людей, то чтец должен наставлять их о встрече с Реальностью так:

«О благороднорожденный (такой-то), слушай! Сейчас ты созерцаешь Сияние Чистого Света Совершенной Реальности. Познай его. О благороднорожденный, твой разум пуст, он лишен формы, свойств, признаков, цвета; он пуст — это сама Реальность, Всеблагость.

Твой разум пуст, но это не пустота Небытия, а разум как таковой, — свободный, трепещущий, блаженный; это само Сознание, Всеблагой Будда.

Твое сознание, лишенное формы и воистину пустое, и твой разум, сияющий и блаженный, — оба они неразделимы. Их единство и есть [Дхарма-Кайя] Совершенного Просветления.

Твое сознание, сияющее, пустое, неотделимо от Великого Источника Света; оно не рождается и не умирает, оно — Немеркнущий Свет, Будда Амитаба.

Этого знания достаточно. Осознав, что пустота твоего разума есть состояние Будды, и рассматривая ее как свое собственное сознание, ты достигнешь состояния Божественного Разума, Будды[1]».

---

[1] Достижение состояния не-сансары, которое есть Пустота, Нестановление, Нерожденность, Несотворенность, Неоформленность, означает достижение состояния Будды, Совершенного Просветления — Божественного Разума Будды. Ср. отрывок из Алмазной

Повтори эти слова внятно и отчетливо трижды или даже семь раз. Во-первых, они пробудят в сознании умирающего прежние, полученные при жизни наставления гуру о встрече с Реальностью; во-вторых, помогут увидеть в пустоте сознания Чистый Свет; и наконец, осознав себя таким образом, умирающий навсегда соединится с *Дхарма-Кайей* и достигнет Освобождения[1].

НАСТАВЛЕНИЯ О ВТОРОЙ СТУПЕНИ ЧИГАЙ БАРДО: ВТОРИЧНЫЙ ЧИСТЫЙ СВЕТ, ВИДИМЫЙ СРАЗУ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Так узнаётся изначальный Чистый Свет и достигается Освобождение. Но если есть опасения, что изначальный Чистый Свет не был узнан, тогда перед умершим наверняка возникнет

Сутры: «Любые формы и качества явлений — преходящи и иллюзорны. Когда разум поймет, что явления жизни нереальны, тогда возможно постижение Будды».

[1] Если умирающий знаком с этим состоянием благодаря прежним духовным (йогическим) упражнениям, если он способен в решающий момент достичь состояния Будды, Колесо Рождений остановится и наступит немедленное Освобождение. Но такое духовное искусство встречается крайне редко; обычно ментальных способностей умирающего не хватает, чтобы удержаться в сфере, где сияет Чистый Свет, и начинается постепенное нисхождение в низшие области Бардо, завершающееся новым рождением. Ламы сравнивают это с иглой, катящейся по нити. Пока игла сохраняет равновесие, она остается на нити, но затем, под воздействием силы тяготения, падает. Точно так же в сфере Чистого Света сознание умирающего на мгновение приходит в состояние абсолютного равновесия и единства. Но такое экстатическое состояние «не-я» непривычно для обычного человека, его сознание неспособно в нем функционировать. Кармические склонности заволакивают сознание мыслями о своей личности, об индивидуальности, о дуализме, и, теряя равновесие, поток сознания выпадает из сферы Чистого Света. Именно мысли о своем «я», о самости препятствуют достижению Нирваны (которая «гасит пламя эгоистических желаний») — и Колесо смертей и рождений продолжает вращаться.

так называемый вторичный Чистый Свет: он появится после прекращения дыхания по прошествии времени чуть большего, нежели необходимо для принятия пищи.

В соответствии с хорошей или плохой кармой умершего его жизненная сила направится в правый или левый нерв и выйдет через одно из отверстий тела. Затем наступит прояснение сознания[1].

Продолжительность видения изначального Чистого Света примерно равна времени, необходимому для принятия пищи, и зависит от состояния нервной системы, а также от того, имел ли умерший опыт встречи с Реальностью при жизни.

Когда поток сознания покидает тело, он спрашивает себя: «Жив я или мертв?» — и не может ответить. Он видит своих родных и близких, как видел раньше, и слышит их плач. Жуткие кармические видения еще не появились; ужасные переживания, связанные с Божествами Смерти, также не наступили.

---

[1] Как только жизненная сила вошла в срединный нерв, умирающий видит Чистый Свет в его первозданной чистоте — неомраченную Дхарма-Кайю. Если он не способен удержаться в этом состоянии, он погружается в более низкую область Бардо, где на потускневшую *Дхарма-Кайю* падают кармические тени.

Переводчик дает следующий комментарий: «Жизненная сила, исходящая из нервного центра в области пупа, и поток сознания, исходящий из нервного центра в области головного мозга, соединяются в нервном центре, локализованном в области сердца, и покидают тело через отверстие Брамы, вызывая у умирающего состояние высочайшего экстаза. Следующая стадия менее напряженна. На первой стадии умирающий созерцает первичный Чистый Свет, на второй — вторичный. После первого удара о землю мяч взлетает на максимальную высоту, затем высота подскока постепенно уменьшается, пока мяч не придет в состояние покоя. Нечто подобное происходит с потоком сознания в момент смерти тела. Его первый духовный скачок сразу по выходу из тела — самый высокий; второй — ниже; наконец, когда энергия кармы израсходована в посмертном мире, поток сознания успокаивается, попадает в материнское чрево и происходит новое рождение».

В этот промежуток времени лама или чтец должен читать следующие наставления:

Есть совершенные последователи учения и есть находящиеся на ступени зрительных образов. Если умерший был совершенен, назови его трижды по имени и повтори наставления о встрече с Чистым Светом. Если же он стоял на ступени зрительных образов, тогда прочти ему предварение и текст о его божестве-хранителе, а затем скажи:

«О благороднорожденный, сосредоточься на своем божестве-хранителе (здесь чтец должен назвать имя этого божества). Не отвлекайся. Усердно сосредоточь на нем свой ум. Думай о нем так, словно он — отражение луны в воде, видимое и в то же время не существующее само по себе. Думай о нем так, словно он обладает физически телом».

Говоря эти слова, чтец запечатлит их в сознании умершего.

Если же умерший из простых людей, то говори так:

«Подумай о Великом сострадательном Боге».

После этого наставления даже тот, от кого не ожидают, что он познает *Бардо* без посторонней помощи, несомненно познает его.

Тот же, кого гуру наставлял о встрече с Реальностью еще при жизни, но кто не привык к ней, — самостоятельно осознать *Бардо* не сумеет. Такого человека должен вразумить гуру или собрат по вере.

Может случиться так, что человек усвоил все поучения, но из-за жестокой болезни, повлекшей за собой смерть, не способен противостоять иллюзиям. Для него эти наставления совершенно необходимы.

Бывает и так, что человек, который прежде хорошо знал поучения, стал нарушать обеты и не выполнять свои основные обязанности, что угрожает ему переходом в низшие миры бытия. Для него эти наставления также необходимы.

Лучше всего воспользоваться первой ступенью *Бардо*. Если это не удалось, тогда четкое повторение наставлений умершему,

который находится на второй ступени *Бардо*, пробудит его разум, и Освобождение будет достигнуто.

На второй ступени *Бардо* умерший обретет так называемое сияющее иллюзорное тело.

Не зная, мертв он или нет, умерший обретает ясность сознания. Если чтение наставлений умершему, пребывающему в этом состоянии, оказалось успешным, то происходит его встреча с Реальностью-Матерью и Реальностью-Дитятей, которая упраздняет влияние кармы[4]. Как солнечные лучи разгоняют мрак, так Чистый Свет лишает карму могущества.

Духовное тело вступает в мир, который называют второй ступенью *Бардо*. Познающий приближается к тем областям, в которых осуществлялась его деятельность. Если теперь умело использовать это учение, успех будет достигнут: кармические иллюзии еще не появились, и ничто не может заставить умершего уклониться в сторону от его цели — достижения Просветления.

---

[1] Букв. «карма не может ни рта раскрыть, ни головы повернуть» — сравнение, уподобляющее карму лошади, которой всадник управляет с помощью узды.

Часть 2
БАРДО ПОСТИЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

НАСТАВЛЕНИЯ О ПОСТИЖЕНИИ РЕАЛЬНОСТИ НА ТРЕТЬЕЙ СТУПЕНИ БАРДО — ЧЁНИД БАРДО, ГДЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ КАРМИЧЕСКИЕ ВИДЕНИЯ

Если Изначальный Чистый Свет не познан, но познан Чистый Свет второй ступени *Бардо*, Освобождение будет достигнуто. Но если Освобождение не достигнуто и тогда, то наступит третье *Бардо*, называемое *Чёнид Бардо*.

На этой ступени *Бардо* появляются кармические видения. Чтение Великих Наставлений о встрече с *Чёнид Бардо* имеет здесь особое значение: они обладают большой силой и могут принести много пользы.

В это время умерший видит, как его долю пищи откладывают в сторону, как с его тела снимают одежды, как подметают место, где он спал. Он слышит плач и причитания своих друзей и родственников; но, хотя видит и слышит, как они взывают к нему, его собственные зовы им не слышны — и он удаляется прочь недовольный.

И тогда появятся звуки, свет и видения, всё вместе, пугая его, устрашая, ужасая, вызывая сильную усталость. В это время следует читать наставления о встрече с *Бардо* постижения Реальности. Обратись к умершему по имени и внятно, без ошибок, читай следующее:

«О благороднорожденный, слушай внимательно, не отвлекайся! Есть шесть миров *Бардо*: естественное *Бардо* в чреве матери, *Бардо* сна, *Бардо* экстатического равновесия в глубокой медитации, *Бардо* момента смерти, *Бардо* постижения Реальности, *Бардо* возвращения к сансарическому бытию. Таковы эти шесть миров.

О благороднорожденный, ты пройдешь три *Бардо: Бардо* момента смерти, *Бардо* постижения Реальности и *Бардо* стрем-

ления к новому рождению. Из этих трех состояний ты уже испытал *Бардо* момента смерти. Хотя Чистый Свет Реальности озарил тебя, ты не смог остаться в нем и потому оказался здесь. Теперь приготовься пройти следующие две ступени — *Чёнид Бардо и Сидпа Бардо.*

Сосредоточь свое внимание на моих словах и запомни их.

О благороднорожденный, для тебя наступило то, что называют смертью. Ты покидаешь этот мир, но ты не одинок: смерть приходит ко всем. Не привязывайся к этой жизни ни из любви к ней, ни по слабости. Даже если слабость вынуждает тебя цепляться за жизнь, у тебя не достанет сил, чтобы остаться здесь, и ты не обретешь ничего, кроме блужданий в Сансаре. Не привязывайся к этому миру; не поддавайся слабости. Помни о Трех Сокровищах.

О благороднорожденный, какой бы страх и ужас ни охватили тебя в *Чёнид Бардо*, не забывай этих слов; храни их смысл в своем сердце и иди вперед; в них сокрыта тайна познания Реальности:

Когда Неопределенная Реальность предстанет
передо мной,
То, отбросив всякую мысль о страхе и трепете
перед всеми видениями,
Да сумею я понять, что они — лишь отражения
моего собственного ума,
Да сумею я понять, что по природе своей — это
лишь иллюзии *Бардо*,
И в решающее мгновение возможности
достижения великой цели
Да не убоюсь я сонмов Мирных и Гневных
Божеств — своих собственных мыслей.

О благороднорожденный, отчетливо повторяй эти стихи и, вспоминая при повторении их смысл, иди вперед. И тогда, ка-

кие бы жуткие и ужасные видения ни явились перед тобой, ты узнаешь их; только не забывай того тайного знания, что сокрыто в стихах.

О благороднорожденный, в тот момент, когда твое сознание отделилось от тела, ты должен был увидеть сияние Чистой Истины, неуловимой, сверкающей, яркой, ослепительной, чудесной, величественной, лучезарной, похожей на мираж, который непрерывным пульсирующим потоком пронизывает весенний пейзаж. Не пугайся его, не страшись, не ужасайся — это сияние твоей истинной сущности. Познай его.

Из глубины этого сияния раздастся естественный звук Реальности, подобный раскатам тысячи громов. Это естественный звук твоего подлинного „я". Не пугайся его, не страшись, не ужасайся.

Тело, которым ты сейчас обладаешь, называется духовным телом склонностей; оно — не из плоти и крови, и потому ни звуки, ни свет, ни видения — ничто не причинит тебе вреда: ты более не подвержен смерти. Тебе достаточно знать, что это — твои собственные мысли. Помни, что всё это — *Бардо*.

О благороднорожденный, если же, несмотря на духовную сосредоточенность и послушание в земной жизни, ты не узнаешь своих собственных мыслей, если не воспримешь это наставление, тогда свет испугает тебя, звуки устрашат, видения ужаснут. Если ты не овладеешь этим главным ключом к наставлениям, ты не сможешь правильно опознать звуки, свет и видения и будешь обречен блуждать в Сансаре».

ПОЯВЛЕНИЕ МИРНЫХ БОЖЕСТВ С ПЕРВОГО ПО СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

(Предполагается, что умерший — обычный человек, и под влиянием кармы, несмотря на частые наставления о встрече с Реальностью, вынужден в течение сорока девяти дней пре-

бывать в *Бардо*. Далее следует подробное описание ежедневных испытаний и опасностей, с которыми он столкнется и которые должен преодолеть в первые семь дней, когда будут появляться Мирные Божества. Первый день, согласно тексту, отсчитывается с момента, когда умерший осознал себя мертвым и устремился к новому рождению, т. е. по прошествии трех с половиной — четырех дней после смерти.)

Первый день

«О благороднорожденный, три с половиной дня ты пробыл в обмороке и, едва очнувшись, подумал: „Что со мной случилось?" Постарайся осознать *Бардо*. В это время Сансара примет иной облик[1], и ты будешь созерцать все явления в виде света и божеств, а небо станет темно-синим.

Затем из Центральной Области, которая называется Разбрасывающая Семена, появится Бхагаван Вайрочана[2], белого цвета, восседающий на троне льва в объятиях Матери Небесного Пространства, в руке у него — колесо с восемью спицами.

---

[1] Другими словами, феномены, точнее, восприятие феноменов в мире Бардо будет происходить иначе, нежели в земном мире, и умершему покажется, что все явления сдвинулись со своих мест, пришли в полный беспорядок. Отсюда — предостережение умершему, который должен привыкнуть к посмертному состоянию, как новорожденный привыкает к нашему миру.

[2] Санскр. Вайрочана. Будда Центра (или Центральной Области), буквально означает «делающий видимым». В руке у него колесо, символизирующее верховную власть. Он носит титул Бхагаван (употребляемый по отношению ко многим божествам, описанным далее), что значит «Обладающий Властью», или «Победоносный».

В качестве Центрального Будды Вайрочана — высочайший путь Просветления в эзотерических учениях. Окруженный, подобно Центральному Солнцу, четырьмя Буддами главных направлений, которые появятся в следующие четыре дня, он символизирует Единую Истину в окружении четырех составляющих ее элементов.

Это — материя, пребывающая в своем изначальном состоянии, которое есть голубой свет.

Из сердца Отца-Матери Вайрочаны появится Мудрость *Дхарма-Дату*, голубая, сияющая, великолепная, ослепительная, и поразит тебя столь лучезарным светом, что ты не в силах будешь смотреть на него.

Вместе с ним возгорится тусклый белый свет, исходящий из мира *дэвов*; он поразит тебя прямо в лицо.

Под влиянием плохой кармы голубой свет Мудрости *Дхарма-Дату* вызовет у тебя страх и ужас, и ты захочешь бежать от него. И возникнет у тебя приязнь к тусклому белому свету *дэвов*.

Но ты не должен страшиться божественного голубого света, сияющего, ослепительного, великолепного; не позволяй себе бояться его. Это свет Татхагаты[1], называемый Светом Мудрости *Дхарма-Дату*. Положись на него, доверься ему; молись и думай о том, что этот свет исходит из сердца Бхагавана Вайрочаны, чтобы встретить тебя на опасных путях *Бардо*. Свет этот — свет милосердия Вайрочаны.

Не соблазняйся тусклым белым светом *дэвов*. Отвратись от него; не поддавайся слабости. Если привяжешься к нему, то, блуждая, попадешь в мир *дэвов*, и вихрь Шести *Лок* подхватит тебя. Этот свет — препятствие на Пути Освобождения. Не смотри на него. С глубокой верой направь свой взор к сияющему голубому свету.

Искренне обрати все свои мысли к Вайрочане и повторяй за мной молитву:

Во время блужданий в Сансаре под властью
великого неведения
На сияющий путь Мудрости *Дхарма-Дату*

[1] Санскр. *Татхагата* — «Тот, кто пошел тем же путем», «Тот, кто достиг Цели (Нирваны)», имеется в виду Будда.

Да выведет меня Бхагаван Вайрочана,
Да охранит меня Божественная мать
Беспредельного Пространства,
Да миную я невредимо опасные пути *Бардо*
И достигну царства Всесовершенного Будды.

Молись смиренно, с твердой верой, и ты соединишься с сердцем Вайрочаны в ореоле радужного света и станешь Буддой в *Самбхога-Кайе* — Центральной Всеобильной Области».

Второй день

Если, несмотря на эти наставления, умерший под влиянием гнева или помрачающей разум кармы будет напуган величественным сиянием и бежит от него или, вопреки молитве, подпадет под власть видений, то на второй день появится перед ним Ваджра-Сатва в сопровождении божеств, и вместе с ними — злодеяния умершего, заслуживающие Ада.

В этом случае наставляй его, называя по имени, так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! На Второй День белым светом засияет прообраз воды, и из темно-синей Восточной Области Высшего Счастья появится Бхагаван Акшобья в облике Ваджра-Сатвы[1]; цвет его — голубой, в руке дордже с пятью зубцами[2], он восседает на троне слона в объятиях Матери Мамаки[3], сопровождают его Бодисатвы —

---

[1] Санскр. *Ваджра-Сатва Акшобья*. Акшобья («невозмутимый», «непоколебимый») — Будда Восточного Направления, здесь и далее появляется в облике Ваджра-Сатвы («Божественный Герой», «Обладающий Несокрушимым Сердцем»).

[2] *Дордже* — ламаистский скипетр, подобие молнии Индры.

[3] *Мамака* — одно из ста восьми имен Дёльмы, национальной тибетской богини. В *Дхарма-Санграхе* упоминаются четыре дэви: Рочани, Мамака, Пандура и Тара.

Кшитигарба[1] и Майтрея[2] и жены-Бодисатвы — Ласема и Пушпема[3]. Шесть божеств [Бодхи] появятся перед тобой.

Прообраз твоего сознания — Мудрость, подобная Зеркалу, — засияет ярким лучезарным светом из сердца Ваджра-Сатвы, Отца-Матери, таким ослепительно-ясным блеском, что ты не сможешь смотреть на него; он поразит тебя. А вместе со светом Мудрости, подобной Зеркалу, из Ада возгорится тусклый серый свет и также поразит тебя.

Сила твоего гнева возбудит в тебе страх, ты испугаешься ослепительного белого света и захочешь бежать от него. И возникнет у тебя приязнь к тускло-серому свету, исходящему из Ада. Сделай все, чтобы изгнать свой страх и не бояться яркого, ослепительно-ясного белого света. Знай, что это — Мудрость. Искренне и смиренно доверься ему. Это свет милосердия Бхагавана Ваджра-Сатвы. „Я найду в тебе убежище", — так размышляй с верой и молись.

Это Бхагаван Ваджра-Сатва идет встретить тебя и спасти от страхов и ужасов *Бардо*. Доверься ему; Ваджра-Сатва протягивает тебе лучезарный крючок своей милости.

Не соблазнись тусклым серым светом, исходящим из Ада. Путь, открывающийся тебе, порожден силой накопленной плохой кармы. Если соблазнишься им, то попадешь в Области Ада и претерпишь там невыносимые страдания, не зная, когда они кончатся. Это преграда на пути Освобождения; не обращай туда взор и избегай гнева. Не увлекайся тусклым светом,

---

[1] Санскр. *Кшитигарба* — «Рождающее чрево Земли».

[2] Санскр. *Майтрея* («Любовь») — грядущий Будда, который преобразует человечество силой Божественной любви.

[3] *Ласема и Пушпема* — искаженные санскритские имена. Их тибетские эквиваленты *Гегмома* (санскр. Ласья) — «красавица» и *Метогма* (санскр. *Пушпа*) — «протягивающая (или держащая) цветы». Пушпа, изображаемая с цветком в руке, — олицетворение цветения. Ласья, Красавица, изображается с зеркалом, в кокетливой позе; она олицетворяет красоту.

не поддавайся слабости. Доверься ослепительно-яркому белому свету, искренне открой свое сердце Бхагавану Ваджра-Сатве и молись так:

Во время блужданий в Сансаре под властью
жестокого гнева
На сияющий путь Мудрости, подобной Зеркалу,
Да выведет меня Бхагаван Ваджра-Сатва,
Да охранит меня Божественная Мать Мамака,
Да миную я невредимо опасные пути *Бардо*
И достигну царства Всесовершенного Будды.

Молись с глубокой и смиренной верой и ты соединишься с сердцем Бхагавана Ваджра-Сатвы в ореоле радужного света в *Самбхога-Кайе* — Восточной Области Высшего Счастья».

Третий день

Но бывает так, что, несмотря на эти наставления, хотя лучезарный крючок милосердия находит умершего, он, помраченный плохой кармой и гордыней, бежит от него. В этом случае на третий день появится перед ним Бхагаван Ратна-Самбава[1] и божества, что служат ему, и вместе с ними свет из мира людей.

Вновь называя умершего по имени, наставляй его так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! На Третий День желтым светом засияет перед тобой прообраз земли, и из Южной Области, Облаченной Славой, появится Бхагаван Ратна-Самбава; цвет его — желтый, в руке — драгоценный камень, он восседает на троне лошади в объятиях Матери Са-

---

[1] Санскр. *Ратна-Самбава*, «Рожденный из Драгоценности». Он — Украшатель, от него исходит все драгоценное в мире, он — олицетворенный атрибут Будды.

ньяй-Чанмы[1], сопровождают его Бодисатвы — Акаша-Гарба[2] и Саманта-Бхадра[3], а с ним жены-Бодисатвы — Малайма и Дупема[4]; все шесть образов *Бодхи* засияют, окруженные радужным ореолом. Прообраз осязания поразит тебя ослепительным желтым светом Мудрости Равенства, окруженным ореолами и вторичными ореолами, и таким чистым и ярким, что ты не сможешь смотреть на него. А вместе с ним возгорится тусклый голубовато-желтый свет из мира людей и поразит твое сердце, как и свет Мудрости.

Сила твоего эгоизма возбудит в тебе страх перед ослепительным желтым светом, и ты захочешь бежать от него. И прельстит тебя тусклый голубовато-желтый свет из мира людей.

Не бойся ослепительно-желтого ясного света; знай, что это — Мудрость; доверься ему искренне и смиренно. Даже если ты не преуспел в смирении, вере и молитве, но знаешь, что перед тобой — свет твоего собственного разума, тогда Божественное Тело и Свет соединятся с тобой нераздельно, и ты станешь Буддой.

Если же ты не узнаешь свет собственного разума, тогда размышляй с верою: „Это свет милосердия Бхагавана Ратна-Самбавы; я найду в нем убежище", — и молись. Это лучезарный крючок милости Бхагавана Ратна-Самбавы; верь в него.

Не соблазнись тусклым голубовато-желтым светом из мира людей — это путь пристрастий твоего необузданного эгоизма протянулся тебе навстречу. Если соблазнишься им, то вновь попадешь в мир людей, претерпишь рождение, старость, болезни и смерть; у тебя не будет возможности выбраться из трясины земного бытия. Это преграда на пути Освобождения; не смотри

---

[1] «Рожденная из глаза Будды».

[2] Санскр. *Акаша-Гарба* — «Рождающее Чрево Небес».

[3] Санскр. *Саманта-Бхадра* — «Всеблагой». Духовный сын Будды Вайрочаны.

[4] *Малайма* — «Держащая (или несущая) гирлянду» и *Дупема* — «Держащая (или несущая) благовония». Цвет этих богинь — желтый, что соответствует желтому цвету земли.

на него; отрекись от эгоизма, отринь пристрастия, не увлекайся голубовато-желтым светом; доверься свету ослепительно-яркому. Искренне сосредоточься на Бхагаване Ратна-Самбаве и молись так:

Во время блужданий в Сансаре под властью
необузданного эгоизма
На сияющий лучезарный путь Мудрости
Равенства
Да выведет меня Бхагаван Ратна-Самбава,
Да охранит меня Божественная Мать,
рожденная из глаза Будды,
Да миную я невредимо опасные пути *Бардо*
И достигну царства Всесовершенного Будды.

Молись с глубочайшим смирением и верой, и ты соединишься с сердцем Бхагавана Ратна-Самбавы, Божественного Отца-Матери в ореоле радужного света и станешь Буддой в Самбхога-Кайе — Южной Области, Облаченной Славой».

Четвертый день

Напутствуемый таким образом, умерший, сколь бы ни был слаб ум его, несомненно, достигнет Освобождения. Но есть и такие, кто, несмотря на частые наставления, накопили плохую карму или не сумели выполнить обеты, или не смогли понять, что лишены возможности к высшему духовному развитию; их неведение и плохая карма, питаемая алчностью и скупостью, рождают в них страх перед звуками и сиянием, и они бегут прочь. Если умерший таков, тогда на Четвертый День появится перед ним Бхагаван Амитаба[1]

[1] Санскр. *Амитаба* — «Беспредельный (или Непостижимый) Свет». Как воплощение одного из атрибутов Будды, Всеразличающей Мудрости, Амитаба олицетворяет вечную жизнь.

и сопровождающие его божества, а вместе с ними — свет из *Прета-Локи*, порожденный алчностью и привязанностями.

Вновь, называя умершего по имени, наставляй его так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! На Четвертый День засияет красный свет — прообраз огня, и из Западной Красной Области Счастья появится Бхагаван Амитаба; цвет его — красный, в руке — лотос, он восседает на троне павлина в объятиях Божественной Матери Гёкармо[1]; а с ним — Бодисатвы Ченрази[2] и Чампал[3], и жены-Бодисатвы — Гирдхима и Алоке[4]. Шесть тел Просветления воссияют перед тобой в ореоле радужного света.

Прообраз чувств, исходя из сердца Божественного Отца-Матери Амитабы в сиянии ореолов и вторичных ореолов, поразит твое сердце красным светом Всеразличающей Мудрости, ярко-красным, лучезарным, ясным, величественным и столь ослепительным, что ты не сможешь смотреть на него. Но не пугайся.

---

[1] «Облаченная в белые одежды».

[2] Санскр. *Авалокитешвара* — «Смотрящий вниз», олицетворение милосердия и сострадания. *Далай-ламы* — его воплощения; Амитаба, которого он сопровождает, — духовный отец; воплощения Амитабы на земле — *Таши-ламы*. Обычно Авалокитешвару изображают с одиннадцатью головами и тысячей рук, с глазом на каждой ладони. Он — Великий Сострадатель: тысяча рук и глаз означают, что он без устали разыскивает несчастье и помогает страждущим. В Китае Авалокитешвара становится Великой Богиней Сострадания Гуань-ин, изображаемой в виде женщины с ребенком на руках.

[3] Санскр. *Маньчжушри*; полная форма — *Маньчжугоша*, «Облаченный Славой с тихим голосом»: «Бог Тайной Мудрости», изображаемый с пылающим мечом в поднятой правой руке и с поддерживаемой лотосом Книгой Мудрости — Праджня-Парамитой — в левой.

[4] Искаженное санскр. *Гита* — «песня» и *Алока* — «свет». Гита обычно изображается с лирой, она олицетворяет музыку и песню. Алока со светильником в руке олицетворяет свет. Обе богини связаны со стихией огня; их цвет — красный.

Вместе со Светом Мудрости возгорится тусклый красный свет из *Прета-Локи*. Сделай все, чтобы не испытать к нему приязни. Отбрось влечение к нему, преодолей слабость.

В это время под влиянием сильного влечения ты испугаешься ослепительного красного света и захочешь бежать от него. И возникнет у тебя приязнь к тускло-красному свету *Прета-Локи*.

Не бойся величественного, ясного, лучезарного ярко-красного света. Осознай, что это — Мудрость, смири свой разум и ты сольешься с ним нераздельно, и станешь Буддой.

Если же не осознаешь этого, размышляй так: „Это свет милосердия Бхагавана Амитабы, я найду в нем убежище"; и со смирением молись ему. Это лучезарные крючки милости Бхагавана Амитабы. Доверься им; не беги. Даже если ты побежишь, они, неотделимые от тебя, последуют за тобой. Не бойся. Не соблазнись тускло-красным светом *Прета-Локи*. Это путь накопленных тобой привязанностей к существованию в Сансаре протянулся тебе навстречу. Если соблазнишься им, то попадешь в Мир Несчастных Духов и претерпишь там невыносимые муки голода и жажды; у тебя не будет возможности достичь там Освобождения[1]. Тусклый красный свет — преграда на Пути Освобождения. Не соблазнись им, отбрось свои привязанности, не поддавайся слабости. Доверься ослепительному ярко-красному свету. Обрати свою веру к Бхагавану Амитабе, Отцу-Матери, сосредоточься и молись так:

Во время блужданий в Сансаре под властью
сильнейших привязанностей
На сияющий лучезарный путь Мудрости
Различия
Да выведет меня Бхагаван Амитаба,

---

[1] Букв. «Для Освобождения не будет времени». Если умерший стал претой, т. е. несчастным духом, посмертное достижение Нирваны, как правило, становится невозможным; теперь ему придется ожидать возможности, предоставляемой новым рождением в мире людей, когда его пребывание в *Прета-Локе* закончится.

Да охранит меня Божественная Мать,
Облаченная в Белые Одежды,
Да миную я невредимо опасные пути *Бардо*
И достигну царства Всесовершенного Будды.

Молись смиренно и ревностно и ты соединишься с сердцем Божественного Отца-Матери Бхагавана Амитабы в ореоле радужного света и станешь Буддой в Самбхога-Кайе — Западной Области, называемой Счастливой».

Пятый день

Невероятно, чтобы умерший не достиг после этого Освобождения. Но несмотря на наставления, не все живые существа способны отринуть свои пристрастия, ибо слишком долго были связаны с ними; под влиянием плохой кармы и зависти, а также страха и ужаса, внушенных им звуками и сиянием, лучезарные крючки милосердия не смогли их подхватить — и в Пятый День продолжают они свое блуждание. Если умерший из их числа, тогда в свете и лучах милости появится перед ним Бхагаван Амога-Сидхи[1] и сопровождающие его божества, а также свет из *Асура-Локи*, порожденный злобным чувством зависти.

В это время обратись к умершему по имени и наставляй его так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! На Пятый День засияет зеленый свет — прообраз воздуха, и из Зеленой Северной Области Совершенных Деяний появится Бхагаван Амога-Сидхи; цвет его — зеленый, в руке — дордже с четырьмя зубцами, он восседает на троне шан-шан[2], пересекающем

[1] Санкскр. *Амога-Сидхи* — «Всемогущий Завоеватель».

[2] *Шан-шан* — существа, подобные мифическим гарпиям, у которых верхняя часть тела — человеческая, а нижняя — птичья; только греческие гарпии — существа женского пола, а тибетские — обоих полов. Среди тибетцев распространено поверье, что шан-шан обитают где-то на земле.

4 Зак. № 387

небо, в объятиях Божественной Матери, Преданной Дёльмы[1]; его сопровождают Бодисатвы — Чагна-Дордже[2] и Дипанамсель[3], и жены-Бодисатвы — Гандема[4] и Нидема[5]. Эти шесть образов *Бодхи* засияют в радужном ореоле.

Прообраз воли, сияя зеленым светом Мудрости Свершения, ослепительным, ясным, лучезарным, величественным, устрашающим, украшенным ореолами и вторичными ореолами, изольется из сердца Божественного Отца-Матери Амога-Сидхи и поразит твое сердце таким невероятным блеском, что ты не сможешь смотреть на него. Не бойся, это — естественная энергия мудрости твоего собственного разума. Пребывай в состоянии величайшего смирения и невозмутимости.

Вместе со светом Мудрости возгорится тусклый зеленый свет из *Асура-Локи*, порожденный чувством зависти. Размышляй о нем беспристрастно: без отвращения и без влечения.

---

[1] Тиб. *Дёльма*; санскр. Тара — «Спасительница», божественная супруга Авалокитешвары. В настоящее время известны две ее разновидности: Зеленая Дёльма, которой поклоняются в Тибете, и Белая Дёльма, почитаемая, главным образом, в Китае и Монголии. Непальская принцесса, жена первого буддийского правителя Тибета, считалась воплощением Зеленой Дёльмы, а его жена из китайского императорского дома — Белой. Лама Кази Дава-Самдуп рассказывал, что в изображении королевы Виктории на английских монетах тибетцы усмотрели сходство с Дёльмой, в результате чего в Тибете распространилось поверье, что Дёльма вернулась на землю, чтобы в облике королевы Англии править миром. Благодаря этому англичанам во время переговоров с Лхассой был оказан необычайно радушный прием, о причинах которого они вряд ли подозревали.

[2] «Держащий дордже в руке»; санскр. *Ваджрапани*.

[3] «Рассеивающий Мрак»; санскр. *Дипани* (или *Дипака*).

[4] «Распространяющая благоухание»; одна из восьми богинь-матерей (*матри*) индуистского пантеона. Ее изображают с вазой-раковиной для благовоний (*дри*).

[5] «Держащая сладости». Хотя Нидема (санскр. *Найведья*) — богиня, как и Гандема, она не входит в число восьми богинь-матерей (*матри*), которые уже были названы в тексте. Обе богини — как и свет Мудрости Свершения — зеленого цвета.

Не испытывай к нему приязни; если сила твоего ума невелика, не соблазнись им.

Иначе под влиянием неистовой зависти ты устрашишься ослепительного сияния зеленого света и захочешь бежать от него; и возникнет у тебя приязнь к тускло-зеленому свету *Асура-Локи*. Не бойся зеленого света, величественного, ясного, лучезарного, ослепительного; знай, что это — Мудрость, и пусть ум твой смирится. Размышляй так: „Это лучезарные крючки милости Бхагавана Амога-Сидхи, Мудрость Свершения". Доверься зеленому свету; не беги от него.

Даже если ты побежишь, он последует за тобой, неотделимый от тебя. Не бойся его. Не соблазнись тускло-зеленым светом *Асура-Локи* — это кармический путь неистовой зависти протянулся навстречу тебе. Если соблазнишься им, то попадешь в *Асура-Локу* и претерпишь там невыносимые муки вражды и борьбы. Это препятствие на твоем пути Освобождения. Не соблазнись, отбрось свои пристрастия, не поддавайся слабости. Доверься ослепительному зеленому свету, сосредоточь все свои мысли на Божественном Отце-Матери Бхагаване Амога-Сидхи и молись так:

Во время блужданий в Сансаре под властью
неистовой зависти
На сияющий лучезарный путь Мудрости
Свершения
Да выведет меня Бхагаван Амога-Сидхи,
Да сохранит меня Божественная Мать,
Преданная Тара,
Да миную я невредимо опасные пути *Бардо*
И достигну царства Всесовершенного Будды.

Молись с глубокой верой и смирением и ты соединишься с сердцем Божественного Отца-Матери, Бхагавана Амога-Сидхи в ореоле радужного света и станешь Буддой в *Самбхога-Кайе* — Северной Области Совершенных Деяний».

Шестой день

Так наставляемый на каждой ступени *Бардо*, умерший, сколь бы ни были слабы его кармические связи, на одной из них должен прийти к осознанию; когда же он пришел к осознанию, невозможно не достичь Освобождения. И все же, несмотря на частые наставления, тот, кто привык к своим сильным пристрастиям, кто не приблизился к Мудрости и не возлюбил ее во всей чистоте, может быть увлечен назад силой своих дурных пристрастий. Лучезарные крючки милосердия не подхватят его, и он будет блуждать, опускаясь все ниже, испытывая страх и ужас перед светом и видениями.

Тогда все Божественные Отцы-Матери Пяти Родов Дхьяни-Будд со своими спутниками появятся перед ним одновременно. И вместе с ними возгорятся лучи света, исходящие из всех Шести *Лок*.

Назвав умершего по имени, наставляй его так:

«О благороднорожденный, до сегодняшнего дня Божества Пяти Родов появлялись перед тобой одно за другим и ты был наставляем о встрече с Реальностью; но под влиянием дурных пристрастий испугался и устрашился их и до сих пор находишься здесь.

Если бы ты осознал, что свет каждого из Пяти Родов Мудрости проистекает из твоих собственных мыслей, ты стал бы Буддой в *Самбхога-Кайе*, слившись с радужным ореолом одного из Пяти Родов Будд. Теперь смотри внимательно: свет всех Пяти Родов, называемый Светом Единства Четырех Мудростей, появится перед тобой. Постарайся познать его.

О благороднорожденный, на Шестой День засияют перед тобой четыре цвета прообразов стихий (воды, земли, огня, воздуха). В это время появится из Центральной Области, Разбрасывающей Семена, Будда Вайрочана, Божественный Отец-Мать, с сопровождающими божествами. Из Восточной Области Высшего Счастья появится Будда Ваджра-Сатва, Божественный Отец-Мать, с сопровождающими божествами. Из Южной

Области, Облаченной Славой, появится Будда Ратна-Самбава, Божественный Отец-Мать, с сопровождающими божествами. Из Западной Области Счастья, Осыпанной Лотосами, появится Будда Амитаба, Божественный Отец-Мать, с сопровождающими божествами. Из Северной Области Совершенных Деяний появится в радужном ореоле Будда Амога-Сидхи, Божественный Отец-Мать, с сопровождающими божествами.

О благороднорожденный, во внешнем круге этих пяти пар Дхьяни-Будд появятся четыре Гневных Божества, Стражи Сторон Света: Победоносный, Победитель Бога Смерти, Царь с Лошадиной Шеей, Сосуд с Нектаром, и с ними четыре Хранительницы Сторон Света: Держащая Стрекало, Держащая Петлю, Держащая Цепь, Держащая Колокол, а также Будда *дэвов*, по имени Владыка Верховной Власти, Будда *асуров*, по имени Крепко Сложенный, Будда людей, по имени Лев из рода Шакьев, Будда животных, по имени Непоколебимый Лев, Будда *прет*, по имени Пламенноустый, и Будда Низшего Мира, по имени Царь Истины, — всего восемь Отцов-Матерей, Стражей Сторон Света и шесть Победоносных Учителей.

И появятся также перед тобой двое: Всеблагой Отец и Всеблагая Мать, Великие Прародители всех Будд, Саманта Бхадра и Саманта Бадра — Божественный Отец и Божественная Мать.

Эти сорок два божества, наделенные совершенством, появятся из твоего сердца; они — порождение твоей чистой любви. Познай их.

О благороднорожденный, все эти области появляются не откуда-то извне. Они происходят из четырех областей твоего сердца, которые вместе с его центром образуют пять направлений. Оттуда исходят они в своем сиянии. И божества появились не откуда-то извне; они существуют извечно в твоем собственном разуме. Знай, что такова их природа.

О благороднорожденный, божества эти не велики и не малы, но соразмерны; у каждого свое украшение, свой цвет, своя поза, свой трон, свой символ.

Они образуют группы из пяти пар, и каждая группа окружена пятикратным радужным ореолом; Бодисатвы обладают природой Божественного Отца, жены-Бодисатвы — природой Божественной Матери. Все эти группы божеств явятся перед тобой в сиянии как один совершенный конклав. Они — твои божества-хранители. Знай, что они таковы.

О благороднорожденный, из сердец Божественных Отцов и Матерей Пяти Родов засияют, сливаясь, лучи света Четырех Мудростей, чистейшие, ясные, словно солнечный свет, и поразят тебя в сердце.

На этом лучезарном пути воссияют ослепительные ореолы голубого цвета, испускающие лучи самой Мудрости, каждый подобный перевернутой бирюзовой чаше и окруженный вторичными ореолами меньшего размера, великолепными, ослепительными, лучезарными, ясными, и великолепие их тем больше, что каждый окружают пять спутников меньшего размера, вокруг которых расположилось по пять сияющих звезд, имеющих ту же природу; и нет ни центра, ни границ у голубого лучезарного пути, усеянного ореолами и их спутниками.

Из сердца Ваджра-Сатвы засияет белый лучезарный путь Мудрости, подобной Зеркалу, белый, ясный, великолепный, ослепительный, славный, устрашающий; и великолепие его тем больше, что его окружают ореолы и их спутники, сияющие ясным, лучезарным светом, и каждый подобен опрокинутому зеркалу.

Из сердца Ратна-Самбавы засияет желтый лучезарный путь Мудрости Равенства в великолепии желтых ослепительных ореолов, каждый из которых подобен опрокинутой золотой чаше и окружен меньшими ореолами и их спутниками.

Из сердца Амитабы засияет яркий красный лучезарный путь Мудрости Различия, ореолы на котором, подобные опрокинутым коралловым чашам, испускают лучи Мудрости, ярчайшие, ослепительные, и у каждой — пять спутников той же природы; и нет ни центра, ни границ у красного лучезарного пути, усеянного ореолами и их спутниками.

Все они воссияют перед тобой и проникнут в сердце одновременно.

О благороднорожденный, все это — порождение твоего собственного разума. Эти сияния не явились извне. Не соблазняйся ими, не поддавайся слабости; не бойся; пребывай в состоянии бездумья.В этом состоянии все видения и сияния сольются с тобой, и ты станешь Буддой.

Но не появится перед тобой зеленый лучезарный путь Мудрости Совершенных Деяний, ибо Мудрость твоего разума несовершенна.

О благороднорожденный, это — Свет Единства Четырех Мудростей; здесь — начало Внутреннего Пути Ваджра-Сатвы.

В это время ты должен вспомнить наставления, которые получил от гуру. Если ты вспомнишь их смысл, ты поймешь, что видения, возникшие перед тобой, суть отражение твоего внутреннего света, и, восприняв их как близких друзей, ты поверишь им и узнаешь их при встрече, как сын узнаёт свою мать.

Уверовав в неизменную природу чистой и святой Истины, ты ощутишь в себе безмятежное течение *Самадхи* и, войдя в тело совершенного разума, станешь Буддой в *Самбхога-Кайе*, откуда нет возврата.

О благороднорожденный, вместе с лучами Мудрости возгорятся перед тобой призрачные огни Шести *Лок*. На вопрос „Каковы они?" ответ таков: тускло-белый — от *дэвов*, тускло-зеленый — от *асуров*, тускло-желтый — от людей, тускло-голубой — от животных, тускло-красный — от *прет*, тускло-серый — из Ада. Все шесть возгорятся одновременно с шестью сияниями Мудрости. Не бойся их; не соблазняйся ими; оставайся в состоянии бездумья.

Если тебя испугают чистые лучи Мудрости и соблазнит нечистый свет Шести *Лок*, ты обретешь тело в одной из них и претерпишь там несчастья Сансары; ты не сможешь покинуть Океан Сансары и будешь блуждать круг за кругом среди страданий.

О благороднорожденный, если ты не усвоил наставления гуру, ты испугаешься чистых лучей Мудрости и божеств. А испугавшись, соблазнишься нечистыми явлениями Сансары. Не делай этого. Смиренно доверься ослепительно чистым лучам Мудрости. Огради свой разум верой и размышляй так: „Благотворные лучи Мудрости Пяти Родов Будд появились, чтобы из сострадания помочь мне. Да найду я в них убежище".

Не соблазняйся призрачными огнями Шести *Лок*, но сосредоточь свой ум на Божественных Отцах и Матерях, Буддах Пяти Родов, и молись так:

Во время блужданий в Сансаре под властью
пяти сильных ядов[1]
На сияющий лучезарный путь Единства
Четырех Мудростей
Да выведут меня Пять Победоносных
Завоевателей,
Да охранят меня Божественные Матери
Пяти Родов,
Да буду я спасен от нечистых призрачных путей
Шести *Лок*,
Да избегну опасностей ужасного *Бардо*
И достигну пяти чистых Божественных
Областей».

С этой молитвой постигают внутренний свет и, погрузившись в него, становятся Буддой. Простой человек с помощью смиренной веры познаёт себя и достигает Освобождения; ничтожнейший из людей силою чистой молитвы может затворить врата Шести Лок и, постигнув истинный смысл Единства Че-

[1] Пять ядов, которые, подобно наркотикам, порабощают человечество и привязывают его к страданиям существования в пределах Шести Лок: похоть, ненависть, глупость, тщеславие (или эгоизм), зависть.

тырех Мудростей, стать Буддой на пути Пустоты в Ваджра-Сатве».

Так, тщательно наставляемый, тот, кому суждено освободиться, придет к осознанию Истины[1]; этим путем многие достигнут Освобождения.

Но худшие из худших — те, кто обладают очень плохой кармой, или не имеют склонности ни к какой религии, или не соблюдали обеты — под воздействием кармических видений так и не придя к осознанию Истины, несмотря на наставления о встрече с Реальностью, продолжают свое блуждание, опускаясь все ниже и ниже.

Седьмой день

На Седьмой День из святых райских областей перед умершим появляются Божества, Хранители Знания. Одновременно перед ним простирается путь в мир животных, порожденный омрачающей страстью, неведением[2]. Обратись тогда к умершему по имени и наставляй его так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! На Седьмой День засияют перед тобой разноцветные лучи очищенных

---

[1] Эта истина гласит, что за любым феноменом *Бардо* не стоит никакой реальности, кроме иллюзий, накопленных в сознании умершего, — наследия сансарического опыта. Ее осознание приводит к немедленному Освобождению.

[2] Подобно тому, как физические атомы мертвого тела постепенно распадаются и направляются в соответствующие места: одни — как газы, другие — как жидкости, третьи — как твердые тела, так и в *Бардо* происходит постепенное разъединение психических атомов ментального тела *Бардо*: каждая склонность, направляемая кармическим сродством, неизбежно попадает в родственное окружение. Таким образом, текст дает понять, что неведение (свойство, присущее животным) естественным образом устремляется к миру животных и воплощается в нем, как распавшаяся часть ментальности умершего.

склонностей, а из святых райских областей выйдут навстречу тебе Божества, Хранители Знания.

В центре Круга (или мандалы) в ореоле радужных лучей появится Высшее Божество, Обладающее Знанием, Лотосоподобный Бог Танца, Верховный Хранитель Знания, Тот, Кто взращивает плоды кармы; он сияет всеми пятью цветами в объятиях Божественной Матери, Красной *Дакини*[1]; у него кривой нож и череп, наполненный кровью; танцуя, он делает поднятой правой рукой мудру[2] очарования.

В восточной части Круга появится Божество, чье имя Хранитель Знания на Земле; цвет его — белый, он улыбается в объятиях Белой *Дакини*, Божественной Матери; у него кривой нож и череп, наполненный кровью; танцуя, он делает поднятой правой рукой мудру очарования.

В южной части Круга появится Божество, Хранитель Знания, чье имя Владыка Продолжительности Жизни, цвет его — желтый, он улыбается в объятиях Желтой *Дакини*, Божественной Матери; у него кривой нож и череп, наполненный кровью: танцуя, он делает поднятой правой рукой мудру очарования.

В западной части Круга появится Божество, чье имя Хранитель Знания Великого Символа, цвет его — красный, он

---

[1] *Мхагрома* — «идущая по небу»; феeподобные богини, обладающие особыми оккультными силами творить добро и зло. Это чисто тантрические божества, объекты большинства главных ритуалов северного буддизма.

[2] *Мудра* — мистический знак, особым образом сложенные пальцы, определенное положение руки или тела. Некоторые *мудры* помогают опознать членов оккультных братств, наподобие масонского рукопожатия. Другие мудры, используемые, в основном, йогами, замыкают и изменяют магнетические токи тела. Прикосновение одного кончика пальца к другому в мудре позволяет контролировать телесные силы или жизненные токи. *Мудра* очарования относится к последним; ее делают правой рукой: средний палец прикасается к большому, указательный и мизинец вытянуты, безымянный прижат к ладони.

улыбается в объятиях Красной *Дакини*, Божественной Матери; у него кривой нож и череп, наполненный кровью; танцуя, он делает поднятой правой рукой мудру очарования.

В северной части Круга появится Божество, чье имя Хранитель Особого Знания; цвет его — зеленый, одна половина лица гневается, другая — улыбается; он в объятиях Зеленой *Дакини*, Божественной Матери; у него кривой нож и череп, наполненный кровью; танцуя, он делает поднятой правой рукой мудру очарования.

Во внешнем Круге, что опоясывает Хранителей Знания, появятся бесчисленные сонмы *дакинь*: *дакини* восьми мест кремации, *дакини* четырех родов, *дакини* трех центров, *дакини* тридцати святых мест и двадцати четырех мест паломничества, герои и героини, небесные воины, божества — защитники учения, — и каждый украшен шестью украшениями из костей; в руках у них барабаны, флейты из берцовой кости, бубны из черепа, стяги из кожи великанов[1], балдахины и знамена из человеческой кожи и бесчисленное множество других музыкальных инструментов; они наполняют музыкой все миры, которые дрожат, сотрясаются и колеблются от мощных звуков, ошеломляющих разум; они танцуют в разных ритмах; они выходят встретить верных и наказать неверных.

О благороднорожденный, пятицветное сияние Мудрости Одновременного Рождения — сияние очищенных пристрастий — трепещущее, ослепительное, подобное разноцветным нитям, сверкающее, лучезарное, ясное, великолепное, устрашающее, проистечет из сердец пяти главных Божеств, Хранителей Знания, и поразит тебя в сердце таким ярким блеском, что ты не сможешь смотреть на него.

В это же время вместе с лучами Мудрости возгорится тусклый голубой свет из мира животных. И тогда под влиянием виде-

---

[1] Кожа *ракшасов*, гигантских человекоподобных демонов, обладающих сверхъестественной силой — *сидхи*.

ний собственных склонностей ты испугаешься лучей пяти цветов: ты захочешь бежать от них и соблазнишься тусклым светом из мира животных. Не бойся сверкающего пятицветного сияния; не ужасайся; знай, что это — твоя собственная мудрость.

Из глубины этого сияния раздастся естественный звук Истины, подобный тысяче громов. Гремящими раскатами прогрохочет он, и среди них ты услышишь крики: „Бей! Убивай!“ — и мантры, внушающие страх. Не бойся; не беги; не ужасайся; знай, что эти звуки — умственное содержание твоего собственного внутреннего света.

Не соблазняйся тускло-голубым светом, не поддавайся слабости. Если соблазнишься им, то попадешь в мир животных, где царит неведение, и претерпишь там безмерные страдания рабства, бессловесности и невежества; пройдет очень долгое время, прежде чем ты сможешь его покинуть. Не соблазняйся им. Верь в яркое, ослепительное, пятицветное сияние; сосредоточь свой ум на Божествах, на Победителях, Владеющих Знанием. Размышляй так: „Эти Владеющие Знанием Божества, Герои и *Дакини* пришли встретить меня из святых райских областей. Молю их всех: до сего дня, несмотря на то, что Будды Пяти Родов и Трех Времен испускали лучи милосердия и сострадания, я не был ими спасен. Горе мне! Да не допустят Божества, Хранители Знания, чтобы я опустился еще ниже. Да подхватят они меня лучезарным крючком своего сострадания и приведут в святые райские области“.

Размышляй об этом сосредоточенно и молись так:

О Божества, Владыки Знания, молю вас,
выслушайте меня
И выведите меня на Путь своей великой
любовью!
Когда я блуждаю в Сансаре под властью
усилившихся пристрастий,

На сияющий лучезарный путь Мудрости
Одновременного Рождения
Да выведут меня Герои, Хранители Знания,
Да охранят меня Матери-*Дакини*,
Да спасут меня от страшных опасностей *Бардо*
И поместят в чистые Области Рая».

Так молясь, с глубокой верой и смирением, несомненно, можно будет родиться в чистых Областях Рая[1], слившись в радужном свете с сердцем Божеств, Хранителей Знания.

Все верующие, придя на этой ступени к осознанию Реальности, достигнут Освобождения; и даже те, кто имеет плохую карму, будут здесь освобождены.

Конец Раздела Великого *Тёдол*, в котором приводятся наставления о встрече с Мирными Божествами в *Чёнид Бардо* и с Чистым Светом в *Чигай Бардо*.

ПОЯВЛЕНИЕ ГНЕВНЫХ БОЖЕСТВ С ВОСЬМОГО ДНЯ ПО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Теперь будет рассказано о появлении Гневных Божеств.

В предыдущем *Бардо* Мирных Божеств было семь ступеней. Наставления на каждой ступени должны были помочь умершему достичь на одной из них осознания и освободиться.

Многие таким образом достигают Освобождения, но, хотя многие достигнут Освобождения, велико число живых существ,

[1] Умерший, спускаясь все ниже по ступеням *Бардо*, ищет спасения не в Нирване (существование вне Сансары), а в небесных мирах (мирах воплощения в пределах Сансары). Хотя теоретически Нирвана достижима на любой ступени *Бардо*, простому человеку, не обладающему хорошей кармой, на практике это не удается. Поэтому лама или чтец, совершающий обряд, помогает умершему использовать все возможности ситуаций, в которых он оказывается.

чья плохая карма могущественна, невежество глубоко, пристрастия неизменны — Колесо Неведения и Иллюзий не ускорит для них свой бег и не замедлит. И хотя всех наставляют подробнейшим образом, преобладают те, кто опускается еще ниже.

Поэтому после исчезновения Мирных Божеств — Хранителей Знания, которые встречали умершего, перед ним в ореолах пламени появятся пятьдесят восемь Гневных Божеств, пьющих кровь, — те же самые Мирные Божества, облик которых изменился в соответствии с местом (или психическим центром тела *Бардо* умершего, откуда они появляются) и ничуть не похож на прежний.

Это *Бардо* Гневных Божеств, и тому, кто поддастся влиянию страха, ужаса и трепета, достичь здесь осознания будет очень трудно. Разум, не обретший независимость, блуждает от одного сумеречного состояния к другому. И все же, если умерший достигнет хотя бы слабого осознания, ему легче будет освободиться на этой ступени. На вопрос «Почему?» — ответ таков: «Потому что с появлением видений, которые вызывают страх, ужас и трепет, разум умершего становится бдительным и сосредоточенным — именно поэтому».

Если на этой ступени умерший не услышит учения, его религиозные познания — будь они безбрежны как океан — совершенно бесполезны. Случается, что даже монахи и знатоки философии сбиваются на этой ступени с пути и, не достигнув осознания, блуждают в Сансаре.

Что же тогда говорить о простых людях! Гонимые страхом, ужасом и трепетом, они низвергаются в бездны низших миров и претерпевают там страдания. Но и ничтожнейший последователь тайного учения *Мантраяны*, как только увидит этих божеств, пьющих кровь, сразу же узнает своих божеств-хранителей, и их встреча будет подобна встрече старых знакомых. Он доверится им, он сольется с ними воедино, он станет Буддой.

Размышление еще в земной жизни над описаниями божеств, пьющих кровь, поклонение и воздаяние им хвалы и даже простое созерцание их изображений и образов способству-

ют на этой ступени опознанию божеств, что приводит к осознанию и Освобождению. В этом и заключается все искусство.

А монахам и философам, не знакомым с учением *Бардо*, сколь бы усердно ни исполняли они при жизни религиозные предписания, сколь бы умны ни были в толковании иных учений, — по смерти не будет дано никаких знамений: ни радужного ореола над погребальным костром, ни мощей в пепле. И все потому, что при жизни они не приняли в сердце тайное учение, но с презрением отнеслись к нему и не познали через посвящение божеств тайного учения; так что когда божества появляются в *Бардо*, они их не узнают. Увидев же внезапно то, чего прежде никогда не видели, они воспринимают это как нечто враждебное; в них возникает чувство вражды, и по этой причине они переходят в низшие области. Поэтому, если монахи и философы не имеют практики в тайном учении, им не будет дано таких знамений, как радужный ореол, а в пепле погребального костра не останется мощей или костей, напоминающих зёрна.

Ничтожнейший из адептов *Мантраяны* может быть грубым, ленивым, тупым, нарушать обеты, иметь плохие привычки и даже неправильно выполнять религиозные обряды, которым его обучили, — и все же пусть никто не презирает его за это и не сомневается в нем, но с почтением относится к тому тайному учению, которым он владеет. Этого достаточно, чтобы достичь Освобождения.

Даже если поступки человека, который оказывает учению такое почтение, при жизни не всегда достойны, по смерти ему будет дано одно из знамений: радужное сияние, кости-фигурки или мощи. И все потому, что тайное учение обладает великой силой помощи.

Такие люди и упомянутые адепты тайной *Мантраяны* с обычным психическим развитием, которые занимались духовной концентрацией и упражнялись в главном (в главных мантрах), не опустятся до этой ступени *Чёнид Бардо*. Как только остановится их дыхание, Герои, Героини и Хранители Знания сопроводят их в чистые райские области. В знак этого небо будет безоблачным; они сольются с радужным сиянием; солнце

заструится потоками света; в воздухе распространится запах благовоний; зазвучит музыка в сияющих небесах; в погребальном костре останутся мощи и кости-фигурки.

Поэтому монахам, знатокам философии и тем последователям тайного учения, которые не сдержали своих обетов, а также простым людям *Тёдол* необходим. Тот же, кто сосредоточенно размышлял о Великом Совершенстве и Великом Символе, в минуту смерти осознает Чистый Свет и достигнет *Дхарма-Кайи*; такому нет нужды читать *Тёдол*. Осознав Чистый Свет в момент смерти, он осознает также видения Мирных и Гневных Божеств в *Чёнид Бардо* и достигнет *Самбхога-Кайи*; или же осознание произойдет в *Сидпа Бардо*, и тогда он достигнет *Нирмана-Кайи*, родится в одном из высших миров, познает в следующем рождении на земле это Учение и воспользуется непрерывностью кармы.

Поэтому Тёдол — учение, благодаря которому, не занимаясь медитацией, можно стать Буддой; учение, которое освобождает одним слушанием; учение, которое ведет существ с самой плохой кармой по Тайному Пути; учение, которое мгновенно порождает различие между посвященными в него и непосвященными, поскольку это глубочайшее учение мгновенно дарует Совершенное Просветление. Те живые существа, которые его восприняли, не могут попасть в низшие миры.

Это учение и учение *Тахдол*[1], соединенные вместе, подобны мандале из золота и бирюзы; сочетай их.

Теперь, когда сообщена сущность *Тёдол*, настала очередь наставлений о встрече с Гневными Божествами в *Бардо*.

---

[1] Тиб. *Тах-дол*. Небольшое тибетское сочинение, состоящее исключительно из мантр; используется как дополнение к *Бардо Тёдол*. Если человек умирает, зная мантры *Тахдола*, то эти могучие талисманы способствуют его безопасному путешествию в Бардо и счастливому новому рождению. Нередко экземпляр *Тахдола* (и даже отдельные мантры, написанные на полосках бумаги и свернутые в крошечные свитки) привязывают к телу покойника и сжигают или погребают вместе с ним.

Восьмой день

И вновь назови умершего по имени и обратись к нему так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! Не сумев достичь осознания в высшем *Бардо*, где перед тобой появились Мирные Божества, ты забрел, блуждая, в эти пределы. Теперь, на Восьмой День, появятся Гневные Божества, пьющие кровь. Действуй так, чтобы познать их; не отвлекайся.

О благороднорожденный, из твоего собственного мозга появится и ярко засияет Великий Славный Будда-Херука, коричневого цвета; три головы у него, шесть рук, четыре крепко поставленные ноги; правое лицо — белое, левое — красное, то, что посреди, — коричневое; из тела вырывается ослепительное пламя, девять глаз широко раскрыты и глядят устрашающе, брови дрожат, как молнии, зубы торчат изо рта и сверкают, пронзительный свист и громкие звуки «а-ла-ла!» и «ха-ха!» вылетают сквозь них; волосы, красно-желтого цвета, стоят дыбом и испускают сияние; головы украшены высушенными человеческими черепами и символами солнца и луны; на теле гирлянда из черных змей и человеческих голов, истекающих кровью; в первой правой руке он держит диск, во второй — меч, в третьей — боевой топор; в первой левой руке — колокол, во второй — чашу из черепа, в третьей — лемех; его обнимает Мать, Будда-Кротишвари[1], правой рукой она обвивает его шею, левой подносит к его устам красную раковину, полную крови; она издает звуки, подобные то треску, то лязгу, то громовым раскатам; от обоих божеств исходят ослепительные языки пламени Мудрости, пышущие из каждой поры их тел и содержащие каждый пылающее дордже; оба божества стоят на возвышении, которое поддерживают рогатые орлы[2]; одна их нога согнута в колене, другая напряженно выпрямлена.

---

[1] Будда-женщина, Могучая Гневная Мать.

[2] Гаруды индийской и тибетской мифологии. Их изображают с головой орла и телом человекоптицы: две руки, два орлиных крыла, две орлиных лапы. Олицетворяют энергию и желание.

Не бойся их, не ужасайся. Знай, что это — твой Бог-хранитель. Не страшись, ибо в действительности это — Бхагаван Вайрочана, Отец-Мать. Одновременно с осознанием придет Освобождение: узнав в нем своего Бога-хранителя, слившись с ним воедино, ты станешь Буддой в *Самбхога-Кайе*».

Девятый день

Но если умерший бежит от них, гонимый страхом и ужасом, тогда на Девятый День выйдут ему навстречу пьющие кровь божества из Рода Ваджры. Тогда назови умершего по имени и наставляй его так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! Из восточной области твоего мозга появится божество, пьющее кровь, из Рода Ваджры, по имени Бхагаван Ваджра-Херука, синего цвета; три лица у него, шесть рук, четыре крепко поставленные ноги; в первой правой руке он держит дордже, во второй — чашу из черепа, в третьей — боевой топор; в первой левой руке — колокол, во второй — чашу из черепа, в третьей — лемех; его обнимает Мать Ваджра-Кротишвари, правой рукой она обвивает его шею, левой подносит к его устам красную раковину, полную крови. Не бойся их, не ужасайся, не трепещи. Знай, что они — воплощение твоего собственного разума. Не пугайся, это — твой Бог-хранитель. В действительности это Бхагаван Ваджра-Сатва, Отец и Мать. Доверься им. Постигни их, и ты немедленно обретешь Освобождение. Назвав их так, узнав в них своих божеств-хранителей, слившись с ними воедино, ты станешь Буддой».

Десятый день

Если же умерший не узнает их — по причине чрезмерной помрачающей силы своих злодеяний — и бежит от них, гонимый страхом и ужасом, тогда на Десятый День выйдут ему на-

встречу пьющие кровь божества из Рода Драгоценного Камня. Тогда назови умершего по имени и наставляй его так:

«О благороднорожденный, слушай! На Десятый День из южной области твоего мозга появится божество, пьющее кровь, из Рода Драгоценного Камня, по имени Ратна-Херука, желтого цвета; три лица у него, шесть рук, четыре крепко поставленные ноги; правое лицо — белое, левое — красное, то, что посреди — желтое; ореол пламени окружает его; в первой из своих правых рук он держит драгоценный камень, во второй — трезубый жезл, в третьей — жезл; в первой из левых рук — колокол, во второй — чашу из черепа, в третьей — трезубец; его обнимает Мать Ратна-Кротишвари, правой рукой она обвивает его шею, левой подносит к его устам красную раковину, полную крови. Не бойся их, не ужасайся, не трепещи. Знай, что они воплощение твоего собственного разума. Не пугайся, они — твои божества-хранители. В действительности они — Отец-Мать Бхагаван Ратна-Самбава. Доверься им. Постигни их, и немедленно придет Освобождение. Назвав их так, узнав в них своих божеств-хранителей, слившись с ними воедино, ты станешь Буддой».

Одиннадцатый день

Но если, несмотря на эти наставления, под влиянием дурных склонностей, страха и ужаса, умерший не узнает своих божеств-хранителей и бежит от них, тогда на Одиннадцатый День навстречу ему выйдут пьющие кровь божества из Рода Лотоса. Тогда назови умершего по имени и наставляй его так:

«О благороднорожденный, на Одиннадцатый День из западной области твоего мозга появится божество, пьющее кровь, из Рода Лотоса, по имени Бхагаван Падма-Херука, красно-черного цвета; три лица у него, шесть рук, четыре крепко поставленные ноги; правое лицо — белое, левое — синее, то, что посреди, — красное; в первой правой руке он держит лотос,

во второй — трезубый жезл, в третьей — палицу; в первой левой руке — колокол, во второй — чашу из черепа, наполненную кровью, в третьей — небольшой барабан; его обнимает Мать Падма-Кротишвари, правой рукой она обвивает его шею, левой подносит к его устам красную раковину, полную крови; Отец и Мать в единстве. Не бойся их, не ужасайся, не трепещи. Возрадуйся. Знай, что они — порождение твоего собственного разума. Не пугайся, они — твои божества-хранители. В действительности это Отец-Мать Бхагаван Амитаба. Доверься им. Вместе с постижением наступит Освобождение. Осознав их, узнав в них своих божеств-хранителей, слившись с ними воедино, ты станешь Буддой».

Двенадцатый день

Вопреки этим наставлениям умерший, по-прежнему влекомый дурными склонностями, страхом и ужасом, может не узнать их и бежать. Тогда на Двенадцатый День выйдут ему навстречу божества, пьющие кровь, из Рода Кармы, а с ними Керима, Хтаменма и Ванчугма[1]. Ужас охватит его, если он не достигнет осознания. Тогда назови умершего по имени и наставляй его так:

«О благороднорожденный, на Двенадцатый День из северной области твоего мозга появится божество, пьющее кровь, из Рода Кармы, по имени Карма-Херука, зеленого цвета, величественного вида; три лица у него, шесть рук, четыре крепко поставленные ноги; правое лицо — белое, левое — красное, то, что посреди, — зеленое; в первой правой из шести рук он держит меч, во второй — трезубый жезл, в третьей — палицу; в первой левой руке — колокол, во второй — чашу из че-

[1] Все три рода божеств — индийские и тибетские по происхождению богини: *Керима* имеет человеческий облик, *Хтаменма* и *Ванчугма* — антропоморфные существа с головами животных, подобно египетским богам.

репа, в третьей — лемех; его обнимает Мать-Кротишвари, правой рукой она обвивает его шею, левой подносит к его устам красную раковину; Отец и Мать в единстве. Не бойся их, не ужасайся, не трепещи. Знай, что они — воплощение твоего разума. Не пугайся, это твои божества-хранители. В действительности они — Отец-Мать Бхагаван Амога-Сидхи. Доверься, смирись, возлюби их. Вместе с постижением наступит Освобождение. Осознав их, узнав в них своих божеств-хранителей, слившись с ними воедино, ты станешь Буддой».

Наставления гуру помогают понять, что это — мыслеформы, порождаемые нашим собственным разумом. Когда человек убеждается, что его напугало чучело льва, он освобождается от страха. Если же он не знает, что это лишь чучело, страх возрастает, но стоит все объяснить, как страх его покидает. Так и здесь, когда появляются сонмы божеств, пьющих кровь, огромных размеров, с могучими членами, в человеке неизбежно возникают страх и ужас. Но выслушав наставления, он узнает своих божеств-хранителей, собственные мыслеформы. И тогда Материнский Чистый Свет, который уже известен умершему, порождает вторичный Чистый Свет, Свет-Дитя, и оба они — Мать и Дитя — предстают перед умершим, подобно близким друзьям, и, нераздельно смешавшись друг с другом, изливают на него сияние Освобождения. Просвещение и самопознание освобождают его.

Тринадцатый день

Если и это наставление не помогает, то даже достойные люди на Пути низвергаются вниз и блуждают в мире Сансары. В этом случае Восемь Гневных Божеств, Керимы и Хтаменмы с головами разных животных выходят из мозга умершего и появляются перед ним. Тогда назови умершего по имени и наставляй его так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно! На Тринадцатый День из восточной области твоего мозга появятся перед тобой Восемь Керим. Не бойся их.

С восточной стороны придет Белая Керима; в правой руке она держит, как палицу, человеческий труп, в левой — чашу из черепа, полную крови. Не бойся.

С южной стороны придет Желтая Цеурима[1] с натянутым луком в руках. С западной — Красная Прамоха со стягом макары. С северной — Черная Петали с дордже и чашей из черепа, полной крови. С юго-восточной — Красная Пукаса; в правой руке у нее — внутренности, левой она кладет их в рот. С юго-западной — Зеленая Хасмари; в левой руке у нее чаша из черепа, полная крови, в правой — дордже, им она размешивает кровь, которую затем с наслаждением пьет. С северо-западной — Желто-Белая Цандали[2]; она разрывает труп на части, в правой руке у нее сердце, левой она кладет труп в рот и пожирает его. С северо-восточной — Синяя Смаша; она разрывает труп на части и пожирает его. Эти Восемь Керим Восьми Направлений или Сторон Света, окружающие Пятерых Отцов, пьющих кровь, появятся перед тобой. Но не бойся их.

О благороднорожденный, из внешнего по отношению к ним Круга появятся перед тобой Восемь Хтаменм восьми областей мозга. С восточной стороны — Коричневая Хтаменма с головой льва; ее руки скрещены на груди, она потрясает гривой, в пасти у нее труп. С южной — Красная Хтаменма с головой тигра; ее руки скрещены внизу, она скалит клыки и сверкает глазами. С западной — Черная Хтаменма с головой лисы; в правой руке она держит нож, в левой — внутренности; она пожирает их и лижет кровь. С северной — Синяя Хтаменма с головой волка; она раз-

[1] Искаженное имя индийской богини кладбищ.

[2] Вероятно, дух женщины низшей касты, который, как и остальные богини, упомянутые в этом отрывке, обитает на кладбищах и в местах сожжения. Все появляющиеся здесь богини должны запечатлеть в сознании умершего (как это делается при инициации) природу сансарического бытия — непостоянство и несовершенство и необходимость преодоления его посредством отречения от мира.

дирает труп обеими руками, глаза ее сверкают. С юго-восточной — Желто-Белая Хтаменма с головой грифа; на ее плече — огромный труп человека, в руке — скелет. С северо-западной — Черная Хтаменма с головой ворона; в левой руке у нее чаша из черепа, в правой — меч; она пожирает сердце и легкие. С северо-восточной — Синяя Хтаменма с головой совы; в правой руке у нее дордже, в левой — чаша из черепа, она что-то пожирает.

Эти Восемь Хтаменм восьми областей, окружающие Отцов, пьющих кровь, появятся перед тобой из твоего мозга. Не бойся их. Знай, что они — мыслеформы твоего собственного разума».

Четырнадцатый день

«О благороднорожденный, на Четырнадцатый День из твоего мозга появятся перед тобой Четыре Стража Сторон Света в женском облике. Также познай их. Из восточной области мозга выйдет белая Богиня с головой тигра, Держащая Стрекало, в левой руке у нее — чаша из черепа, полная крови. Из южной — Желтая Богиня с головой свиньи, Держащая Петлю. Из западной — Красная Богиня с головой льва, Держащая Железную Цепь. Из северной — Зеленая Богиня с головой змеи, Держащая Колокол. Из твоего мозга исходят эти Четыре Стража; знай, что они — твои божества-хранители.

О благороднорожденный, из внешнего Круга, окружающего этих тридцать гневных божеств, Херук, появятся из твоего мозга двадцать восемь могущественных богинь с головами разных животных. Не бойся их. Знай, что они — мыслеформы твоего разума. В этот решающий для тебя момент вспомни наставления своего гуру.

О благороднорожденный, с востока появятся Коричневая Богиня-Ракша с головой яка, держащая дордже и череп, и Оранжевая Богиня-Брахма с головой змеи, держащая лотос, и Черно-Зеленая Великая Богиня с головой леопарда, держащая трезубец, и Синяя Богиня Любопытства с головой обезьяны, держащая диск,

и Красная Богиня-Дева с головой горного медведя, держащая дротик, и Белая Богиня-Индра с головой лесного медведя, держащая петлю из кишки. Эти шесть Йогинь Востока выйдут из восточной области твоего мозга. Не бойся их.

О благороднорожденный, с юга появятся Желтая Богиня Наслаждения с головой летучей мыши, держащая нож, и Красная Мирная Богиня с головой макары, держащая урну, и Красная Богиня-Амрита с головой скорпиона, держащая лотос, и Белая Богиня с головой коршуна, держащая дордже, и Зеленая Богиня Жезла с головой лисы, держащая палицу, и Желтая Ракша с головой тигра, держащая чашу из черепа, полную крови. Эти шесть Йогинь выйдут из южной области твоего мозга. Не бойся их.

О благороднорожденный, с запада появятся Зелено-Черная Богиня Пищи с головой грифа, держащая жезл, и Красная Богиня Наслаждения с головой лошади, держащая огромный труп, и Белая Богиня Могущества с головой орла, держащая палицу, и Желтая Ракша с головой собаки, держащая дордже и нож, и Красная Богиня Страсти с головой удода, держащая натянутый лук со стрелой, и Зеленая Богиня-Хранительница Богатства с головой оленя, держащая урну. Эти шесть Йогинь Запада выйдут из западной области твоего мозга. Не бойся их.

О благороднорожденный, с севера появятся Голубая Богиня Ветра с головой волка, держащая развевающийся стяг, и Красная Богиня Женщин с головой буйвола, держащая заостренный кол, и Черная Богиня Посевов с головой свиньи, держащая петлю из клыков, и Красная Богиня Грома с головой вороны, держащая труп ребенка, и Черно-Зеленая Богиня с головой слона, держащая большой труп и пьющая кровь из черепа, и Синяя Богиня Воды с головой змеи, держащая петлю из змей. Эти шесть Йогинь Севера выйдут из северной области твоего мозга. Не бойся их.

О благороднорожденный, Четыре Йогини Врат появятся из твоего мозга. С востока — Белая Таинственная Богиня[1] с голо-

[1] Тиб. *Дорджема* — «Та, что зовется Дордже», или «Та, что зовется Таинственной».

вой кукушки, держащая железный крюк; с юга — Желтая Таинственная Богиня с головой козла, держащая петлю; с запада — Красная Таинственная Богиня с головой льва, держащая железную цепь; с севера — Черно-Зеленая Таинственная Богиня с головой змеи. Эти Четыре Йогини-Стража выйдут из твоего мозга.

Все двадцать восемь Могущественных Богинь — порождение телесной энергии Ратна-Самбавы, одного из шести Божеств-Херук; познай их.

О благороднорожденный, Мирные Божества порождаются Пустотой *Дхарма-Кайи*. Познай их. Сияние *Дхарма-Кайи* порождает Гневные Божества. Познай их.

Если в то время, когда пятьдесят восемь Пьющих Кровь Божеств, покидая твой мозг, появляются перед тобой, ты познаешь, что они — сияние твоего собственного разума, тогда ты немедленно сольешься воедино с телом Божеств, Пьющих Кровь, и станешь Буддой.

О благороднорожденный, если ты не осознаешь этого и в страхе бежишь от божеств, страдания вновь вернутся к тебе и возобладают над тобой. Если не знать этого, то Божества, Пьющие Кровь, вызовут страх, умерший испытает ужас и трепет, потеряет сознание, его мыслеформы превратятся в призрачные видения, и он попадет в Сансару; если же он не испугается и не ужаснется, то он избежит Сансары.

Тела величайших из Мирных и Гневных Божеств простираются до пределов небес; средние — велики, как гора Меру[1]; наименьшие — высотой в восемнадцать твоих тел, поставленных друг на друга. Но не пугайся, не ужасайся. Если ты осознаешь, что все божественные облики и сияния порождены твоим разумом, ты в тот же момент станешь Буддой. Слова

[1] *Меру* — центральная священная гора в буддийской космографии. В тантрах и сочинениях по йоге указывается, что позвоночный столб — главная опора человеческого тела — является горой *Меру* человека-микрокосма.

„Буддой становятся мгновенно“ — относятся к этому моменту. Помни об этом и ты станешь Буддой, слившись воедино с Сияниями и *Кайями*.

О благороднорожденный, какие бы страшные и ужасные видения ты ни увидел, пойми, что они — твои собственные мыслеформы.

О благороднорожденный, если ты не поймешь этого и испугаешься, тогда все Мирные Божества примут облик Маха-Калы, а Гневные — облик Дхарма-Раджи, Бога Смерти; все твои мыслеформы станут иллюзиями (или *Марами*), и ты попадешь в Сансару.

О благороднорожденный, кто не узнает своих собственных мыслеформ, тот, как бы ни был он начитан в сутрах и тантрах и как бы ни исполнял религиозные заповеди, даже на протяжении целой *кальпы*, не станет Буддой. Но кто узнает свои мыслеформы, тот с помощью этого станет Буддой.

Если умерший не узнáет свои мыслеформы сразу же после смерти, то в *Чёнид Бардо* возникнут облики Дхарма-Раджи, Бога Смерти. Самое большое тело Дхарма-Раджи простирается до пределов небес, среднее — подобно горе Меру, наименьшее — высотой в восемнадцать тел умершего; они заполняют собой всю Вселенную. Они появятся, кусая верхними зубами нижнюю губу, с тусклыми глазами, с волосами, завязанными узлом на макушке, с огромными животами и тонкими станами, с кармической скрижалью в руке[1]; они издают крики „Бей!

[1] Тиб. *хтамшин* — «доска»; доска, на которой в Тибете преступника подвергают порке, или, как здесь, дощечка, на которой записана карма умершего. *Хтам* означает «свиток с записями», *шин* — «дерево», *хтамшин* — «доска с записями», «скрижаль». В знаменитом тибетском сказании *Кесар-дун* (неизвестного автора VIII—IX века), настолько популярном в Тибете, что многие знают его наизусть, тринадцатилетний подросток, который жаждет участвовать в сражении, но которого удерживают от этого любящие родители, отстраняет их со словами: «Место болезни, место смерти и место моего сожжения внесены в свиток (*хтам*) Бога Смерти».

Убивай!“, лижут человеческий мозг, пьют кровь, отрывают головы у трупов, вырывают сердца, — так они появятся, заполняя собой миры.

О благороднорожденный, при появлении этих мыслеформ не бойся, не ужасайся. Тело, которым ты сейчас обладаешь, это духовное тело склонностей; даже убитое и изрубленное на куски оно не может умереть. Тебе не следует бояться, в действительности твое тело есть тело пустоты. А тела Бога Смерти порождены твоим разумом, они тоже нематериальны; пустота не может причинить вред пустоте. Ни Мирных Божеств, ни Гневных, ни Пьющих Кровь, ни Обладателей Звериных и Птичьих Голов, ни радужных ореолов, ни устрашающих обликов Бога Смерти в реальности, вне твоего разума, не существует — в этом нет сомнения. Узнай это, и весь твой страх и ужас рассеются; и, достигнув состояния единства, ты станешь Буддой.

Если ты осознáешь все именно так, если испытаешь доверие и любовь к божествам-хранителям, если поверишь, что они пришли спасти тебя от опасностей *Бардо*, то размышляй так: „Я найду в них убежище“. И помни о Трех Сокровищах, обрати к ним всю свою любовь и веру. Кто бы ни был твоим божеством-хранителем, вспомни о нем, назови по имени и молись так:

Я блуждаю в *Бардо*; приди ко мне на помощь,
Поддержи меня своей милостью, о
Драгоценный Хранитель!

И, назвав по имени своего гуру, молись так:

Я блуждаю в *Бардо*, спаси меня!
Не оставь меня своей милостью!

Доверься Божествам, Пьющим Кровь,
и обратись к ним с такой молитвой:

Когда я блуждаю в Сансаре под властью
непреодолимых иллюзий,
На путь света, уводящий от страха, ужаса
и трепета,
Да выведут меня сонмы Бхагаванов, Мирных
и Гневных.
Да охранят меня сонмы Гневных Богинь,
Заполняющих Пространство,
И помогут избежать опасностей *Бардо*,
И приведут в царство Всесовершенных Будд.
Когда я один, вдали от близких друзей,
блуждаю здесь,
Где появляются пустые облики моих
собственных мыслей,
Да не допустят Будды, являя силу своей
милости,
Чтобы меня обуяли в *Бардо* страх, ужас
и трепет.
Когда воссияют пять ослепительных Огней
Мудрости,
Да придет ко мне осознание и не будет
ни страха, ни трепета.
Когда появятся Божественные Тела Мирных
и Гневных Божеств,
Да придет уверенность бесстрашия и осознание
Бардо.
Когда из-за плохой кармы я познаю страдание
Да рассеют его божества-хранители.
Когда прогремит естественный звук
Реальности, подобный тысяче громов,
Да преобразится он в звуки Шести Слогов[1].

[1] Главная мантра Ченрази (Авалокитешвары): *Ом Мани Падме Хум*. *Ченрази* — бог-покровитель и защитник Тибета, поэтому повторение этой мантры как при жизни, так и в *Бардо* способствует

Когда я, беззащитный, вынужден буду
следовать своей карме,
Милосердный и Сострадательный, умоляю,
защити меня.
Когда кармические склонности причинят мне
страдание,
Да воссияет блаженство Чистого Света,
Да не восстанут против меня Пять Стихий[1],
И да увижу я царство Пяти Родов
Просветленных.

Молись с искренней верой и смирением; тогда все твои страхи исчезнут, и ты несомненно станешь Буддой в *Самбхога-Кайе*. Это очень важно. Будь внимателен и повтори молитву

завершению круга смертей и рождений и открывает путь в Нирвану — отсюда ее особое место среди молитв *Бардо*. В тибетской книге «История *Мани*» («Мантра Ченрази») она названа «Основой всякого счастья, процветания и знания и великим средством Освобождения». Там же говорится, что слог *ом* затворяет врата рождения в мир богов, *ма* — в мир асуров, *ни* — в мир людей, *пад* — в мир животных, *ме* — в мир прет, *хум* — в мир обитателей Ада. Каждый из шести слогов мантры соотнесен с цветом Пути Света, соответствующим одной из шести областей бытия: *ом* — белый путь *Дэва-Локи* (мир богов), *ма* — зеленый путь *Асура-Локи* (мир демонов), *ни* — желтый путь *Мана-Локи* (мир людей), *пад* — синий путь Тирьяка-Локи (мир животных), *ме* — красный путь *Прета-Локи* (мир духов), *хум* — черный (или серый) путь *Нарака-Локи* (мир Ада).

В одной старинной тибетской легенде рассказывается о том, как набожный сын пытался склонить свою неверующую мать к соблюдению религиозных обрядов, но сумел научить ее только этой мантре. Так как плохая карма матери превосходила хорошую, то после смерти она попала в Ад. Тогда сын, весьма искушенный в йоге, пришел к ней на помощь. Увидев его, мать, которая часто повторяла мантру при жизни, сумела вспомнить и прочесть ее в Аду — и тотчас же и она, и все, кто ее слышал, были освобождены из Ада. «Такова, — поучает легенда, — сила этой мантры».

[1] Земля, воздух, вода, огонь, эфир.

трижды или даже семь раз. И как бы ни была тяжела твоя плохая карма и слаба хорошая, невозможно, если обретено осознание, не достичь Освобождения». Если же, несмотря на все предпринятое на этих ступенях *Бардо*, осознание так и не пришло, тогда умерший последует в третье *Бардо*, называемое *Сидпа Бардо*.

Наставления об этом *Бардо* будут подробно изложены далее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ВАЖНОСТИ НАСТАВЛЕНИЙ БАРДО

Какой бы ни была религиозная практика человека — обширной или незначительной, — в момент смерти перед ним появляются различные, вводящие в заблуждение иллюзии; поэтому *Тёдол* совершенно ему необходим. Тому, кто много занимался сосредоточенным размышлением, Истина предстанет сразу, едва поток сознания покинет тело. Важно приобрести определенный опыт еще при жизни: постигший истинную природу своего бытия при жизни обретет небывалое могущество в *Бардо* Момента Смерти, когда перед ним вспыхнет Чистый Свет.

Кроме того, сосредоточенное размышление при жизни о божествах Тайного Пути Мантры как на ступени зрительных образов, так и на ступени совершенства окажет огромное влияние, когда в *Чёнид Бардо* появятся мирные и гневные божества. Очень важно изучать *Бардо* при жизни; овладевай им, читай его, заучивай, тщательно храни в памяти и регулярно перечитывай по три раза. Пусть все слова и их смысл будут тебе ясны; не упускай их из памяти, даже если тебя будет преследовать сотня палачей.

Тёдол называют Великим Освобождением Слушанием: даже совершивший пять величайших грехов[1], несомненно, будет

[1] Убийство отца, убийство матери, развязывание войны между религиозными общинами, убийство святого, пролитие крови Татхагаты (Будды).

освобожден, если услышит его. Поэтому читай *Тёдол* среди больших собраний; распространяй его. Услышавший его хотя бы раз, даже если он ничего не понял, в Промежуточном Состоянии вспомнит все до последнего слова, так как ум становится там в девять раз сильнее. *Тёдол* необходимо возвещать всем живущим; его следует читать у постели больного, над телом умершего; нужно распространять его повсюду.

Поистине счастлив тот, кто узнал это учение, а это нелегко и удается лишь тем, кто обладает многими достоинствами и кто рассеял тьму своего невежества. Даже узнав учение, нелегко постичь его, но, если слушать его с полным доверием, Освобождение будет достигнуто. Поэтому относись к учению с большим почтением: это учение всех учений.

Наставление во время пребывания в Промежуточном Состоянии, называемое «Учение, Которое Освобождает, Будучи Услышано, и Учение, Которое Освобождает, Будучи Носимо», закончено.

Книга II
СИДПА БАРДО

Известна как главная часть так называемой «Глубочайшей Сущности Освобождения Слушанием» — Напоминание, Ясное Наставление в Промежуточном Состоянии, когда умерший устремляется к Новому Рождению

ПОКЛОНЕНИЯ

Сонму Божеств, Хранителям, Гуру —
смиренный поклон;
да удостоят они Освобождения в
Промежуточном Состоянии.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ СТИХ

Сначала в великом *Бардо Тёдол*
О *Чёнид Бардо* сообщается учение;
Теперь же о *Бардо*, называемом *Сидпа*,
Напоминание и наставление.

5 Зак. № 387

Часть I

ПОСМЕРТНЫЙ МИР

Вступительные Указания Совершающему Обряд:

Хотя во время пребывания умершего в *Чёнид Бардо* было сделано немало точных напоминаний — не считая тех, кто сам достиг подлинной Истины или обладает хорошей кармой — обладатели плохой кармы, лишенные знания об Истине и пораженные при встрече с ней страхом и ужасом, с трудом приходят к осознанию. Они достигают Четырнадцатого Дня; чтобы еще раз внушить им Истину, надлежит читать следующее.

ТЕЛО БАРДО: ЕГО РОЖДЕНИЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ

Воздав хвалу Трем Сокровищам и прочитав молитву, взывающую о помощи к Буддам и Бодисатвам, назови умершего по имени трижды или семь раз и говори так:

«О благороднорожденный, слушай внимательно и сохрани услышанное в своем сердце: рождение в Аду, в мире *дэвов* и в теле *Бардо* — сверхъестественное рождение.

Когда ты увидел появление Мирных и Гневных Божеств в *Чёнид Бардо*, ты, неспособный познать их и движимый страхом, после смерти потерял сознание примерно на три с половиной дня. Когда же ты очнулся, Познающий вернулся к своему первозданному виду, и внезапно появилось сияющее тело, напоминающее прежнее тело. Как гласит тантра:

С телом по виду из плоти, которое напоминает
прежнее и то, что появится,

Наделенное всеми чувствами и силой
беспрепятственного передвижения,
Обладающее чудесными кармическими
способностями,
Видимое чистым небесным взором обитателей
Бардо.

Таково наставление.

Сияющее тело, о котором говорится, что оно напоминает „прежнее и то, что появится" (это значит, что умерший получит тело, подобное прежнему чувственному телу из плоти и крови), будет наделено особыми свойствами и совершенством, какими обладают существа с высшим предназначением.

Это тело, рожденное желанием, — иллюзия мыслеформ в Промежуточном Состоянии, и называется оно телом желания.

В это время, если ты должен родиться *дэвом*, перед тобой возникнет видение мира *дэвов*. Подобным же образом, кем бы тебе ни пришлось родиться, — *асуром* или человеком, или животным, или *претой*, или обитателем Ада, — перед тобой возникнет видение соответствующего мира.

Слово „прежнее" в приведенной *тантре* означает, что до середины четвертого дня ты думал, будто обладаешь тем же телом из плоти и крови, которое имел в прошлом существовании, благодаря привычным склонностям[1]; а слова „то, что появится" использованы потому, что вскоре тебе явится видение места будущего рождения. Итак, слова „прежнее и то, что появится" относятся к этим телам — только что оставленному и тому, что будет получено при новом рождении.

---

[1] Привычная (кармическая) склонность к сансарическому бытию, вызываемая жаждой жизни, желанием вновь родиться, — единственная причина обретения человеческого (или какого-либо другого) тела. «Нестановление, Нерожденность, Несотворенность, Невоплощенность» — Нирвана — вот цель, которую должен преследовать адепт.

Не следуй за видениями, что появятся перед тобой. Не соблазняйся; будь тверд. Если, проявив слабость, ты привяжешься к ним, ты будешь скитаться в Шести *Локах* и претерпевать страдания.

До этого дня ты не мог узнать *Чёнид Бардо* и был вынужден блуждать, опускаясь все ниже. Теперь, чтобы овладеть Истиной, ты должен предоставить своему уму успокоиться в бездеятельном, бездумном состоянии неомраченности, изначальности, ясности, пустоты — в состоянии, с которым тебя познакомил гуру. Тем самым ты избежишь материнского чрева и достигнешь Освобождения. Но если ты не сможешь постичь это, тогда, кто бы ни были твое божество-покровитель и гуру, сосредоточенно размышляй о них с великой любовью, смирением и доверием как о защитниках твоего темени. Это очень важно. Будь внимателен».

Указание Совершающему Обряд:

Так и говори, и если в результате к умершему придет осознание, то он достигнет Освобождения, избавленный от блуждания в Шести Локах. Если же осознание затруднено влиянием плохой кармы, тогда скажи следующее:

«О благороднорожденный, слушай снова! Слова „наделенное всеми чувствами и силой беспрепятственного передвижения“ означают, что даже если при жизни ты был слепым, глухим или хромым, то здесь, в Посмертном Мире, твои глаза увидят образы, уши услышат звуки и все остальные органы чувств будут невредимы, восприимчивы и совершенны. Вот почему о теле *Бардо* было сказано: „наделенное всеми чувствами“. Эти условия существования, в которых ты сейчас пребываешь, — свидетельство того, что ты умер и блуждаешь в *Бардо*. Старайся понять это. Помни наставления, помни учение.

О благороднорожденный, слова „беспрепятственное передвижение“ означают, что твое нынешнее тело, будучи телом желания — ведь твой ум отделился от своего вместилища[1], — не

[1] «Вместилище» — покинутое физическое тело.

есть тело из грубой материи, и потому ты обладаешь способностью беспрепятственно проходить сквозь скалы, холмы, камни, землю, дома и даже сквозь гору Меру. За исключением Будх-Кайи и материнского чрева, все, даже Царица гор Меру, беспрепятственно тебя пропустит как вперед, так и назад. Это также свидетельствует о том, что ты блуждаешь в *Сидпа Бардо*. Помни наставления своего гуру и молись Сострадательному Богу.

О благороднорожденный, отныне ты наделен чудотворной силой; однако она — не результат *самадхи*, но возникла в тебе естественно и имеет кармическую природу[1]. Ты можешь в мгновение ока пересечь четыре континента, окружающие гору Меру, можешь попасть в любое, какое ни пожелаешь, место, прежде чем человек успеет поклониться или протянуть руку. Но не возжелай, не возжелай этих сил иллюзии и превращений[2].

Нет таких сил, которые ты, захотев этого, не смог бы проявить. Ты наделен возможностью неограниченно пользоваться ими. Знай это и молись своему гуру.

О благороднорожденный, слова „видимое чистым небесным взором обитателей *Бардо*“ означают, что существа, которые обладают одинаковой природой, будучи подобными по строению или по уровню знания, в Промежуточном Состоянии будут видеть друг друга. Например, существа, которые должны родиться в мире *дэвов*, увидят друг друга и так далее. Не привязывайся к тем, кого увидишь, но размышляй о Сострадательном.

---

[1] Подразумевается, что умерший, благодаря действию кармы, приобретает сверхъестественные способности в Промежуточном Состоянии (где они являются естественными), а не во время занятий йогой в земной жизни.

[2] Достигшие духовного совершенства ламы не рекомендуют ученикам стремиться к обладанию такого рода психическими силами, которые становятся серьезным препятствием в духовном развитии тех, кто нравственно не готов к их разумному использованию. До тех пор, пока человек полностью не овладеет своей низшей, чувственной природой, он не может использовать эти силы безвредно.

„Видимое чистым небесным взором“ означает также, что *дэвы*, рожденные в чистоте благодаря своим заслугам, видны чистым небесным взором тех, кто упражняется в *дхьяне*. Но они будут видеть их не всегда, а лишь сосредоточив на них свой ум. Порой даже упражняющиеся в *дхьяне* склонны к рассеянию и не видят *дэвов*».

ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПРОМЕЖУТОЧНОМ СОСТОЯНИИ

«О благороднорожденный, обладающий этим телом увидит места, хорошо знакомые ему на земле, и своих родственников, как это бывает во сне.

Ты видишь своих родных и близких и обращаешься к ним, но не получаешь ответа. Увидав, что семья оплакивает тебя, ты думаешь: „Я мертв! Что делать?“ — и жестоко страдаешь, словно рыба, выброшенная из воды на раскаленные угли. Ты будешь страдать, но страдание тебе не поможет. Если у тебя есть божественный гуру, молись ему. Молись Божеству-Хранителю, молись Сострадательному. Привязанность к родным и близким тебе не поможет, поэтому забудь о ней. Молись Сострадательному Богу и ты избавишься от скорби, страха и трепета.

О благороднорожденный, когда тебя носит повсюду не знающий покоя ветер кармы, твой разум, лишенный опоры, подобен перышку, увлекаемому вихрем. Ты вынужден блуждать безостановочно и говорить оплакивающим: „Я здесь, не плачьте!“ Но они не услышат, и ты подумаешь: „Я мертв!“ И вновь тебя одолеет страдание. Не поддавайся ему.

Повсюду будет серый сумеречный свет, днем и ночью, во все времена. В этой области Промежуточного Состояния ты пробудешь одну, две, три, четыре, пять, шесть или семь недель, до исхода сорок девятого дня. Говорят, что страдания в *Сидпа*

Бардо длятся обычно двадцать два дня, но из-за влияния кармы точный срок указать нельзя.

О благороднорожденный, приблизительно в это время свирепые порывы жуткого и невыносимого ветра кармы погонят тебя дальше. Не бойся, это твоя собственная иллюзия. Густой, наводящий ужас мрак надвинется на тебя, и оттуда послышатся страшные крики „Бей! Убивай!“ и другие угрозы. Не бойся их.

Тот же, чья карма совсем плоха, увидит вооруженных, пожирающих плоть *ракшасов*, которые порождены его кармой; они будут кричать: „Бей! Убивай!“ и тому подобное и издавать ужасный шум. Они бросятся к нему, делая вид, что спорят между собой, кому он достанется. Еще перед ним появятся видения людей, преследуемых дикими зверями. Он увидит снег и дождь, мрак, свирепые вихри, толпы преследователей; услышит звуки горных обвалов, шум морских волн, треск пожара и вой сильного ветра.

Когда послышатся эти звуки, умерший, испуганный ими, побежит от них, устремляясь то туда, то сюда, не разбирая пути. Но дорогу ему преградят три ужасные пропасти — белая, черная и красная. Они глубоки и устрашающи, и умерший поймет, что сейчас он низвергнется вниз. О благороднорожденный, это вовсе не пропасти, а Гнев, Похоть и Невежество.

Знай, что ты находишься в *Сидпа Бардо*. Обратись по имени к Сострадательному и с верой молись ему так: „О Сострадательный Бог, о Гуру, о Три Сокровища, не дайте мне (такому-то) низвергнуться в миры несчастий“. Сделай все, чтобы не забыть этого.

Тот же, кто накопил много заслуг и искренне посвятил себя религии, в полной мере позна́ет блаженство, счастье и покой. А тот, кто лишен заслуг, но и не создал плохой кармы, не испытает ни блаженства, ни страдания, но лишь тусклое тупое равнодушие. О благороднорожденный, что бы с тобой ни случилось, какое бы блаженство ты ни познал, не соблазняйся им,

не привязывайся к нему, но размышляй так: „Да будет дарованное мне блаженство знаком моего поклонения Гуру и Трем Сокровищам". Отбрось все привязанности и желания.

Даже если ты не испытаешь ни блаженства, ни страдания, а лишь безразличие, заставь свой ум сосредоточиться на размышлении о Великом Символе; только не думай, что ты — размышляешь. Это очень важно.

О благороднорожденный, после этого на какое-то время ты окажешься возле мостов, в храмах, у ступ восьми видов; но не сможешь оставаться там долго, ибо твой ум отделился от земного тела. Не в силах задержаться на одном месте, ты часто будешь испытывать беспокойство, тревогу и страх. Твой Познающий будет то тускнеть, то становиться неустойчивым и бессвязным. Тогда к тебе придет мысль: «Увы! Я мертв! Что делать?» — и твой Познающий опечалится, твое сердце похолодеет, и ты испытаешь безмерную скорбь. Так как ты не можешь нигде задержаться и вынужден непрерывно двигаться, не думай о разных вещах, но предоставь своему уму пребывать неизменным.

Что касается пищи, то ты можешь отведать только ту, что приготовлена для тебя, и никакой иной. Относительно друзей в это время нельзя сказать ничего определенного.

Таковы признаки пребывания ментального тела в *Сидпа Бардо*. В это время от кармы умершего зависит и его счастье, и горе.

Ты увидишь свой дом, слуг, родственников и свое тело и подумаешь: „Я умер! Что делать?" — и, охваченный глубокой скорбью, поймаешь себя на мысли: „Что бы я только ни отдал, чтобы снова иметь тело!" С этой мыслью ты будешь переходить с места на место, блуждая в поисках тела.

Даже если бы ты мог девять раз подряд войти в свое мертвое тело, слишком долгое время провел ты в *Чёнид Бардо*, и оно окажется замерзшим зимой, разложившимся летом, или твои родственники сожгут его или предадут земле, или бросят в реку, или отдадут на съедение птицам и диким зверям. Поэтому, не найдя

тела, чтобы войти в него, ты останешься недовольным и почувствуешь себя так, будто тебя проталкивают в узкие щели и расщелины скал и валунов. Эти страдания возникают в Промежуточном Состоянии при устремлении к новому рождению. Ты ищешь тело и не находишь ничего, кроме страданий. Отринь свою жажду иметь тело; смири свой ум; действуй так, чтобы там остаться».

Наставляемый таким образом, умерший обретет освобождение от *Бардо*.

ЗАГРОБНЫЙ СУД

Указание Совершающему Обряд:

Но вновь может случиться так, что влияние плохой кармы не позволит умершему достичь осознания. Поэтому назови его по имени и скажи следующее:

«О благороднорожденный (такой-то), слушай! Причина твоих страданий — твоя собственная карма; только карма и ничто иное. Поэтому молись усердно Трем Сокровищам — они защитят тебя. Если ты не будешь молиться и не знаешь, как сосредоточенно размышлять о Великом Символе и о божествах-хранителях, тогда явится рожденный вместе с тобой Добрый Дух-Покровитель, чтобы счесть твои благие деяния с помощью белых камешков, и явится рожденный вместе с тобой Злой Дух-Покровитель, чтобы счесть твои злодеяния с помощью черных камешков. Это очень тебя напугает и устрашит, ты ужаснешься и вострепещешь, ты попытаешься солгать, сказав: „Я не совершал никаких злодеяний".

Тогда Бог Смерти скажет: „Я погляжу в Зеркало Кармы".

С этими словами он посмотрит в Зеркало, в котором отражаются все добрые и злые дела человека. Лгать здесь бесполезно.

И тогда один из Палачей-Мучителей Бога Смерти набросит тебе на шею петлю и повлечет за собой. Он отсечет тебе голову, вырвет сердце, вывернет чрево, высосет мозг, выпьет кровь; он

пожрет твою плоть и изгложет кости[1], но ты не сможешь умереть. Хотя тело твое будет разорвано на мелкие части, оно оживет вновь. И так будет повторяться снова и снова, причиняя тебе ужасную боль и муку.

Но даже теперь, когда камешки сочтены, не бойся, не ужасайся. Не лги, не страшись Бога Смерти.

Твое тело — духовное тело, оно не может умереть, даже если его обезглавить или четвертовать. Природа твоего тела — пустота, тебе нечего бояться. Боги Смерти[2] — твои собственные видения. Твое тело желаний есть тело склонностей, оно пусто. Пустота не может причинить вред пустоте. Бескачественное не может причинить вред бескачественному.

И Бог Смерти, и божества, и демоны, и Буйвологоловый Дух Смерти[3] не существуют вне человека, все они — иллюзии. Сделай все, чтобы постичь это.

---

[1] Эти муки символизируют утрызения совести умершего. Описанный здесь Суд — символ борьбы Доброго Духа со Злым, причем Судьей является сама совесть с ее строгой беспристрастностью и любовью к справедливости; Зеркалом — память. Сначала выступает одна — чисто человеческая — часть сознания умершего и пытается опровергнуть обвинения следующими неубедительными доводами: «В силу таких-то обстоятельств я вынужден был поступить так-то и так-то». Затем выступает другая часть сознания и говорит: «Ты руководствовался такими-то мотивами, твои поступки окрашены в черный цвет». Затем еще одна, сочувственно настроенная: «У меня есть то-то и то-то в оправдание, умерший заслуживает прощения на таких-то основаниях» и т. д. Так, по словам лам, совершается Страшный Суд.

[2] Боги Смерти — Яма-Раджа и его спутники, к которым относятся демоны-мучители. Последние (напоминающие древнегреч. Эриний) являются частью человеческого сознания. Согласно *Абхидхамме* южного буддизма, существует разум и побуждения разума, они-то и есть демоны-мучители.

[3] Тиб. *Рагша-ланго*; изображается с головой буйвола. Главное божество-хранитель Гелугпы (Секты Желтых Шапок). *Чамьян Чигжэд* — «*Чамьян* (санскр. *Маньчжушри*), Уничтожитель Бога Смерти» (санскр. *Ямантака*), часто изображается с головой буйвола.

Сделай сейчас все для осознания того, что ты в *Бардо*. Сосредоточься на *самадхи* Великого Символа. Если ты не умеешь медитировать, тогда поразмысли над истинной природой того, что тебя пугает. В действительности все лишено формы, все — Пустота, *Дхарма-Кайя*.

Но эта Пустота — не есть пустота *ничто*, а Истинная Пустота, перед которой ты испытываешь благоговейный трепет и благодаря которой ясно и ярко сияет твой разум; это состояние разума *Самбхога-Кайи*.

В той области, где ты сейчас пребываешь, ты с непреодолимой силой ощущаешь нераздельность Пустоты и Света. Пустота имеет природу Света, а Свет — природу Пустоты; Свет неотделим от Пустоты; это область изначального, неизменного разума — *Ади-Кайя*. Ее энергия, излучаясь беспрепятственно, сияет повсюду; это — *Нирмана-Кайя*.

О благороднорожденный, слушай меня внимательно! Простым узнаванием четырех *Кай* ты, несомненно, обретешь Освобождение в любой из них. Сосредоточься, здесь проходит граница, отделяющая Будд от прочих живых существ. Значение этого мгновения огромно. Если ты будешь сейчас отвлекаться, тебе потребуются бесчисленные *кальпы* для того, чтобы выбраться из Трясины Страданий.

Вот слова, истина которых тебе поможет:

> В одно мгновение проявляется взаимное разделение;
> В одно мгновение достигается Совершенное Просветление.

До этого мгновения, которое уже миновало, весь *Бардо* пребывал перед тобой; но ты не сумел постичь его, ибо не был сосредоточен. Вот почему ты испытывал страх и ужас. Если будешь отвлекаться и сейчас, струны божественного милосердия Сострадательных Очей оборвутся, и ты попадешь туда, откуда

не будет скорого освобождения. Поэтому будь внимателен. Если до сих пор, вопреки наставлениям, ты не достиг осознания, ты придешь к нему и освободишься здесь».

Указание Совершающему Обряд:

Если умерший — человек неграмотный и не обучен духовному сосредоточению, тогда говори так:

«О благороднорожденный, если ты не умеешь медитировать, постарайся вспомнить Сострадательного, *сангху*, *дхарму* и Будду, и молись. Думай, что все ужасные и жуткие видения — твои божества-хранители или сам Сострадательный. Вспомни тайное имя, которое ты получил при посвящении, когда был человеком, и имя своего гуру и назови эти имена Справедливому Царю Богов Смерти. Даже если ты низвергнешься в пропасть, тебе не будет вреда. Избегай страха и трепета».

ВСЕОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ МЫСЛИ

Указание Совершающему Обряд:

Продолжай говорить; с помощью этих наставлений, несмотря на предыдущие неудачи, Освобождение, несомненно, будет достигнуто. Возможно, однако, что Освобождение не будет достигнуто даже после наставлений. Так как усердное и длительное произнесение наставлений имеет большое значение, вновь назови умершего по имени и скажи следующее:

«О благороднорожденный, ты испытываешь сейчас мгновения небывалой радости, сменяемые мгновениями глубочайшей печали, что сродни натяжению и ослаблению катапульты. Но ни в коем случае не привязывайся к радости и не отталкивай печаль.

Если ты должен родиться в одном из высших миров, перед тобой появится видение этого мира.

Твои родственники, оставшиеся на земле, вероятно, приносят тебе, умершему, в жертву множество животных, исполняют религиозные обряды и раздают милостыни. Ты же, поскольку твое видение не очистилось, можешь разгневаться на их поступки, что приведет тебя к рождению в Аду. Что бы ни делали те, кого ты покинул, не позволяй возникнуть ни одной гневной мысли, сосредоточься на своей любви к ним.

Если ты испытываешь привязанность к земным благам, которые оставил, или, видя, что твоим имуществом овладели другие люди и пользуются им себе на благо, ты по своей слабости испытываешь к нему привязанность или гневаешься на своих наследников, то это чувство скажется в важнейшую минуту так, что, даже если тебе суждено было родиться в высших и счастливых мирах, ты обречен будешь родиться в Аду или в мире *прет*. К тому же, даже если ты привязан к оставленным земным благам, ты не способен обладать ими, они тебе бесполезны. Поэтому будь тверд и отринь свои привязанности; отбрось мысли о них, вырви их из сердца. Какое сейчас имеет значение, кто пользуется твоим имуществом? Не жалей о нем, но будь готов отказаться от него по собственной воле. Считай, что ты принес его в жертву Трем Сокровищам и своему гуру, и сохраняй чувство непривязанности, свободное от желаний.

Когда на погребальной церемонии читают *Камкани Мантру*[1] или совершают какой-нибудь обряд для пресечения плохой кармы, увлекающей тебя к рождению в низших мирах, и при этом исполняют обряд неправильно, в сочетании с рассеянностью, сонливостью, несоблюдением обетов и отсутствием чистоты участников церемонии, равно как и с другими легкомысленными поступками, которые ты способен увидеть, наделенный ограниченной кармической способностью предвидения, — все

[1] Эта мантра магическим образом преобразует принесенную в жертву пищу так, что она становится пригодной к употреблению умершим.

это может привести тебя к утрате веры и полному неприятию своей религии. Ты будешь наблюдать испуг и страх, неблаговидные поступки, неблагочестивое поведение и неправильное исполнение обрядов и подумаешь: „Они обманывают меня, обманывают!“ Эта мысль приведет тебя в глубокое уныние; и, жестоко вознегодовав, ты обретешь вместо любви и смиренной веры — сомнение и неверие. Если это случится в важнейшую минуту, ты, несомненно, родишься в одном из низших миров.

Такая мысль не только не принесет тебе пользы, но и причинит великий вред. Как бы скверно ни совершался обряд, как бы ни вели себя участвующие в нем священнослужители, думай так: „Должно быть, мои мысли нечисты! Разве могут быть неверны слова Будды? Словно пятна на моем лице отражаются в зеркале: наверняка мои собственные мысли нечисты. Что касается священнослужителей, то тела их — *сангха*, слава — *дхарма*, в мыслях они — истинный Будда; я найду в них прибежище“.

Так размышляй, доверься им и прояви к ним искреннюю любовь. В этом случае, что бы ни делали для тебя оставшиеся на земле, все послужит тебе на благо. Вот почему так важно проявлять любовь. Не забывай об этом.

И даже если придется тебе родиться в одном из низших миров и свет этого мира засиял перед тобой, то, благодаря твоим наследникам и родственникам, совершающим белые обряды, которые чисты от злодеяний, и монахам, и ученым священнослужителям, посвятившим себя, свое тело, речь и разум исполнению правильных ритуалов, твой восторг и великая радость, питаемые этим зрелищем, сами по себе окажут такое воздействие на этот важный момент, что ты попадешь в высшие счастливые миры. Поэтому избегай нечестивых мыслей, но проявляй ко всем чистую любовь и смиренную веру. Это необычайно важно. Будь очень внимателен.

О благороднорожденный, слушай еще раз: твой разум в Промежуточном Состоянии не имеет твердой опоры, легкове-

сен и пребывает в непрерывном движении, и любая твоя мысль, благочестивая или нет, обладает огромной силою; поэтому не размышляй о нечестивом, но вспомни какой-нибудь религиозный обряд или, если не знаешь обрядов, прояви чистую любовь и смиренную веру, молись Сострадательному и своим божествам-хранителям и с полной решимостью произнеси молитву:

Во время блужданий в одиночестве, вдали от
преданных друзей,
Когда пустые, отраженные облики моих
собственных мыслей появляются передо мной,
Да удостоят меня Будды своей милостью
И рассеяют мой страх, ужас и трепет в *Бардо*.
Когда я страдаю под властью плохой кармы,
Да избавят меня от страданий
божества-хранители.
Когда Звук Реальности гремит раскатами
тысячи громов,
Да станут они звуками Шести Слогов.
Когда меня настигнет карма и нигде нет
защитника,
Да защитит меня, молю, Сострадательный.
Когда кармические склонности обрушивают
на меня горести,
Да засияет передо мной счастливый чистый
свет *Самадхи*.

Эта искренняя молитва, несомненно. станет твоим надежным проводником. Можешь быть уверен: она тебя не обманет. Значение этой молитвы велико. Повторяй ее, и к тебе вернется воспоминание; и ты достигнешь осознания и Освобождения».

ПОЯВЛЕНИЕ СВЕТА ШЕСТИ ЛОК

Указание Совершающему Обряд:

Если же, несмотря на многократное повторение этих наставлений, осознание из-за влияния плохой кармы не удается, тогда полезно повторять наставления снова и снова. Поэтому еще раз назови умершего по имени и скажи следующее:

«О благороднорожденный, если ты не сумел понять сказанное прежде, то тело твоей прошлой жизни начнет все больше тускнеть, а тело будущей жизни — проясняться. Опечаленный этим, ты подумаешь: „О, какой я несчастный! Теперь, какое бы тело мне ни досталось, я пойду искать его“. С этой мыслью ты будешь безостановочно и рассеянно блуждать с места на место. Затем перед тобой появится свет Шести Лок Сансары, и ярче других будет сиять свет того мира, где силой кармы тебе суждено снова родиться.

О благороднорожденный, слушай! Если ты желаешь узнать об этих шести сияниях, знай: тебе будет светить тускло-белый свет из мира *дэвов*, тускло-зеленый из мира *асуров*, тускло-желтый из мира людей, тускло-голубой из мира животных, тускло-красный из мира *прет* и тускло-серый из Ада. В это время под влиянием кармы твое тело примет цвет того мира, в котором тебе предстоит родиться.

О благороднорожденный, наставления этого учения сейчас особенно важны: какой бы свет тебе ни сиял, сосредоточенно размышляй о нем так, словно это Сострадательный; из какого бы мира ни исходил свет, считай, что этот мир есть Сострадательный или пребывает в нем. Это глубочайшее знание: оно предотвращает новое рождение. И кто бы ни был твоим божеством-хранителем, как можно больше размышляй о том, что его образ — лишь видимость и что в действительности он не существует, наподобие образов, которые вызывают маги. Это так называемый чисто иллюзорный образ. Заставь образ твоего божества-хранителя постепенно исчезнуть, пока от него ничего не

останется, а сам погрузись в состояние Чистоты и Пустоты, которую невозможно представить себе как нечто, и некоторое время пребывай в этом состоянии. Затем вновь мысленно сосредоточься на своем божестве-хранителе и вновь — на Чистом Свете; делай так поочередно. После чего заставь свой ум постепенно исчезнуть.

Где есть эфир, там — сознание; где есть сознание, там — *Дхарма-Кайя*. Пребывай безмятежно в несотворенном состоянии *Дхарма-Кайи*; в этом состоянии ты избежишь нового рождения и достигнешь Совершенного Просветления».

Часть 2
ПРОЦЕСС НОВОГО РОЖДЕНИЯ. ЗАТВОРЕНИЕ ВРАТ МАТЕРИНСКОГО ЧРЕВА

Указание Совершающему Обряд:

Если умерший слишком слаб в своих молитвах и из-за недостатка знаний не может понять наставления, иллюзии одолеют его и он приблизится к вратам материнского чрева. Наставления о затворении врат материнского чрева имеют огромное значение; назови умершего по имени и скажи следующее:

«О благороднорожденный, если ты не понял сказанное прежде, то в это время под влиянием кармы ты почувствуешь, что или поднимаешься, или двигаешься на одном уровне, или опускаешься. Поэтому сосредоточенно размышляй о Сострадательном. Затем, как уже говорилось, на тебя налетят ветры, ледяные шквалы и град, тебя окружит мрак и будут преследовать толпы людей. Спасаясь от этих иллюзий, тот, кто лишен хорошей кармы, почувствует, что оказался в области страданий: тому же, кто обладает хорошей кармой, покажется, что он попал в области счастья. После чего, о благороднорожденный, на каком бы континенте и в каком бы месте тебе ни предстояло родиться, перед тобой появятся приметы этих мест.

К этому моменту относятся несколько очень важных наставлений. Слушай внимательно. Если ты не понял прежних наставлений, сейчас ты их поймешь, ибо даже тот, кто слаб в молитвах, узнает приметы. Поэтому слушай».

Указание Совершающему Обряд:

Сейчас необходимо приступить к затворению врат материнского чрева. Здесь следует быть очень внимательным. Существует два основных способа затворения: удержать того, кто собирается войти, или закрыть врата, в которые собираются войти.

УДЕРЖАНИЕ ОТ ВХОЖДЕНИЯ В МАТЕРИНСКОЕ ЧРЕВО

Наставление, препятствующее вхождению в материнское чрево, таково:

«О благороднорожденный (такой-то), кто бы ни был твоим божеством-хранителем, спокойно размышляй о нем, как об отражении луны в воде, видимом и все же несуществующем, подобно магически вызванному образу. Если у тебя нет божества-хранителя, размышляй о Сострадательном Боге или обо мне; сосредоточь свое сознание и спокойно размышляй.

Затем позволь видимому образу божества-хранителя исчезнуть и сосредоточься, не облекая мысль ни в какую форму, на пустом Чистом Свете. Это очень глубокое искусство, благодаря которому ты не войдешь в материнское чрево».

ПЕРВЫЙ СПОСОБ ЗАТВОРЕНИЯ ВРАТ ЧРЕВА

«Сосредоточенно размышляй таким образом. Если же этого окажется недостаточно, чтобы помешать твоему вхождению в материнское чрево, и если ты почувствуешь, что устремляешься в него, то имеется глубокое поучение, позволяющее закрыть врата чрева. Слушай его:

Когда в это время перед тобой появится *Сидпа Бардо*,
Мысленно прими единственное решение;
Решительно соедини воедино цепь хорошей кармы;
Затвори врата материнского чрева и помни о противодействии;
Настало время, когда необходима искренность и чистая любовь;

Отбрось зависть и сосредоточенно размышляй
о Божественном Гуру, Отце-Матери.

Отчетливо повтори это своими собственными устами, хорошо запомни смысл слов и размышляй о них. Применение их на практике очень важно.

Смысл поучения „Когда в это время перед тобой появится *Сидпа Бардо*" — в том, что сейчас ты блуждаешь в *Сидпа Бардо*. Свидетельство тому следующее: если ты посмотришь в воду или в зеркало, то не увидишь отражения своего лица и тела; кроме того, тело твое не отбрасывает тени. Ты покинул плотное материальное тело из плоти и крови. Это указывает на то, что ты блуждаешь в *Сидпа Бардо*.

Теперь ты должен, не отвлекаясь, мысленно принять единственное решение. Принятие этого решения очень важно и напоминает управление лошадью с помощью поводьев.

Чего бы ты ни пожелал, все сбудется. Не думай о злодеяниях, это может увести твой ум в сторону. Вспомни о своей духовной связи с Читающим *Бардо Тёдол* или с тем, от кого ты узнал, когда жил среди людей, учение и получил посвящение и разрешение читать священные книги. Настойчиво продолжай думать о добрых делах — это очень важно. Не отвлекайся. Именно здесь проходит сейчас граница между восхождением и нисхождением. Если будешь колебаться хотя бы секунду, тебе придется долго страдать. Время настало. Твердо держись одной-единственной цели — соединить цепь добрых дел.

Теперь пришла пора затворить врата материнского чрева. „Настало время, когда необходима искренность и чистая любовь" — это значит, что настало время, когда следует затворить врата чрева. Способов их затворения пять; помни об этом».

ВТОРОЙ СПОСОБ ЗАТВОРЕНИЯ ВРАТ ЧРЕВА

«О благороднорожденный, сейчас ты увидишь соединяющихся мужчин и женщин. Когда увидишь их, помни, что тебе нельзя оказаться между ними. Думай об отце и матери, как о Гуру и Божественной Матери, мысленно сосредоточься на них и поклонись им; смиренно прояви свою веру, с великим рвением соверши мысленное богослужение; решись на то, чтобы просить у них о духовном руководстве.

Твоя решимость непременно затворит врата материнского чрева. Если же они не затворятся и ты почувствуешь, что устремляешься в них, тогда размышляй о Божественном Гуру, Отце-Матери, как о своем божестве-хранителе, или о Сострадательном Покровителе и *Шакти*; сосредоточься на них и принеси им мысленные жертвы. Искренне решись просить у них милости; и врата чрева должны затвориться».

ТРЕТИЙ СПОСОБ ЗАТВОРЕНИЯ ВРАТ ЧРЕВА

«Если же и тогда они не затворятся, и ты почувствуешь, что устремляешься в материнское чрево, вот третий способ освобождения от влечения и отвращения.

Есть четыре вида рождения: из яйца, из чрева, сверхъестественное, из тепла и влаги. Среди них рождение из яйца и рождение из чрева схожи между собой.

Как уже говорилось, перед тобой появятся видения соединяющихся мужчин и женщин. Если сейчас войти в чрево, повинуясь чувству влечения и отвращения, то можно родиться лошадью, птицей, собакой или человеком.

У того, кому суждено родиться мужчиной, Познающий начинает сознавать себя мужчиной — в нем возникает чувство

сильной ненависти к отцу и чувство ревности и влечения к матери. У того же, кому суждено родиться женщиной, Познающий начинает сознавать себя женщиной — в нем возникает чувство сильной ненависти к матери и чувство страстного влечения и любви к отцу. По этой причине, проникая в область эфира в тот момент, когда семя и яйцеклетка должны соединиться, Познающий испытывает блаженство одновременно рожденного состояния и теряет сознание. Затем он оказывается зародышем, заключенным в матке, а когда покидает ее, может случиться, что он превратится в щенка. Раньше он был человеком, а теперь стал собакой и вынужден страдать в своей конуре, или поросенком в свинарнике, муравьем в муравейнике, насекомым, червем в земле, теленком, козленком, ягненком, и нет из этого состояния немедленного возвращения. Бессловесность, глупость, помрачение разума и многие другие страдания — его удел. Подобным же образом можно оказаться в Аду, в мире несчастных духов или в какой-либо другой из Шести Лок и претерпеть там невыразимые муки.

Те, кто жадно влечется к сансарическому бытию, кто в сердце своем не боится его, кто не слышал наставлений гуру, — провалятся в бездонную пропасть Сансары, и страдание их будет бесконечным и невыносимым. Чтобы тебя не постигла такая судьба, вслушайся в мои слова и сохрани эти наставления в своем сердце.

Отринь чувства влечения и отвращения и запомни способ затворения врат материнского чрева, который я сейчас сообщу. Затвори врата чрева и вспомни о противодействии. Тебе необходимы сейчас искренность и чистая любовь, ибо сказано было: „Отбрось зависть и сосредоточенно размышляй о Божественном Гуру, Отце-Матери“.

Как уже говорилось, у того, кто родится мужчиной, возникнет влечение к матери и отвращение к отцу, а у того, кто родится женщиной, — влечение к отцу и отвращение к матери, а также ревность к тому или другому.

На этот случай есть мудрое наставление. О благороднорожденный, когда у тебя возникнет влечение и отвращение, размышляй так:

„Увы! Какая плохая у меня карма! До сих пор блуждаю я в Сансаре, и причина тому — влечение и отвращение. Если я и впредь буду испытывать чувства влечения и отвращения, то продолжу свои блуждания по бесконечной Сансаре на неопределенный срок, все глубже погружаясь в Океан страданий. Влечение и отвращение не должны определять мои поступки. Отныне я не буду действовать под их влиянием".

Так, сосредоточенно размышляя, утвердись в своем решении. В тантрах сказано: „Этого достаточно для затворения врат чрева".

О благороднорожденный, будь внимателен! Сосредоточь свой ум на этом решении».

ЧЕТВЕРТЫЙ СПОСОБ ЗАТВОРЕНИЯ ВРАТ ЧРЕВА

«Но если и это не затворит их и ты почувствуешь, что устремляешься в чрево, тогда следует затворить их с помощью учения, которое называется „Ложное и Иллюзорное". Следует сосредоточенно размышлять так:

„Все явления — отец и мать, черный дождь, порывы бури, гром, ужасные видения — по своей истинной природе иллюзорны. В каком бы виде они ни появлялись, в них нет истины; все явления нереальны и обманчивы. Подобно снам и привидениям, они непостоянны и преходящи. Какой смысл к ним привязываться? Какой смысл бояться их и страшиться? Нельзя принимать несуществующее за существующее. Все это — иллюзии моего собственного разума. Да и сам разум иллюзорен и не существует извечно, так где же могут существовать эти явления?

Не поняв этого до сих пор, я принимал несуществующее за существующее, нереальное за реальное, иллюзорное за подлинное и долго блуждал в Сансаре. Даже сейчас, если я не постигну их иллюзорность, то, блуждая в Сансаре долгие годы, я непременно попаду в трясину несчастий.

Все это подобно снам, галлюцинациям, эху, городам Питающихся запахом[1], миражам, отражению в зеркале, фантасмагории, луне в воде — все не реально даже на мгновение. Воистину, нереально и ложно".

Если сосредоточишься на этих мыслях, тогда вера в реальность явлений рассеется, и, увлекаемый внутренней непрерывностью сознания, ты повернешь вспять; если знание о нереальности явлений глубоко запечатлится в тебе, тогда врата чрева, несомненно, затворятся».

ПЯТЫЙ СПОСОБ ЗАТВОРЕНИЯ ВРАТ ЧРЕВА

«Но если вера в реальность явлений сохранилась, врата материнского чрева не затворятся. И если ты почувствуешь, что устремляешься в чрево, то следует затворить их, мысленно сосредоточившись на Чистом Свете; это и есть пятый способ. Размышлять следует так:

„Все явления — это мой собственный разум, а разум пуст, нерожден, бесконечен".

Размышляя так, позволь своему разуму пребывать в состоянии несотворенности, наподобие воды, сливающейся с водой. Пусть разум пребывает в свободном положении, в состоянии естественном, неизменном, чистом и трепетном. Ес-

---

[1] Тиб. *диза* — «питающиеся запахом»; санскр. *гандхарва* — феи индуистской и буддийской мифологии. Их города — облака фантастических форм, постепенно исчезающие во время дождя.

ли разум останется в этом состоянии недеяния и несотворенности, тогда врата чрева четырех видов рождения непременно затворятся. Сосредоточься на этом до их полного затворения.

Указание Совершающему Обряд: Здесь приведено немало мудрых наставлений для затворения врат материнского чрева. Немыслимо, чтобы они не принесли освобождения людям с высоким, средним и низким уровнем духовного развития. Почему это должно произойти? Во-первых, сознание в *Бардо* в определенной ситуации обладает сверхъестественной способностью восприятия, и что бы ни говорили пребывающему в *Бардо*, все будет им воспринято. Во-вторых, даже если прежде он был слепым или глухим, здесь все его способности становятся совершенными и он слышит все, что ему сказано. В-третьих, постоянно преследуемый страхом и ужасом, он думает: «Что мне делать?» — и, сохраняя бдительность, слышит все, с чем к нему обращаются. Так как сознание лишено опоры[1], оно немедленно следует туда, куда указывает разум. В-четвертых, им легко управлять. Память здесь — в девять раз лучше, чем раньше. Даже тупой прежде рассудок становится, благодаря действию кармы, необычайно ясным и способен осознать сказанное. Освобождение неизбежно, потому что он (Познающий) обладает указанными достоинствами.

По этой же причине оказывается действенным погребальный обряд. Вот почему настойчивое чтение Великого *Бардо Тёдол* в течение сорока девяти дней имеет огромное значение. Не освобожденный одним наставлением будет освобожден другим — этим объясняется необходимость разных наставлений.

---

[1] Т. е. физического тела.

ВЫБОР ВРАТ МАТЕРИНСКОГО ЧРЕВА

Указание Совершающему Обряд:

И все же есть много людей, которые, несмотря на напоминания и наставления о том, как сосредоточить свои мысли, не обретают Освобождения по причине сильного воздействия плохой кармы, а также потому, что они не выработали привычки к благочестивым деяниям, но на протяжении *кальп* привыкли к неблаговидным поступкам. Поэтому, если врата материнского чрева до сих пор не затворились, настало время для наставлений о выборе чрева. Призвав на помощь всех Будд и Бодисатв, повтори мантру Прибежище; затем, трижды обратившись к умершему по имени, говори так:

«О благороднорожденный (такой-то), слушай! Тебе сосредоточенно читали наставления, но ты их не понял. Поэтому врата чрева не затворились и тебе настало время войти в тело. Выбери материнское чрево согласно этому непревзойденному учению. Слушай внимательно и запоминай».

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВИДЕНИЯ МЕСТА НОВОГО РОЖДЕНИЯ

«О благороднорожденный, сейчас ты увидишь приметы и характерные особенности места своего рождения. Познай их. Наблюдая место рождения, выбери также континент[1].

Если тебе предстоит родиться на Восточном континенте Люпа, ты увидишь озеро и стаи лебедей, плавающих по нему. Не иди туда. Вызови чувство противодействия этому месту. Знай, что этому континенту дарованы блаженство и наслаждения, но религия на нем не господствует, поэтому не иди туда.

[1] В приводимых ниже названиях континентов сохранены тибетские наименования.

Если тебе предстоит родиться на Южном континенте Ямбу, ты увидишь огромные прекрасные дворцы. Войди туда, если сумеешь войти.

Если тебе предстоит родиться на Западном континенте Баланчод, ты увидишь озеро и табуны лошадей, пасущиеся на его берегах. Не иди туда, вернись обратно. Тебя ждет богатство и изобилие, но религия здесь не господствует; не иди туда.

Если тебе предстоит родиться на Северном континенте Даминьян, ты увидишь озеро и стада коров, пасущиеся на его берегах, или деревья, растущие вокруг него. Здесь живут долго и достойно, но и на этом континенте религия не господствует, поэтому не иди туда.

Таковы предварительные приметы рождения на этих континентах. Познай их.

Если тебе предстоит родиться *дэвом*, ты увидишь прекрасные храмы или дворцы, построенные из драгоценных камней. Туда можно войти, поэтому войди.

Если тебе предстоит родиться *асуром*, ты увидишь прекрасные рощи или огненные круги, вращающиеся в противоположные стороны. Вызови чувство противодействия и ни в коем случае не иди туда.

Если тебе предстоит родиться среди животных, ты увидишь пещеры в скалах, глубокие норы в земле и туман. Не иди туда.

Если тебе предстоит родиться среди *прет*, ты увидишь пустынные равнины, неглубокие ямы, болота и высохший лес. Тот, кто пойдет туда и родится *претой*, будет страдать от мук голода и жажды. Вызови чувство противодействия и ни в коем случае не иди туда. Напряги все свои силы, чтобы не пойти туда.

Если тебе предстоит родиться в Аду, ты услышишь песни, похожие на причитания, вызванные плохой кармой. Желание пойти туда будет огромным. Перед тобой появится мрачная местность, черные и красные дома, черные ямы в земле, черные дороги, по которым тебе захочется пойти. Тот, кто пойдет туда,

окажется в Аду и долго не сможет покинуть его, страдая от невыносимой жары и холода. Не иди туда. Сказано: „Напряги все свои силы до предела", — сейчас это необходимо».

ЗАЩИТА ОТ ДЕМОНОВ-МУЧИТЕЛЕЙ

«О благороднорожденный, преследуемый кармическими демонами-мучителями, ты почувствуешь, что вынужден, хотя и не хочешь этого, идти дальше. Демоны-мучители, губители жизни, увлекающие тебя за собой, мрак, кармические вихри, гром, снег, дождь, ужасные бури с градом, ледяной ветер и смерчи — все это вызовет у тебя желание бежать.

И вот перед тобой, ищущим в страхе убежище, появятся прежние видения: огромные дворцы, пещеры в скалах, норы в земле, джунгли и цветы лотоса, которые закрываются при приближении; ты спрячешься в одном из этих мест и побоишься выйти оттуда, думая: „Выходить сейчас нельзя". И, боясь покинуть свое убежище (то есть материнское чрево), ты почувствуешь к нему сильное влечение. Если, преисполненный страха, что тебя ожидают у выхода ужасы *Бардо*, ты укроешься в убежище, то тем самым ты обретешь крайне неблагоприятное тело и испытаешь множество страданий.

Это состояние — свидетельство того, что злые духи и *ракшасы* чинят тебе препятствия[1].

На этот случай есть мудрое наставление. Слушай внимательно.

Когда начнут тебя преследовать демоны-мучители и овладеют тобой страх и ужас, сразу же представь себе мысленно высшего Херуку или Хаягриву, или Ваджрапани[2], или любого дру-

---

[1] Т. е. препятствуют благородному рождению.

[2] Все три божества появляются в *Чёнид Бардо*; они особенно полезны при изгнании злых духов.

го бога-хранителя, если он у тебя есть, совершенной формы, с огромным телом, крупными членами, с грозным видом, наводящим ужас и способным сокрушить в прах всех злых демонов. Немедленно представь его перед своим мысленным взором. Сила его благодати и милосердия отгонит от тебя демонов-мучителей, и ты сможешь выбрать подходящие врата материнского чрева. Это очень важное наставление глубочайшего учения; хорошо запомни его.

О благороднорожденный, *дхьяни* и другие божества рождены энергией *самадхи. Преты* и злые духи разных родов — это те, кто во время пребывания в Промежуточном Состоянии изменили свои чувства (склад ума) и приняли форму, которую с тех пор сохранили; так они стали злыми духами *претами* и *ракшасами*, способными менять свой облик. Все *преты*, обитающие в пространстве и летающие по небу, и восемьдесят тысяч разновидностей злых духов стали таковыми, изменив свои чувства, во время пребывания в духовном теле в мире *Бардо*.

В это время лучше всего вспомнить учение о Великом Символе, где говорится о Пустоте. Если же ты с ним не знаком, следует направить духовные силы на то, чтобы увидеть все вещи как иллюзорные (*майя*). Даже если это не удастся, не соблазняйся ничем. Мысленно сосредоточься на Божестве-Хранителе, на Великом Сострадательном Боге и ты станешь Буддой в *Самбхога-Кайе*».

ВОЗМОЖНЫЙ ВЫБОР: СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ РОЖДЕНИЕ ИЛИ РОЖДЕНИЕ ИЗ ЧРЕВА

«Если же, о благороднорожденный, ты вынужден под влиянием кармы войти в материнское чрево, то выслушай наставление о выборе врат чрева. Слушай.

Не входи в первое попавшееся чрево. Если демоны-мучители вынуждают тебя к этому, мысленно сосредоточься на Хаягриве.

Так как ты обладаешь сейчас сверхъестественной силой предвидения, все места рождения станут тебе одно за другим известны и ты сможешь выбрать наиболее подходящее.

Существуют две возможности: перенос потока сознания в чистое царство Будды и выбор нечистых врат материнского чрева в Сансаре; так».

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ РОЖДЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ПЕРЕНОСА В РАЙСКИЕ ОБЛАСТИ

«Первая возможность — перенос в чистые райские области — осуществляется следующим сосредоточенным размышлением:

„Как печально, что на протяжении бесчисленных *кальп* безграничного, безначального времени блуждаю я в трясине Сансары! Как горько, что до сих пор я не понял, что сознание — это самость, и не обрел таким образом Освобождения, не стал Буддой! Сансара вызывает во мне неприязнь и отвращение, она страшит меня; пришло время готовиться к бегству от нее. Я буду действовать так, чтобы чудесным образом родиться из цветка лотоса в Западной Области Счастья у ног Будды Амитабы“.

С этой мыслью смиренно устреми свою решимость к Западной Области; или к любой области, которую пожелаешь, будь то Область Высшего Счастья или Всеобильная Область, или Область Длинноволосых, или Беспредельная Вихара Сияния Лотоса в присутствии Ургьяна; или, собрав и сосредоточив ум, направь свое желание в любую область, которую жаждешь больше всего. Действуй так, и ты немедленно родишься в этой области.

Если же ты хочешь оказаться рядом с Майтреей на Небесах Тушиты[1], направь свое искреннее желание подобным же образом и думай: „Я отправляюсь к Майтрее на Небеса Тушиты; здесь, в Промежуточном Состоянии, пробил мой час“, — и ты чудесным образом родишься в цветке лотоса в присутствии Майтреи».

РОЖДЕНИЕ ИЗ ЧРЕВА: ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИР ЛЮДЕЙ

«Если же сверхъестественное рождение окажется невозможным, и ты рад войти в материнское чрево или вынужден это сделать, то на этот случай имеется учение о выборе врат чрева в нечистой Сансаре. Слушай.

Используя свою сверхъестественную способность предвидения, обозри континенты, как уже говорилось, выбери тот, где господствует религия, и направься туда.

Если тебе суждено родиться из нечистот[2], тебя привлечет к ним ощущение благоухания, и таким образом произойдет рождение.

В каком бы виде они (врата чрева или видения) ни появились перед тобой, не считай их тем, чем они кажутся; избежав влечения и отвращения, ты выберешь благоприятное материнское чрево. При этом очень важно направить свое желание; думай так:

„О! Я должен родиться великим царем или брахманом, подобным дереву сал[3], или сыном того, кто наделен силами *сидхи*,

---

[1] *Майтрея* — грядущий Будда, Учитель Мира; ныне пребывает на Небесах Тушиты, Царем которых является.

[2] Сперма и яйцеклетка в матке.

[3] Тиб. *сала*; санскр. *шала* — дерево с твердой древесиной, растет в Индии, достигает огромных размеров. Древние индийцы считали дерево сал с его великолепной кроной и красивыми цветами лучшим среди деревьев. Буддисты почитали дерево сал священным — в его тени родился и умер Просветленный.

или в семье с безупречной родословной, или в касте ревностных почитателей религии; рожденный так, я должен обладать великими достоинствами, чтобы служить всем живым существам".

С этой мыслью направь свое желание и войди в чрево, излучая лучи своих способностей (милосердия, доброжелательности) навстречу чреву, в которое входишь, и преображая его тем самым в небесную обитель. Верь в то, что Хозяева Десяти Направлений, их сыновья Бодисатвы, божества-хранители и особенно Великий Сострадательный Бог даруют тебе для этого силу, молись им и входи в чрево.

При выборе врат материнского чрева можно ошибиться: под влиянием кармы благоприятное чувство может показаться плохим, а плохое — благоприятным; такая ошибка не исключена. В эту минуту очень важно наставление, согласно которому поступай следующим образом:

Даже если чрево покажется тебе хорошим, не соблазняйся им, а если покажется плохим, не испытывай отвращения. Освободись от влечения и отвращения, от желания брать и избегать, достигни полного беспристрастия — в этом величайшее из искусств. За исключением тех немногих, кто имел практический опыт духовного совершенствования, всем остальным нелегко избавиться от дурных склонностей».

Указание Совершающему Обряд:

Поэтому тот, кто наделен слабым умом и обладает плохой кармой, не может избавиться от влечения и отвращения и будет искать убежище среди животных. Чтобы избежать этого, вновь назови умершего по имени и скажи:

«О благороднорожденный, если ты не способен избавиться от влечения и отвращения и не знаешь, как правильно выбрать врата материнского чрева, то, какие бы видения ни появились перед тобой, призови Три Сокровища и найди в них прибежище. Молись Великому Сострадательному Богу. Иди с высоко поднятой головой. Знай, что ты в *Бардо*. Отбрось все слабости и привязанности к своим сыновьям, дочерям и другим родствен-

никам, которых ты оставил; они ничем тебе не помогут. Ступай по Пути Белого Света *дэвов* или по Пути Желтого Света людей; войди в прекрасные дворцы из драгоценных камней и в великолепные сады».

Указание Совершающему Обряд:

Повтори обращение к умершему семь раз. После этого надо прочесть четыре молитвы: «Призывание Будд и Бодисатв», «Путь Благих пожеланий, защищающих от Страхов *Бардо*», «Основные Слова (или Стихи) *Бардо*» и «Спаситель (или Путь Благих пожеланий для Спасения) от Опасностей *Бардо*». Следует также читать *Тахдол*, который освобождает совокупность тела.

Затем надо читать «Обряд, который дает Освобождение благодаря Силе Привычки»[1].

---

[1] Тиб. *Чеход-багчах-рандол*; название краткого ритмизованного варианта *Бардо Тёдол*, который легко заучивается. Предполагается, что умерший знал когда-то весь текст наизусть и что чтение ламы поможет его вспомнить и принесет Освобождение.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С помощью надлежащего чтения *Бардо Тёдол* адепты или йоги, преуспевшие в понимании, могут наилучшим образом воспользоваться Переносом в момент смерти. Им нет необходимости входить в Промежуточное Состояние; они пойдут Великим Путем, Ведущим Вверх. Те, кто менее опытен в духовных упражнениях, постигнут Чистый Свет в *Чёнид Бардо* в момент смерти и последуют путем, ведущим вверх. Те же, кто уступает им в духовном развитии, достигнут Освобождения — в соответствии с личными способностями и кармическими связями, — когда в течение двух последующих недель в *Чёнид Бардо* перед ними появится то или иное Мирное или Гневное Божество.

Существует несколько поворотных моментов; Освобождение может быть достигнуто в любом из них посредством осознания. Но те, чьи кармические связи слабы, чье помрачение велико из-за их многочисленных злодеяний, должны спуститься в *Сидпа Бардо* еще ниже. Однако, подобно ступенькам лестницы, существует много разных наставлений или напоминаний, и с помощью осознания можно достичь Освобождения на любой из них. Те же, чьи кармические связи совсем слабы, ничего не поняв, попадают под влияние страха и трепета. Для них имеются разные наставления о том, как закрыть и как выбрать врата материнского чрева. И в том, и в другом случае следует овладеть способом вызывания перед мысленным взором образов и использовать его безграничные достоинства для улучшения своего положения. Даже самый низший из них, подобный животному, сможет, используя мантру Прибежище, избежать страданий; получив великий дар — совершенное и свободное

человеческое тело[1], — он встретит в следующем рождении гуру, своего добродетельного друга, и узнает спасительные обеты.

Если учение будет изложено, когда ты пребываешь в *Сидпа Бардо*, оно станет звеном, соединяющим благодеяния, желобом, установленным для починки водостока; таково это Учение.

Даже тот, кто имеет плохую карму, достигает Освобождения, слушая и постигая это Учение. На вопрос «Почему?» — ответ таков: Потому что в то время, когда навстречу ему выходят Мирные и Гневные Божества, а вместе с ними *Мары* и Препятствующие Продвижению, одно уже слушание Учения полностью изменяет его мысли, и он достигает Освобождения; у него нет более тела из плоти и крови, от которого он зависит, а лишь духовное тело, которое легко поддается воздействию. Как бы далеко умерший ни забрел в *Бардо*, он слышит наставления и возвращается, так как обладает чувством сверхъестественного восприятия и предвидения; мгновенно вспоминая и постигая, его ум способен измениться. Поэтому Учение здесь очень полезно. Оно подобно катапульте или движению большого бревна, которое не могут поднять и сто человек, но которое в воде можно направить куда угодно, или езде на лошади, управляемой с помощью узды.

Находясь рядом с телом того, кто ушел из этой жизни (если тело наличествует), усердно внушай это умершему снова и снова, пока из его ноздрей не начнут выделяться кровь и желтоватая

---

[1] Под «свободой» подразумевается свобода от восьми видов рабства, которые суть: 1) вечно вращающееся колесо наслаждений в мире *дэвов*, 2) непрерывная борьба в мире *асуров*, 3) беспомощность и порабощенность в мире животных, 4) муки голода и жажды в мире *прет*, 5) невыносимая жара и холод в Аду, 6) безрелигиозность или извращенная религиозность некоторых народов на земле, 7) физические и 8) прочие недостатки, сопутствующие рождению в мире людей.

Чтобы получить «совершенное» человеческое тело, необходимо обладать верой, стойкостью, разумом, искренностью и смирением, а кроме того — родиться во времена религиозного подъема (т. е. когда воплощается Просветленный или когда его учение становится движущей силой мира) и встретить великого духом гуру.

слизь. Тело в это время беспокоить нельзя. Чтобы наставление было действенным, необходимо соблюдать следующие правила: ни одно животное не должно быть убито ради умершего; родственники не должны плакать и причитать возле мертвого тела; пусть его семья совершит как можно больше благодеяний.

Великое Учение *Бардо Тёдол*, как и другие священные тексты, можно излагать умершему или умирающему и иначе. Если присоединить его к Руководствам и читать вместе с ними, то оно будет очень действенным. И в других случаях его следует читать как можно чаще. Каждый должен заучить слова Учения и их смысл; с приближением смерти и появлением ее признаков умирающий, если позволят силы, должен самостоятельно повторять их, размышляя о смысле. Если же сил для этого недостаточно, тогда пусть Книгу читает его друг, усердно запечатлевая ее в памяти. Тогда Освобождение, несомненно, наступит.

Это учение приносит Освобождение посредством видения и не требует ни медитации, ни *садханы*[1]. Глубочайшее Учение освобождает слушанием и видением, принося Освобождение на Тайном Пути даже тем, кто имеет очень плохую карму. Не забывай его слов и смысла, даже если за тобой гонятся семь свирепых псов[2].

С помощью этого учения ты станешь Буддой в момент смерти. Если Будды Трех Времен (Прошлого, Настоящего и Будущего) захотят найти более совершенное учение, чем это, они его не найдут.

Так завершается изложение сущности Глубочайшего Учения *Бардо* — *Бардо Тёдол*, приносящего живым существам Освобождение.

КОНЕЦ ТИБЕТСКОЙ КНИГИ МЕРТВЫХ

---

[1] *Садхана* — «глубочайшая набожность», выражающаяся, в частности, в точном исполнении всевозможных сложных обрядов.

[2] В тибетских деревнях много злых собак, для защиты от которых путники используют особые амулеты.

КНИГА МЕРТВЫХ ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ

Перевод с языка киче Р. Кинжалова

Глава 1

Теперь мы назовем имя отца Хун-Ахпу и Шбаланке. Полумрак скрывает его голову, и в полумраке находится все то, что сообщается и повествуется о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Мы расскажем только лишь половину ее, только часть того, что рассказывается об их предках.

Вот повествование о них; вот имена: Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу[1], как назывались они. Родителями их были Шпийакок и Шмукане. В ночи были рождены[2] ими, Шпийакоком и Шмукане, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И вот Хун-Хун-Ахпу породил двух детей, и это были сыновья: первый носил имя Хун-Бац, а второй — Хун-Чоуэн[3].

---

[1] Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу — буквально «один хун-ахпу» и «семь хун-ахпу». Имена этих героев представляют собой названия двух дней в календаре киче. Месяц древних киче состоял из двадцати дней (названия их — имош, ик, акбаль, кат, кан, камей, кех, канель, тох, ци, бац, э, ах, балам, ци-кин, ахмак, нох, тихаш, каок, хун-ахпу). Племена майя до испанского завоевания обозначали день года путем соединения цифрового коэффициента (от 1 до 13) и названия дня. Благодаря этому получался непрерывный ряд из 260 дней; сочетание числа и дня могло повториться лишь через данный промежуток времени. Этот период в 260 дней составлял у киче ритуальный год. Существовал обычай, по которому рожденный в тот или иной день ребенок получал название этого дня как свое имя. Этим и объясняются встречающиеся далее имена действующих лиц, совпадающие с названиями дней.

[2] То есть до того, как были созданы солнце и луна.

[3] Хун-Бац («одна обезьяна») — одиннадцатый день календаря киче; Хун-Чоуэн (значение то же) — одиннадцатый день в календаре юкатанских майя.

Мать этих двух сыновей именовалась Шбакийало[1]; так называлась жена Хун-Хун-Ахпу. Что же касается другого сына, Вукуб-Хун-Ахпу, то он не имел жены; он был одинок.

По природе своей эти два сына были очень мудрыми, и великим было их знание; они были предсказателями здесь, на земле, и дела и привычки их были прекрасны.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн, сыновья Хун-Хун-Ахпу, имели навыки и способности ко всему. Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, ювелирами, серебряных дел мастерами — всем этим были Хун-Бац и Хун-Чоуэн[2].

И вот Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не занимались ничем, кроме игры в кости и мяч, в течение целого дня, а когда они сходились все четверо вместе для игры в мяч, то одна пара играла против другой.

И Вок[3], посланник Хуракана, посланник Чипи-Какулха и Раша-Какулха, приходил туда, чтобы наблюдать их игру. Не далека для этого Вока ни поверхность земли, ни преисподняя Шибальбы. В одно мгновение он может унестись на небо и быть около Хуракана.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу пребывали еще здесь, на земле, когда умерла мать Хун-Баца и Хун-Чоуэна.

И вот, когда они играли в мяч на дороге, которая вела в Шибальбу[4], они были услышаны владыками Шибальбы Хун-Каме и Вукуб-Каме[5].

---

[1] Шбакийало — «женщина рода Белой цапли».

[2] Слово «чоуэн» на языке майя обозначает «ремесленник».

[3] Вок — сокол, посланник богов.

[4] Буквально «Место ужаса». «В древности, — говорит Кото, — это слово означало дьявола, или мертвого, или видения, появлявшиеся перед индейцами». В словаре юкатанских майя это слово имеет то же значение: «Шибальба» означало дьявола, а глагол xibil — «исчезать подобно видению или призраку». У майя исполнялся танец, называвшийся Xibalba ocot «танец демона». Киче верили, что Шибальба — подземная область, населенная врагами человека, царство богов смерти.

[5] Хун-Каме («один мертвый») и Вукуб-Каме («семь мертвых») — дни календаря киче.

«Что это такое? Что происходит там, на земле? Кто эти, что заставляют дрожать землю и вызывают столько смятения? Подите и позовите их! Пусть они придут играть в мяч сюда! Здесь мы победим их! Эти создания уже более не почитают нас! У них нет более ни почтения, ни уважения к нашему положению, и они даже занимаются своими причудами над нашими головами», — восклицали все владыки Шибальбы.

Тогда они, все вместе, собрались на совет. Те, которые назывались Хун-Каме и Вукуб-Каме, были высшими судьями. Всем владыкам были назначены свои обязанности, и каждому из них Хун-Каме и Вукуб-Каме дали свою, соответствующую ему власть.

Там были Шикирипат и Кучумакик, владыки с такими именами[1]. Они были те двое, которые причиняют кровотечение у людей.

Там были другие, назывались они Ах-Альпух и Ах-Алькана, тоже владыки[2]. И их делом было заставлять людей пухнуть, чтобы из их ног изливался гной, и окрашивать их лица в желтый цвет, что называется чуканаль[3]. Вот над чем владычествовали Ах-Альпух и Ах-Алькана.

Там были также владыка Чамиабак и владыка Чамиахолом, жезлоносцы Шибальбы, чьи посохи были из чистой кости[4]. Их делом было заставлять людей чахнуть, пока от них не оставалось ничего, кроме черепа и костей, и тогда они умирали, потому

---

[1] Имя первого обозначает «летающая корзина», имя второго — «собранная кровь».

[2] Альпух — «Тот, кто причиняет нарывы». У современных какчикелей это слово обозначает венерическую болезнь. Алькана — «Тот, кто причиняет водянку».

[3] Чуканаль — род желтухи.

[4] Чамиабак — «Тот, кто носит костяной жезл». Чамиахолом — «Тот, кто носит жезл с черепом». И тот и другой жезл — символы смерти. «Человек с жезлом» (жезл или палка — символ власти) — люди, поддерживающие общественное спокойствие в государствах доколумбовой Америки.

что живот у них приклеивался к позвоночнику. Вот что было делом Чамиабака и Чамиахолома, как именовались эти владыки.

Там были также владыка Ах-Альмес и владыка Ах-Альтокоб; их делом было приносить людям несчастья, когда те находились перед своим домом или позади него, — так, чтобы их нашли израненными, распростертыми, с лицом, уткнувшимся в землю, мертвыми. Вот над чем владычествовали Ах-Альмес и Ах-Альтокоб, как именовались эти владыки[1].

Там были, наконец, владыки по имени Шик и Патан[2]. Их делом было заставлять людей умирать на дороге — то, что называется внезапной смертью, — заставляя кровь устремиться к их горлу, пока они не умирали, изрыгая кровь. Делом каждого из этих владык было наброситься на них, сжать их горло и сердце, чтобы хлынула у них горлом кровь во время пути. Вот над чем владычествовали Шик и Патан.

И вот собрались они на совет, и решили совместно, что до́лжно преследовать и мучить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, чтобы сделать их уступчивыми. Но в действительности то, чего домогались владыки Шибальбы, было другим. Снаряжения для игры в мяч Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу — их наколенников из кожи, нашейников, перчаток, головных уборов и масок, — всего того, что было игральными принадлежностями Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, — вот чего добивались они.

Теперь мы расскажем о их путешествии в Шибальбу и как они оставили после себя двух сыновей Хун-Хун-Ахпу: Хун-

---

[1] Альмес — «Тот, кто делает нечистоты». Альтокоб — «Тот, кто причиняет несчастье». Возможно другое толкование: «Тот, кто причиняет раны», «убийца».

[2] Шик — «сокол». Патан — кожаная лента, носимая индейцами на голове; к ней прикрепляется носимая на спине ноша. Многие из перечисляемых в этом месте имен божеств встречаются в древнем «Словаре языка киче и какчикелей», где они определяются как «имена демонов».

Баца и Хун-Чоуэна, мать которых была уже мертва. А в конце мы расскажем и о том, как Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 2

Тотчас по повелению Хуна-Каме и Вукуба-Каме перед ними предстали посланные.

— Отправляйтесь, мужи совета, — сказали они. — Идите и позовите Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу. Скажите им: «Идемте с нами. Владыки говорят, что они должны прийти. Они должны прийти сюда поиграть с нами в мяч, чтобы сделать нас счастливыми, так как мы поистине изумлены ими». Поэтому они должны прийти к нам, — сказали владыки. — И пусть они принесут с собой свое снаряжение для игры[1], их нашейники, их перчатки, и пусть также они принесут и свой каучуковый мяч, — говорили владыки. — Скажите им, чтобы они пришли как возможно скорей! — так повелели они своим посланцам.

А эти посланные были совы: Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Какиш-Тукур и Холом-Тукур[2]. Таковы были имена посланников Шибальбы.

Чаби-Тукур был быстр, как стрела, Хуракан-Тукур имел только одну ногу, но у него были крылья; Какиш-Тукур имел красную спину и крылья, а у Холом-Тукура имелась только голова, ног не было, но имелись крылья.

---

[1] Так как при игре в мяч игрок мог получить в пылу игры увечья (мяч из каучука был очень тяжелым), то перед ее началом он надевал специальное предохранительное одеяние, состоявшее из наколенников из плотной кожи, защищавших ноги и часть бедер, нашейника (несколько специальных колец для защиты шеи), перчаток, специального головного убора (нечто вроде шлема) и маски.

[2] Послы Шибальбы носили имена: «Сова-стрела», «Одноногая сова», «Сова-арара» и «Сова-голова».

Эти четыре посланных имели достоинство ах-поп-ачиха[1]. Оставя Шибальбу, они быстро прибыли, принеся свое послание в то здание, где Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу играли в мяч, в здание для игры в мяч, которое называлось Ним-Шоб-Карчах. Совы-посланники направились прямо в здание для игры в мяч и передали свое поручение точно так, как оно было дано им Хун-Каме, Вукубом-Каме, Ах-Альпухом, Ах-Альканой, Чамиабаком, Чамиахоломом, Шикирипатом, Кучумакиком, Ах-Альмесом, Ах-Альтокобом, Шиком и Патаном, как назывались те владыки, которые послали поручение с совами.

— Действительно ли владыки Хун-Каме и Вукуб-Каме сказали, что мы должны идти с вами?

— Они определенно сказали так, и мы будем сопровождать вас. «Пусть принесут они с собой все их снаряжение для игры», — сказали владыки.

— Хорошо! — сказали юноши. — Подождите нас, мы только сходим проститься с нашей матерью.

И вот они направились прямо домой и сказали своей матери, потому что отец их был уже мертв:

— Мы уходим, мать наша, но уходим только на время. Посланники владык пришли, чтобы взять нас. «Они должны придти как возможно скорей», — сказали владыки; так передали нам их посланцы. Мы оставим здесь наш каучуковый мяч в качестве заложника, — добавили братья.

И они немедленно пошли и повесили его в углублении крыши дома, там, где находилась ниша. «Мы возвратимся и будем потом играть», — сказали они.

И, подойдя к Хун-Бацу и Хун-Чоуэну, они сказали им: «Играйте на прекрасной флейте и пойте прекрасно, занимайтесь живописью и резьбой по камню, согревайте наш дом и согревайте сердце вашей бабушки!»

---

[1] Ах-поп-ачих (буквально «благородный муж ах-попа») — почетное звание у киче.

Когда они прощались со своей матерью, Шмукане очень огорчилась и горько заплакала. «Не печалься, мы уходим, но мы еще не умерли», — сказали Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, когда они покидали ее.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу отправились немедленно, и посланные шествовали впереди них по дороге. И вот они начали спускаться по дороге в Шибальбу по очень крутым ступеням. Они спускались вниз до тех пор, пока не подошли к берегу постоянно изменявшейся реки, быстро текущей между двумя склонами узкого ущелья, называвшимися Нусиван-куль и Кусиван, и переправились через нее. Затем они пересекли местность с очень изменчивой рекой, которая текла среди колючих тыквенных деревьев. Там было очень много тыквенных деревьев, но они прошли между ними, не причинив себе вреда.

Затем они подошли к берегу другой реки, реки из крови, и пересекли ее, но не пили из нее воды, они только перебрались на другой берег, и поэтому они не были побеждены. А затем они подошли к другой реке, реке целиком из гноя; но она не принесла им вреда; они прошли снова беспрепятственно.

Братья двинулись дальше, пока они не пришли на место, где соединялись четыре дороги, и здесь, на этом перекрестке четырех дорог, они были настигнуты судьбой.

Одна из этих четырех дорог была красная, другая — черная, третья — белая и последняя — желтая. И черная дорога сказала им: «Меня, меня должны вы избрать, потому что я — дорога владыки». Так сказала дорога.

И в этом месте они были уже побеждены. Они приняли эту дорогу, дорогу к Шибальбе, и когда братья прибыли на место совета владык Шибальбы, они уже потеряли в игре.

И вот, первыми, кого они увидели там, были сидящие деревянные куклы, изготовленные обитателями Шибальбы. Братья приветствовали их первыми: «Привет, Хун-Каме!» — сказали они деревянной кукле. — «Привет, Вукуб-Каме!» — сказали они другому деревянному изображению. Но те не отвечали.

Немедленно владыки Шибальбы разразились хохотом, и все другие владыки начали громко смеяться, потому что они смотрели на Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу как на уже обессиленных, как на уже побежденных. Вот почему они продолжали смеяться.

Тогда Хун-Каме и Вукуб-Каме заговорили: «Хорошо», — сказали они, — «вот вы прибыли. На завтра приготовьте маску, ваши нашейники и перчатки», — прибавили они.

«Подойдите и сядьте на нашу скамью», — сказали они. Но скамья, которую они предложили братьям, была из раскаленного камня, и когда они сели на нее, то они обожглись. Они начали извиваться на скамье, но не находили себе никакого облегчения. Конечно, они вскочили со скамьи, но седалища их были обожжены.

Владыки Шибальбы снова разразились хохотом; они умирали от смеха; они корчились от боли в своих сердцах, в своей крови и в своих костях, причиненной им смехом. Так смеялись все владыки Шибальбы.

«Теперь идите к этому дому, — сказали они, — там вы получите ваши смолистые лучины и ваши сигары и там вы будете спать».

Немедленно прибыли они в «Дом мрака». Внутри него была только тьма. А пока они были там, владыки Шибальбы обсуждали, что они должны предпринять.

«Давайте принесем их в жертву завтра, пусть они умрут быстро-быстро, так, чтобы мы могли пользоваться их игральным снаряжением при игре в мяч», — говорили владыки Шибальбы друг другу.

А лучинами у них были липкие от крови каменные ножи; они назывались «сакиток» — так называлась сосна Шибальбы. Обоюдоострой была и их игра в мяч; каждое мгновение их кости могли быть расчленены; роковой могла быть для них игра в мяч с владыками Шибальбы.

Итак, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вошли в «Дом мрака». Там им были даны их смолистые лучины, единственная за-

жженная лучина, которую Хун-Каме и Вукуб-Каме послали им, вместе с зажженной сигарой для каждого, которые послали им владыки. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу сидели в темноте, совершенно скорчившись, когда вошел посланец с лучинами и сигарами. Лучины ярко осветили помещение, когда он передавал слова владык:

«Каждый из вас имеет горящую лучину и сигару; приходите на заре и принесите их обратно. Вы не должны сжигать их, но вы должны возвратить их целыми, в том же виде, что и сейчас, — вот что поручили сказать мне владыки».

Так было сказано им. И этим братья были побеждены. Они сожгли лучины, и они также искурили сигары, которые были даны им.

Многие места испытаний имелись в Шибальбе; и испытания были многих видов.

Первое — это «Дом мрака», Кекума-Ха, в котором была только непроглядная тьма.

Второе было Шушулим-Ха, так он именовался; дом, где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной, невыносимый ветер дул внутри.

Третье было «Дом ягуаров», Балами-Ха, как его называли, в котором не имелось ничего, кроме ягуаров, которые толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами. Ягуары были заперты в этом доме.

Цоци-Ха, «Домом летучих мышей», называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду. Летучие мыши были заперты внутри и не могли вылететь наружу.

Пятое называлось Чайим-Ха, «Дом ножей», в котором были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению всего находящегося здесь, в этом доме.

В Шибальбе было много мест для испытаний, но Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не входили туда. Мы должны были только упомянуть здесь названия этих домов для испытаний.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу появились перед Хун-Каме и Вукуб-Каме, эти им сказали: «Где же мои сигары? Где моя смолистая лучина, которая была дана вам на прошлую ночь?»

— Они все кончились, владыка!

— Хорошо. Сегодня будет концом ваших дней. Теперь вы умрете. Вы будете уничтожены, мы разорвем вас на куски, и здесь будут спрятаны ваши лица. Вас принесут в жертву! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Они немедленно принесли братьев в жертву и погребли их; они были погребены в месте, называемом Пукбаль-Чах. Перед их погребением владыки Шибальбы отрезали голову Хун-Хун-Ахпу и похоронили лишь тело старшего брата вместе с младшим братом.

«Возьмите его голову и поместите ее на дереве, находящемся около дороги», — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме. И когда туда пришли и поместили голову Хун-Хун-Ахпу посреди ветвей дерева, оно, никогда раньше не приносившее плодов, внезапно покрылось плодами. И это тыквенное дерево — так оно зовется — и есть то самое, которое мы теперь называем головой Хун-Хун-Ахпу.

С изумлением смотрели Хун-Каме и Вукуб-Каме на плоды этого дерева. Круглые плоды виднелись повсюду, но Хун-Каме и Вукуб-Каме не могли распознать, где голова Хун-Хун-Ахпу; она была совершенно подобна другим плодам тыквенного дерева. Так это казалось всем обитателям Шибальбы, когда они пришли посмотреть на него вблизи.

Они единодушно решили из-за того, что произошло, когда они поместили среди его ветвей голову Хун-Хун-Ахпу, что дерево это — волшебное. И владыки Шибальбы сказали:

«Пусть никто не смеет срывать эти плоды! Пусть никто не смеет подходить близко и садиться под этим деревом!» — сказали они. Так владыки Шибальбы решили держать в стороне от дерева всякого.

Голову Хун-Хун-Ахпу более уже нельзя было узнать, потому что она стала по виду совершенно подобной плоду тыквенного дерева. Тем не менее об этом говорилось очень много, и одна девушка услышала этот чудесный рассказ. Теперь мы расскажем об ее прибытии к этому дереву.

Глава 3

Вот рассказ о девушке, дочери владыки по имени Кучумакик.

До этой девушки, дочери владыки, также дошел рассказ об этом. Имя отца было Кучумакик, а имя девушки — Шкик[1]. Когда она услышала рассказ о плодах на дереве, который постоянно рассказывал ее отец, она, слушая это, была очень изумлена.

«Почему я не могу пойти посмотреть на это дерево, о котором они столько говорят, — воскликнула девушка. — Я уверена, что плоды, разговоры о которых я постоянно слышу, должны быть очень вкусными».

И вот, девушка пошла совершенно одна и приблизилась к подножию дерева, росшего в Пукбаль-Чах.

— Ах, — воскликнула она, — что это за плоды, растущие на этом дереве? Разве не удивительно видеть, как оно покрыто плодами? Разве не вкусны эти плоды? Неужели я умру, неужели я погибну, если сорву один-единственный из этих плодов? — сказала девушка.

Тогда череп, находившийся среди ветвей дерева, заговорил и сказал:

— Что ты хочешь от дерева? Эти круглые предметы, покрывающие ветви дерева, всего лишь черепа. — Так говорила

[1] Слово «Шкик» может значить «кровь женщины» или «малая кровь, кровинка».

голова Хун-Хун-Ахпу, обращаясь к девушке. — Ты, может быть, хочешь их? — добавила она.

— Да, я хочу их! — ответила девушка.

— Хорошо, — сказал череп. — Протяни ладонь своей правой руки сюда! Посмотрим!

— Пусть будет! — сказала девушка, выдвигая свою руку и протягивая ее прямо к черепу.

В этот момент череп выронил несколько капель слюны прямо в девичью ладонь. Она быстро и внимательно посмотрела на свою руку, но слюны, упавшей из черепа, на ее ладони уже не было.

— В моей слюне и влаге я дал тебе потомство, — сказал голос из дерева. — Теперь моя голова не нужна больше ни для чего; она только лишь череп без плоти. Таковы и головы великих владык, ибо только плоть есть то, что дает им приятный вид. И когда они умирают, люди пугаются при виде их костей. Такова же природа их сыновей, которая подобна влаге и слюне; их жизненная сущность, будь то сын владыки, сын мудреца или оратора. Они не теряют своей сущности, когда отходят, но завещают ее. Образ владыки, почтенного мудреца или оратора не должен исчезнуть или быть искоренен; он остается в тех дочерях и сыновьях, которых он порождает. Так должно быть! То же самое я сделал с тобой. Поднимись же на поверхность земли; ты не умрешь. Верь словам моим. Да будет это так! — сказала голова Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И все то, что они сделали вместе, было воистину совершено по повелению Хуракана, Чипи-Какулха и Раша-Какулха.

После этого девушка возвратилась прямо домой, и много забот легло на нее. Она немедленно зачала сыновей в своем теле силою только слюны. Вот каким образом были порождены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Итак, девушка возвратилась домой, и после того, как прошло шесть месяцев, ее отец, именовавшийся Кучумакик, заметил ее положение. И тогда девушка вспомнила слова, сказан-

ные ей головой Хун-Хун-Ахпу, потому что даже ее отец увидел, что она ожидает потомства.

И тогда все владыки и Хун-Каме и Вукуб-Каме собрались на совет с Кучумакиком.

— Моя дочь действительно ждет ребенка, владыки, она беременна из-за чистого распутства, — воскликнул Кучумакик, когда он появился перед владыками.

— Хорошо, — сказали они, — вырви признание из ее рта и, если она откажется говорить, накажи ее. Пусть она будет уведена далеко отсюда и принесена в жертву.

— Хорошо, почтенные владыки, — ответил он.

И тогда спросил Кучумакик у своей дочери:

— От кого эти дети, которых ты носишь в чреве, дочь моя?

А она ответила:

— У меня нет ребенка, почтенный отец мой, потому что я не знала еще лица мужчины.

— Хорошо, — сказал он, — так ты, значит, действительно блудница. Возьмите ее и принесите ее в жертву, почтенные мужи, принесите мне ее сердце в тыквенной чаше; в этот же день оно должно трепетать в руках владык, — приказал он совам.

Четыре посланца взяли тыкву и отправились в путь, неся юную девушку на своих плечах. Они взяли с собой также и сверкающий каменный нож, предназначенный для ее заклания.

И она сказала им:

— Нет, не может быть, чтобы вы убили меня, о вестники, ведь то, что я ношу в чреве своем, — это не от бесчестия, а оно зародилось, когда я пошла подивиться на голову Хун-Хун-Ахпу, ту, что в Пукбаль-Чах. Вот поэтому вы не должны приносить меня в жертву, о вестники! — сказала девушка, обращаясь к ним.

— А что мы положим вместо твоего сердца? Так приказал нам твой отец: «Принесите ее сердце; владыки будут вертеть

его так и сяк; им будет любопытно смотреть на него; они будут смотреть все вместе, как оно будет гореть. Итак, принесите ее сердце в чаше возможно быстрее, ее сердце, лежащее на дне чаши». Может быть, он не говорил так нам? Но что положим мы тогда в тыквенную чашу? Мы тоже хотим, чтобы ты не умерла, — сказали посланцы.

— Хорошо, но мое сердце не принадлежит им. Ни дом ваш не должен находиться здесь, ни вы не должны быть принуждаемы ими силой, чтобы убивать людей. Наступит время, воистину, когда действительные распутники будут в ваших руках, а в моих руках Хун-Каме и Вукуб-Каме. Им должны принадлежать только кровь и только череп[1]; вот что будет отдано им. Никогда мое сердце не будет сожжено перед ними. Да будет так! Соберите то, что даст вам это дерево, — сказала девушка.

Красный сок, хлынувший из дерева, полился в чашу; и тотчас же он загустел и из него образовался комок; он блестел и имел форму сердца. Дерево дало сок, подобный крови, имевший вид настоящей крови. Тогда кровь, или лучше сказать кровь красного дерева, сгустилась и образовала очень широкий блестящий слой внутри чаши, подобный свернувшейся крови. Так это дерево стало прославленным из-за девушки; оно называлось раньше «красное дерево кошенили», но с той поры оно получило имя «дерево крови», потому что сок его называется кровью.

— Вы будете теперь очень любимы, и все, что есть на земле, будет принадлежать вам, — сказала девушка совам.

---

[1] В подлиннике непереводимая игра слов: quic обозначает не только «кровь», но и мяч из каучука или в данном случае сгусток сока упомянутого ниже «дерева крови»; holomax означает не только «череп», но и листья этого же дерева. Иными словами, девушка намекает, что владыкам подземного царства, символом которых являются кровь и черепа, вместо ее сердца достанутся сок и листья «дерева крови».

— Хорошо, девушка. Итак, мы сейчас исполним приказанное нам, а затем укажем тебе дорогу туда, наверх, ты же продолжай свой путь как можно быстрей. Мы же пойдем и предъявим это изображение, эту замену вместо твоего сердца, владыкам, — сказали вестники.

Когда они появились перед владыками, все ожидали их с нетерпением.

— Кончили ли вы? — спросил Хун-Каме.

— Все кончено, владыки мои. Вот здесь, на дне чаши, находится ее сердце!

— Хорошо! Давайте посмотрим! — воскликнул Хун-Каме. И, схватив его кончиками своих пальцев, он поднял сердце; оболочка разорвалась, и заструилась блестящая кровь ярко-красного цвета.

— Разожгите огонь и положите его на уголья, — приказал Хун-Каме. Как только они бросили его на огонь, обитатели Шибальбы начали принюхиваться и пододвинулись ближе к нему. Им очень нравилось благоухание, исходившее от сердца.

А в то время, пока они сидели и пристально смотрели на огонь, совы скрылись и показали девушке путь, и она радовалась, что поднимается из подземных глубин на поверхность земли. Совы же, указав ей путь, возвратились назад.

Так владыки Шибальбы были побеждены девушкой, они все были поражены слепотой.

Глава 4

И вот Хун-Бац и Хун-Чоуэн находились со своей матерью дома, когда туда пришла женщина, именовавшаяся Шкик.

Когда женщина Шкик появилась перед матерью Хун-Баца и Хун-Чоуэна, она уже носила сыновей в своем животе, и это было незадолго перед тем, как Хун-Ахпу и Шбаланке, как они

звались, должны были быть рождены. Когда женщина прибыла к старице, она сказала ей: «Я пришла, мать моя, я — твоя невестка и твоя дочь, о почтенная моя мать». Она сказала это, когда вошла в дом старицы.

— Откуда ты пришла? Где мои сыновья? Может быть, они не умерли в Шибальбе? Разве ты не видишь этих двух оставшихся, их порождение и их кровь, зовущихся Хун-Бацем и Хун-Чоуэном? И тем не менее ты приходишь? Иди отсюда! Прочь! — закричала старица на девушку.

— И все же то, что я говорю, — истина. Я — твоя невестка, и была таковой уже долгое время. Я принадлежу Хун-Хун-Ахпу. Они живы в том, что́ я ношу. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вовсе не мертвы; то, что они сейчас невидимы, — это великий их подвиг. А ты — моя свекровь. И ты скоро с любовью увидишь их образ в том, что я приношу тебе, — сказала она старице.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн рассердились. Они ничего не делали, а только играли на флейте и пели, рисовали и занимались резьбой по камню в течение всего дня и были утешением для сердца старицы.

Тогда старица сказала:

— Я не желаю, чтобы ты была моей невесткой, потому что то, что носишь ты в своем чреве, — это плод твоего бесчестья. А потом, ты обманщица; мои сыновья, о которых ты говоришь, давно мертвы.

Неожиданно старица добавила:

— То, что говорю я тебе, — истина, но пусть ты моя невестка, согласно тому, что я слышала. Иди тогда принеси пищу для этих, они должны быть накормлены кукурузными лепешками. Иди и собери большую сеть, полную зерна, и возвратись сразу же, потому что ты — моя невестка, согласно тому, что я слышу, — сказала она девушке.

— Хорошо, — ответила девушка, и она сразу отправилась на кукурузное поле, которое было засеяно Хун-Бацем и Хун-

Чоуэном. Дорога также была устроена и расчищена ими; девушка пошла по ней и так пришла на поле. Но она нашла там только один стебель кукурузы, не два или три. И когда она увидела только один стебель с одним лишь початком на нем, у девушки сжалось сердце.

— Ох, так я в самом деле грешница? Ох, несчастливая я! Откуда же я соберу полную сеть зерна, как мне было приказано ею? — воскликнула она.

Немедленно начала она молить Чахаля о пище, которую она должна была собрать и принести назад.

— Штох, Шканиль, Шкакау[1], вы, что готовите зерно, и ты, Чахаль, хранитель пищи Хун-Баца и Хун-Чоуэна! — воскликнула девушка. И затем она схватила нити, пучок нитей от початков и оторвала их, не повреждая початка. Затем она расположила эти нити в сети, и они превратились в початки кукурузы, и большая сеть была совершенно наполнена.

Девушка возвратилась немедленно; полевые животные шли рядом, неся сеть. Когда они прибыли, то поставили ношу в углу дома, как будто девушка смогла нести ее. Старица подошла и заглянула туда. Увидев большую сеть, наполненную едой, она воскликнула:

— Откуда ты взяла всю эту еду? Может быть, ты растащила все на нашем поле и принесла сюда всю нашу кукурузу?

— Пойду посмотрю сейчас же, — сказала старица и вышла на дорогу к кукурузному полю. Но единственный стебель кукурузы по-прежнему стоял там; отчетливо было видно и место, где находилась сеть у подножия стебля. Старица быстро возвратилась назад, вошла в свой дом и сказала девушке:

— Это достаточное доказательство, что ты действительно моя невестка. Я увижу теперь твоих малышей, которых ты носишь и которые будут мудрецами, — сказала она девушке.

---

[1] Штох — богиня дождя, Шканиль — богиня желтой кукурузы, Шкакау — богиня деревьев какао.

Глава 5

Теперь мы сообщим о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь мы расскажем об их рождении.

Когда наступил день их рождения, девушка по имени Шкик родила их, но старица не видела их в лицо, когда они были рождены. Мгновенно были рождены два мальчика, названные Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь, в лесу, появились они на свет.

Потом внесли их в дом, но они не хотели спать.

— Ступай выбрось их! — сказала старица, — ибо поистине они кричат слишком много.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн вышли и положили их в муравейник. Там они мирно спали. Тогда они вынули новорожденных из муравейника и положили на чертополох.

То, чего желали Хун-Бац и Хун-Чоуэн, это чтобы Хун-Ахпу и Шбаланке умерли в муравейнике или умерли на чертополохе. Они желали этого из-за той ревности и зависти, которую Хун-Бац и Хун-Чоуэн чувствовали к ним.

Сначала они даже отказались принять своих младших братьев в дом; они не хотели признавать их, и поэтому те были воспитаны в лесной чаще.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн были великими музыкантами и певцами; они выросли среди испытаний и нужды, и у них было много горя, но они стали очень мудрыми. Они были флейтистами, певцами, художниками и резчиками по камню, все это они знали, как делать.

Они сознавали свое назначение, и они знали также, что они — преемники своих родителей, тех, кто отправился в Шибальбу. Они знали, что их отцы умерли там. Хун-Бац и Хун-Чоуэн были исполнены большого знания, и в своих сердцах они знали все относительно рождения их двух младших братьев. Тем не менее, будучи завистливыми, они не показывали своей мудрости, и их сердца были наполнены злыми желаниями против них, хотя Хун-Ахпу и Шбаланке не обидели их никаким образом.

Эти два последних ничего не делали в продолжение всего дня, кроме того что стреляли из выдувной трубки; их не любили ни их бабушка, ни Хун-Бац и Хун-Чоуэн. Им не давали ничего есть; только тогда, когда еда была закончена и кончали есть Хун-Бац и Хун-Чоуэн, тогда приходили поесть младшие братья. Но они не оскорблялись за это и не приходили в гнев, а переносили все терпеливо, потому что они сознавали свое положение и понимали все совершенно ясно. Они приносили с собой птиц день за днем, когда приходили, а Хун-Бац и Хун-Чоуэн ели их, не уделяя никакой доли ни одному из них, ни Хун-Ахпу, ни Шбаланке.

Единственно, чем занимались Хун-Бац и Хун-Чоуэн, — это игрой на флейте и пением.

И вот однажды, когда Хун-Ахпу и Шбаланке пришли, не принеся на этот раз с собой ни одной птицы, то их бабушка разозлилась, когда вошли они в дом.

— Почему на этот раз не принесли вы птиц? — спросила она Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили:

— Вот что случилось, бабушка. Птицы наши запутались на вершине дерева, а мы не смогли взобраться и достать их, дорогая бабушка. Если наши старшие братья так желают, то пусть пойдут вместе с нами и спустят птиц вниз, — сказали они.

— Хорошо, — отвечали старшие братья, — на заре мы пойдем с вами.

И когда они это говорили, они шли к своей погибели. Слепотой были поражены они оба на свою погибель, Хун-Бац и Хун-Чоуэн.

— Мы хотим лишь изменить их природу, их жирную внешность, так, чтобы осуществилось бы наше слово и предсказание, за все страдания и мучения, которые они причинили нам. Они желали, чтобы мы умерли, чтобы мы были уничтожены, мы, их младшие братья. В своих сердцах они действительно

считают, что мы созданы быть их служителями. Из-за этих причин мы должны одолеть их и дать им урок. — Так говорили друг другу Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда они направились к подножию дерева, называвшегося канте. Их сопровождали два их старших брата, когда они отправились в путь. Тут они начали охотиться своими выдувными трубками. Невозможно было сосчитать птиц, щебетавших на дереве, и их старшие братья удивлялись, видя так много птиц. Застреленных птиц было много, но ни одна не упала к подножию дерева.

— Наши птицы не падают на землю. Идите и доставьте их вниз, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке своим старшим братьям.

— Хорошо, — ответили последние.

И тогда они тотчас вскарабкались на дерево, но дерево начало становиться все выше и выше, и ствол его увеличился. Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн захотели спуститься вниз, но не могли они уже больше спуститься с вершины дерева.

И тогда сказали они с вершины дерева:

— Что случилось с нами, о наши братья? О мы несчастные! Это дерево устрашает нас только при взгляде на него. О наши братья! — воскликнули они с вершины дерева.

А Хун-Ахпу и Шбаланке тогда ответили:

— Распустите ваши набедренные повязки, крепко привяжите их под вашим животом, оставив висящими длинные концы, и потяните их снизу. Таким образом вы легко сможете сойти вниз. — Так сказали им младшие братья.

— Да будет так! — ответили они, оттягивая концы своих поясов назад.

Но в то же мгновение эти концы превратились в хвосты, а они сами стали обезьянами. Тогда они начали скакать по ветвям деревьев, среди деревьев больших и малых гор, а затем они исчезли в лесу, все время гримасничая, крича и качаясь на ветвях деревьев.

Таким способом Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке; и только из-за своего чародейства могли они совершить это.

После этого они возвратились в свой дом, и когда они пришли, они сказали своей бабушке и своей матери:

— Что это могло быть, о наша бабушка, что случилось с нашими старшими братьями, потому что их лица стали грубыми, а они сами неожиданно превратились в зверей? — Так говорили они.

— Если вы чем-нибудь повредили вашим старшим братьям, вы огорчили меня, вы наполнили меня печалью. Не делайте подобных вещей вашим братьям, о дети мои, — сказала старица Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили своей бабушке:

— Не огорчайся, о наша бабушка. Ты увидишь снова лица наших братьев. Они возвратятся, но это будет трудное испытание для тебя, бабушка. Будь осторожна и не смейся при взгляде на них. А теперь давайте испытаем их судьбу, — сказали они.

Немедленно братья начали играть на своих флейтах, наигрывая песню «Хун-Ахпу-Кой»[1]. Затем они пели, играя на флейте и барабане, схватив свои флейты и барабан. После они уселись рядом со своей бабкой и продолжали играть на флейте; они звали назад своих братьев музыкой и песней, произнося нараспев песню, называвшуюся «Хун-Ахпу-Кой».

Наконец появились Хун-Бац и Хун-Чоуэн и, подходя, начали танцевать; но когда старица взглянула и увидела их безобразные лица, то она стала смеяться. Старица не смогла удержать своего смеха, и они сразу удалились, так что не было больше видно их лиц.

---

[1] «Обезьяны Хун-Ахпу». Танец под этим названием исполнялся в Гватемале еще в середине XIX века: участники его, одетые в обезьяньи маски, сопровождали танец пением.

— Ну, вот и все, бабушка! Они ушли в лес. Что ты сделала, наша прародительница? Мы можем сделать эту попытку только четыре раза, и осталось лишь три. Мы попытаемся снова позвать их сюда с помощью игры на флейте и песни, но ты постарайся удержать свой смех. Пусть еще раз начнется испытание! — сказали снова Хун-Ахпу и Шбаланке.

И тотчас начали они снова дуть во флейты, и снова Хун-Бац и Хун-Чоуэн возвратились; танцуя, они дошли до середины двора дома. Они гримасничали, возбуждая в их бабке такую веселость, что наконец она разразилась громким смехом. Они действительно были очень забавны с их обезьяньими лицами, их широкими животами, их узкими хвостами, судорожно двигавшимися, чтобы выразить их чувства. Все это заставляло старицу смеяться.

Тогда снова старшие братья ушли назад в горы. И сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

— А теперь что мы будем делать, о бабушка? Попытаемся еще раз. Это уже третий!

Они снова заиграли на флейте, и те обезьяны возвратились, танцуя. Теперь старица смогла удержать свой смех. Тогда они вскарабкались на главную балку — самое теплое место в доме; их глаза светились красным светом, они отворачивали прочь свои лица с широкими кривыми ртами и втянутыми губами. Они были очень взволнованы и пугали друг друга гримасами, которые они делали.

И когда старица увидела все это, она разразилась бурным хохотом. И они опять не увидели лиц старших братьев из-за смеха старой женщины.

— Только еще раз мы позовем их, бабушка, и они придут в четвертый раз, — сказали юноши.

Они начали снова играть на флейте, но их братья не возвратились в четвертый раз; наоборот, они убежали в лес так быстро, как только могли.

И тогда юноши сказали своей бабушке:

— Мы сделали все, что было возможно, о бабушка, они пришли один раз, затем мы пытались еще позвать их снова. Но не печалься! Вот мы здесь, мы твои внуки; ты должна смотреть на нас, о наша мать! О наша бабушка, мы здесь, чтобы напоминать тебе о наших старших братьях, тех, кого называли и кто имел имена Хун-Баца и Хун-Чоуэна, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Хун-Баца и Хун-Чоуэна призывали игроки на флейте и певцы в древние времена. Художники и мастера резьбы по камню также призывали их в прошедшие дни. Но они были превращены в животных и стали обезьянами, потому что они были высокомерными и оскорбляли своих младших братьев.

Таким путем были опозорены их души; такова была их потеря; таким путем Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены и превращены в животных. Они постоянно находились в своем доме, они были музыкантами и певцами и сотворили многое поистине великое, когда жили со своей бабкой и своей матерью.

Глава 6

Тогда Хун-Ахпу и Шбаланке начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле.

— Мы идем засеять поле, о наша бабушка и мама, — сказали они. — Не печалься, мы здесь, мы, твои внуки; мы займем место наших старших братьев, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Без промедления они взяли свои топоры, свои мотыги и свои большие деревянные копательные палки и отправились в путь, неся каждый на плече свою выдувную трубку. Когда они выходили из дома, они попросили свою бабушку принести им еды.

— Приди точно в полдень и принеси нашу пищу, бабушка, — сказали они.

— Хорошо, внуки мои, — ответила им их бабушка.

Скоро они пришли туда, где хотели устроить кукурузное поле. И когда они просто воткнули мотыгу в землю, она начала обрабатывать землю; она совершала всю большую работу одна.

Таким же образом братья вонзали топор в стволы деревьев и ветви, и мгновенно они падали, и все деревья и лианы оказывались лежащими на земле. Деревья падали быстро, от одного удара топора, и образовалась большая поляна.

И мотыга также сделала большое дело. Нельзя было сосчитать, сколько сорных трав и колючих растений было уничтожено одним ударом мотыги. Невозможно было и перечислить, что было вырыто и расчищено, сколько было срезано всех больших и малых деревьев.

Затем Хун-Ахпу и Шбаланке приказали птице, называемой Шмукур, горлинке, подняться и усесться на вершине высокого дерева, и Хун-Ахпу и Шбаланке сказали ей:

— Сторожи, когда наша бабушка придет с едой для нас, и как только она пойдет, начинай сразу ворковать, а мы схватим мотыгу и топор.

— Хорошо! — ответила горлинка. А они хотели стрелять из своих выдувных трубок; заниматься в действительности устройством кукурузного поля им вовсе не хотелось.

Немного позже горлинка, как ей было приказано, заворковала, и братья быстро побежали и схватили один — мотыгу, а другой — топор. Они накрыли свои головы; один из них намеренно загрязнил свои руки землей и тем же самым образом вымазал свое лицо, чтобы выглядеть, как настоящий земледелец, а другой нарочно набросал деревянных щепок на голову, как будто бы он в действительности срубал деревья.

Так их и увидела их бабка. Они сразу же поели, хотя в действительности они не работали в поле и получили пищу, не заслужив ее. Через некоторое время они вернулись домой.

— Мы поистине очень устали, бабушка, — сказали они, возвратившись, и протянули свои руки и ноги перед ее глазами, но без всяких оснований.

Братья возвратились на следующий день и, придя на поле, увидели, что все деревья и лианы снова полностью стоят на своих местах, а колючие растения и сорные травы снова перепутались. Вот что увидели Хун-Ахпу и Шбаланке, когда пришли.

— Кто это сыграл с нами такую шутку? — сказали они.

А совершили это все животные, большие и малые; они сделали это: пума, ягуар, олень, кролик, лисица, койот, дикий кабан, коати, малые птицы и большие птицы — они, вот кто, совершили все это, и за одну только ночь.

И вот Хун-Ахпу и Шбаланке начали снова приготовлять поле для кукурузы и почву и срубать деревья. Они советовались друг с другом, в то время как рубка деревьев и расчистка кустарника шла сама собой.

— Теперь мы прежде всего будем сторожить наше поле, — сказали они друг другу, когда советовались, — может быть, мы сможем захватить тех, кто придет сюда творить все эти разрушения.

Потом они возвратились домой.

— Кто же видел что-нибудь подобное, бабушка? Они зло подшутили над нами. Наше поле, обработанное нами, они превратили в кусок земли, покрытый густыми зарослями и толстыми деревьями. Вот что мы нашли, когда пришли туда немного раньше, бабушка, — сказали они ей и своей матери. — Но мы возвратимся туда и будем сторожить всю ночь, потому что несправедливо, что они совершают против нас такие деяния, — добавили братья.

Затем они вооружились и снова возвратились на свое поле, к срубленным деревьям, и втихомолку спрятались там, прикрытые темнотой.

Тогда все животные собрались снова, пришли представители каждого рода, все большие и малые животные собрались

вместе. Сердце ночи было спокойно, когда они пришли все, говоря между собой, и вот каковы были их слова:

— Поднимитесь, деревья! Поднимитесь, лианы.

Так говорили они, подходя и собираясь под деревьями и лианами. Наконец они приблизились и появились перед глазами Хун-Ахпу и Шбаланке.

Пума и ягуар были первыми, и Хун-Ахпу и Шбаланке жаждали схватить их, но животные не дались. Затем приблизились олень и кролик, но единственные части их, которые братья могли схватить, были их хвосты, их-то они и вырвали. Хвост оленя и хвост кролика остались в их руках, и поэтому с тех пор у оленя и кролика такие короткие хвосты.

Ни лисица, ни койот, ни дикий кабан, ни коати не попали в их руки. Все животные прошли перед Хун-Ахпу и Шбаланке, и сердца братьев были полны гнева из-за того, что не смогли поймать их.

Но наконец появился еще один зверь, отставший от других, и прибежал он, шмыгая то в одну, то в другую сторону. Они мгновенно преградили ему путь и, накинув на него ткань, схватили; это оказалась мышь. Поймав ее, они повернули ей голову назад и попытались задушить ее. Они опалили ей хвост на огне, и с тех пор хвост у мыши, ее хвост всегда безволосый. И глаза у нее всегда выпучены, потому что юноши, Хун-Ахпу и Шбаланке, пытались ее задушить.

Мышь сказала: «Я не должна умереть от ваших рук. И не ваше это дело — возделывать кукурузные посевы».

— Что ты там такое рассказываешь теперь нам? — спросили юноши мышь.

— Освободите меня немножко, потому что у меня внутри есть кое-что, что желаю сказать вам, и я скажу вам это немедленно, но сперва дайте мне что-нибудь поесть, — промолвила мышь.

— Мы дадим тебе пищу потом, — ответили братья, — сперва скажи!

— Хорошо! Узнайте же тогда, что собственность ваших родителей — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, как назывались они, тех, кто умерли в Шибальбе, — принадлежащие им вещи для игры в мяч сохранились и висят под крышей дома: их кольца, перчатки и каучуковый мяч. Тем не менее ваша бабушка не хотела показывать их вам, потому что эти вещи были причиной, из-за которой умерли ваши родители.

— Ты уверена в этом? — спросили юноши мышь. А сердца их были очень счастливы, услышав о каучуковом мяче. И так как мышь им все теперь рассказала, то они показали ей, что будет ее пищей.

— Вот что будет твоей пищей: кукурузные зерна, белый перец, бобы, паташте[1] и какао, — все это принадлежит тебе, и если что-либо будет запасено и позабыто, это также будет твоим. Ешь это! — так было сказано мыши Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо, о юноши, — ответила она, — но что будет сказано вашей бабушке, если она увидит меня?

— Не беспокойся, потому что мы здесь и мы подумаем, мы найдем, что сказать нашей бабушке. Идем же! Мы быстро посадим тебя в этом углу дома, а ты сразу же поднимайся туда, где висят эти вещи. Мы же посмотрим на жерди крыши и уделим внимание нашей пище, — сказали они мыши.

И условившись таким образом, после разговора друг с другом в течение ночи, Хун-Ахпу и Шбаланке прибыли домой точно к полуденному часу. Когда они пришли, то принесли с собой мышь, но никому не показали ее. Один из них прямо прошел в дом, а другой подошел к кровле, и там мышь быстро вскарабкалась наверх.

Тотчас же они попросили у своей бабушки свой обед: «Прежде всего приготовь нам в чаше еду, мы хотим перцовой подливки, бабушка», — сказали они. И тотчас же в чаше была

[1] Паташте — современное название (заимствованное из индейского языка науатль) одного из видов какао.

7 Зак. № 387

приготовлена для них пища, и горшок с похлебкой был поставлен перед ними.

Но все это было только для того, чтобы обмануть бабушку и мать. Осушив кувшин с водой, они сказали:

— Мы поистине умираем от жажды; пойди и принеси нам пить, — сказали они своей бабушке.

— Хорошо! — сказала она и вышла.

Тогда братья начали есть, но в действительности они вовсе не были голодны; то, что они делали, была лишь хитрость. Они видели при помощи их перцовой подливки, как мышь быстро побежала к каучуковому мячу, подвешенному к стропилам крыши дома. Видя это в их перцовой подливке, они послали к реке комара с жалом, насекомое, называемое шан, которое подобно москиту, и оно пришло туда и пробуравило бок у кувшина для воды, который унесла их бабушка. И хотя она пыталась остановить вытекавшую воду, она никак не могла заделать дыру в кувшине.

— Что там случилось с нашей бабушкой? Иди поскорее к реке, наши рты сухи от жажды, мы умираем от жажды, — сказали они своей матери и послали ее принести воду. Немедленно мышь перегрызла веревку, державшую мяч, и он упал со стропил дома вместе с кольцами, перчатками и кожаными щитками. Юноши схватили их и, выйдя из дома, спрятали на дороге, ведущей к площадке для игры в мяч.

После этого они пошли на берег реки и присоединились к своей бабушке и своей матери, которые усердно старались заделать дыру в кувшине для воды. Тут прибыли они со своими выдувными трубками и, подойдя к реке, сказали:

— Что же вы делаете? Мы устали от ожидания и пришли сюда, — промолвили они.

— Посмотрите на дыру в моем кувшине, которую я не могу заткнуть, — сказала бабушка. Но они тотчас же заделали ее и вместе возвратились домой, идя перед своей бабушкой.

Таким образом был обнаружен каучуковый мяч.

Глава 7

Обрадованные юноши возвратились на площадку для игры в мяч; они принялись за игру и играли там долгое время одни. Они расчистили площадку, где играли их родители.

А владыки Шибальбы услышали их и сказали: «Кто это те, что снова начинают играть над нашими головами и тревожат нас производимым ими шумом? Может быть, не умерли Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, желавшие возвысить себя перед нами? Идите и сразу же призовите их сюда!»

Так сказали Хун-Каме, Вукуб-Каме и другие владыки. Они тотчас же призвали своих вестников и сказали им: «Отправляйтесь туда и скажите им, когда вы окажетесь там: „Пусть они придут“, — сказали владыки, — мы желаем играть в мяч с ними здесь, через семь дней после сегодняшнего мы желаем играть; так скажите им, когда вы придете туда». Так сказали владыки. Таково было приказание, которое они отдали вестникам.

И они пошли туда по широкой дороге, проложенной юношами; она вела прямо к их дому.

Идя по ней, посланцы появились прямо перед бабушкой и матерью юношей. Они были заняты едою, когда прибыли посланцы из Шибальбы.

— Скажи им, чтобы они пришли, без обмана, так приказали владыки, — сказали вестники Шибальбы. И посланцы Шибальбы указали точный день прибытия: «В течение семи дней владыки будут ожидать их», — сказали они Шмукане.

— Хорошо, посланцы, они придут, как было приказано, — ответила старица. И посланцы отправились в обратный путь.

И тогда сердце старицы исполнилось беспокойства: «Кого же я пошлю позвать моих внуков? Разве не тем же самым образом явились в прошлый раз посланцы Шибальбы, когда они увели родителей юношей», — говорила старица и горько плакала, печальная и одинокая в своем доме.

И вдруг с ее одежды упала вошь. Она схватила ее и положила на ладонь своей руки. Вошь начала двигаться и быстро поползла.

— Доченька моя, не хочешь ли ты, чтобы я послала тебя позвать моих внучат с площадки для игры в мяч, — сказала она вши. — «Исполнители приказаний, посланцы Шибальбы пришли к вашей бабушке и сказали ей: „Ты должна позаботиться, чтобы они пришли бы в течение семи дней, пусть придут они“, — вот что сказали посланцы Шибальбы. Это велела мне передать ваша бабушка», — так приказала она вши.

Вошь, послушная приказанию, отправилась тотчас же в путь. На дороге ей повстречался сидевший юноша по имени Тамасул, жаба.

— Куда это ты идешь? — спросила жаба вошь.

— Я несу в своем животе послание, я отправилась искать юношей, — отвечала вошь Тамасулу.

— Хорошо, но я вижу, что ты двигаешься недостаточно быстро, — возразила жаба вши, — ты не хочешь, чтобы я проглотила бы тебя? Ты увидишь, как я побегу, и таким образом мы быстро прибудем.

— Прекрасно! — ответила вошь жабе. Тотчас же жаба проглотила ее. И жаба путешествовала долгое время, но шла она без всякой спешки. Затем она встретила большую змею по имени Сакикас.

— Куда это ты идешь, юный Тамасул? — спросила Сакикас жабу.

— Я иду как посланец, у меня в животе послание, — отвечала жаба змее.

— Я вижу, что ты не можешь двигаться быстро. Может быть, я, я прибуду быстрее, — сказала змея жабе.

— Иди-ка сюда! — прибавила она.

И тотчас же Сакикас в свою очередь проглотила жабу. И с тех пор только это является пищей змей, которые и теперь глотают жаб.

Змея быстро отправилась вперед, но встретила сокола Вака, большую птицу. Сокол в свою очередь мгновенно проглотил змею. Вскоре после этого он появился на стене площадки для игры в мяч. С этого времени вот что стало пищей соколов, пожирающих в горах змей.

Прилетев, сокол уселся на карниз стены здания, в котором забавлялись, играя в мяч, Хун-Ахпу и Шбаланке. Усевшись, сокол начал кричать: «Вак-ко! Вак-ко!», что обозначало: «Вак здесь! Вак здесь!»

— Кто это там кричит? Давайте-ка сюда наши выдувные трубки! — воскликнули юноши. Они выстрелили в сокола и попали шариком из выдувной трубки в зрачок глаза. Сокол кругами спустился на землю. Они подбежали, быстро схватили его и спросили: «Что ты пришел сюда делать?». Так спросили они сокола.

— Я принес в своем животе послание, — отвечал сокол, — сперва излечите мой глаз, а потом я вам расскажу.

— Прекрасно! — сказали юноши и, взяв кусочек от каучукового мяча, с помощью которого они играли, они приложили его к лицу сокола. «Лоцкик» назвали они это средство, и мгновенно он выздоровел, сразу же глаз сокола был исцелен полностью.

— Говори теперь! — сказали они соколу. И он немедленно изрыгнул большую змею.

— Говори ты! — сказали они змее.

— Хорошо! — сказала змея и в свою очередь изрыгнула жабу.

— Где же послание, что ты принесла? Говори! — приказали юноши жабе.

— Здесь, в моем животе, находится послание, — отвечала жаба.

И немедленно она попыталась, но не могла ничего изрыгнуть; рот ее был наполнен слюной, но ничего из ее рта не вышло. Тогда юноши захотели ее побить.

— Ты обманщица! — сказали они.

Они ударили ее ногою в крестец, и кости ее бедер поднялись вверх. Она попыталась снова, но из ее рта снова потекла только лишь слюна. Тогда юноши открыли руками рот жабы и, когда он открылся, заглянули внутрь его. Вошь застряла в зубах жабы; она осталась в ее рту и не была проглочена, а только казалась проглоченной. Так была искалечена жаба, и пища, предназначенная ей, не известна. Она не может бегать и стала с тех пор пищей змей.

— Говори, — приказали они вши, и тогда она передала свое послание. «Ваша бабка сказала мне, о юноши, — иди позови их сюда; прибыли исполнители приказаний, посланцы Хун-Каме и Вукуба-Каме пришли сказать им, чтобы они отправились в Шибальбу. Посланцы говорили: они должны явиться туда в течение семи дней, чтобы играть в мяч с нами; они также должны принести свои принадлежности для игры: мяч, кольца, перчатки и кожаные наколенники, чтобы могли забавляться здесь! — сказали владыки. Они, посланцы, действительно приходили, — сказала ваша бабушка. Вот почему я нахожусь здесь. Поистине, ваша бабушка сказала это, и она плачет и скорбит, по этой причине я и пришла сюда».

— Неужели это правда? — спросили юноши друг у друга, когда они услышали это.

Быстро они побежали домой и добрались к своей бабушке, но они пришли, только чтобы попрощаться с ней.

— Мы должны отправиться в путь, бабушка, мы пришли только попрощаться с тобой. Но мы оставляем здесь знак о нашей судьбе: каждый из нас посадит по тростнику; в середине дома мы посадим его; если он засохнет, то это будет знаком нашей смерти. «Они мертвы!» — скажешь ты, если он начнет засыхать. Но если он начнет пускать свежие ростки снова, — «они живы!» — скажешь ты, о наша бабушка. И ты, мама, не плачь, потому что мы оставляем знак о нашей судьбе. — Так говорили они бабушке и матери.

И перед отправлением Хун-Ахпу посадил один тростник, а Шбаланке посадил другой; они посадили их в доме, а не в поле; они посадили их не во влажную почву, а в сухую землю; они посадили тростники в середине их дома и затем оставили их.

Глава 8

После этого братья отправились в путь, неся каждый свою выдувную трубку, и стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступеням и пересекли несколько различных потоков и ущелий. Они прошли среди неких птиц, и эти птицы назывались Молай.

Затем они перешли через реку гноя и через реку крови, где они должны были быть уничтожены — так думали люди Шибальбы, — но они не коснулись ее своими ногами; вместо этого они пересекли ее на своих выдувных трубках.

Они вышли оттуда и пришли к перекрестку четырех дорог. Они прекрасно знали, какие дороги ведут к Шибальбе: черная дорога, белая дорога, красная дорога и зеленая дорога. Там же они призвали к себе насекомое, москита по имени Шан. Он должен был идти и собрать те сведения, которых они хотели.

— Ужаль их одного за другим; сперва ужаль сидящего на первом месте, затем ужаль всех их, так как это будет твоим уделом: сосать кровь людей на дорогах, — так было приказано москиту.

— Прекрасно! — ответил москит.

И немедленно он полетел по черной дороге и наткнулся прямо на вырезанных из дерева людей, сидевших первыми и покрытых украшениями. Он ужалил первого, но он не сказал ничего, он ужалил второго сидевшего, но тот также ничего не сказал.

После этого он ужалил третьего, а сидевший третьим был Хун-Каме.

— Ой! — воскликнул он, когда его ужалили. — Ох! — сказал Хун-Каме.

— Что это, Хун-Каме? Кто это тебя ужалил? Не знаешь ли ты, кто тебя ужалил? Ох! — воскликнул четвертый из сидевших владык.

— В чем дело, Вукуб-Каме? Что тебя ужалило? — спросил в свою очередь пятый из сидевших.

— Ох! Ой! — воскликнул затем Шикирипат. И Вукуб-Каме спросил его:

— Что ужалило тебя?

И когда был укушен сидевший на шестом месте, он закричал: «Ой!»

— Что это, Кучумакик? — спросил Шикирипат. — Что тебя ужалило?

А когда был ужален седьмой сидевший, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Ах-Альпух? — спросил Кучумакик. — Что тебя ужалило?

И когда был ужален восьмой из сидевших, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Ах-Алькана? — спросил Ах-Альпух. — Что ужалило тебя?

И когда был ужален девятый из сидевших, он воскликнул: «Ой!»

— Что это, Чамиабак? — спросил Ах-Алькана. — Что тебя ужалило? —

И когда десятый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Чамиахолом? — спросил Чамиабак. — Что тебя ужалило?

И когда одиннадцатый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

— Что случилось? — спросил Чамиахолом. — Что укусило тебя?

И когда двенадцатый из сидевших был ужален, он воскликнул: «Увы!»

— Что это, Патан? — спросили они. — Что тебя укусило?

И тринадцатый из сидевших воскликнул: «Увы!» — почувствовав, что он ужален.

— В чем дело, Кикшик? — спросил Патан. — Что тебя укусило?

И в этот момент четырнадцатый из сидевших воскликнул, почувствовав, что он ужален: «Увы!»

— Что укусило тебя, Кикришкак? — спросил Кикре[1].

Таким образом они назвали свои имена, когда они все говорили их один другому. Так они выявили себя, говоря свои имена, называя каждого из владык, одного за другим. И этим способом каждый из сидевших на своем месте сказал имя своего соседа.

Ни одно из этих имен не было упущено. Все сказали свои имена, когда Хун-Ахпу вырвал волосок со своей ноги, ужаливший их всех. Потому что в действительности не москит жалил их; он отправился, чтобы подслушать для Хун-Ахпу и Шбаланке имена всех их.

Юноши же, продолжая свой путь, прибыли наконец туда, где находились обитатели Шибальбы.

— Приветствуйте владыку, того, кто сидит там! — было сказано им, чтобы обмануть их.

— Это не владыка. Это не более чем вырезанное из дерева чучело, — сказали они и подошли ближе. И немедленно юноши начали почтительно приветствовать их: — Привет тебе, Хун-Каме! Привет тебе, Вукуб-Каме! Привет тебе, Шикирипат!

---

[1] Перечисленные здесь имена владык Шибальбы несколько отличаются от упомянутых в первой главе этой же части. Новыми лицами являются Кикшик «Кровавое крыло», Кикришкак «Кровавый коготь» и Кикре «Зубы, покрытые кровью». Причина появления новых владык в Шибальбе в тексте «Пополь-Вух» не упоминается. Возможно, что в этом месте мы имеем следы какой-то иной версии мифа.

Привет тебе, Кучумакик! Привет тебе, Ах-Альпух! Привет тебе, Ах-Алькана! Привет тебе, Чамиабак! Привет тебе, Чамиахолом! Привет тебе, Кикшик! Привет тебе, Патан! Привет тебе, Кикре! Привет тебе, Кикришкак! — говорили они, проходя перед ними. И, смотря в их лица, они говорили имена всех, не упустив ни одного-единственного имени из них.

А как желали бы владыки Шибальбы, чтобы их имена не были раскрыты.

— Садитесь здесь! — сказали они, надеясь, что братья сядут на указанное им сиденье. Но те не захотели.

— Это не сиденье для нас; это всего лишь раскаленный камень, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке, и владыки Шибальбы не могли обмануть их.

— Прекрасно, тогда идите в этот дом, — сказали владыки.

И они отправились и вошли в «Дом мрака», но и там они не были побеждены.

Глава 9

Это было первым местом испытаний в Шибальбе. Владыки Шибальбы думали, что, когда юноши вошли туда, это должно было стать началом их поражения. После того как юноши вошли в «Дом мрака», им были немедленно принесены зажженные лучины из смолистой сосны, и посланцы Хун-Каме взяли с собой по сигаре для каждого из них.

— Вот сосновые лучины для вас, — говорит владыка, — вы должны прийти с ними на заре завтрашнего дня, вместе с сигарами; вы должны прийти и возвратить их назад целыми, — говорит владыка! — Так сказали посланные, когда они пришли.

— Хорошо! — ответили юноши.

Но в действительности они не жгли сосновую лучину; вместо этого они поместили на конец их что-то красное: несколько

перьев из хвоста красного попугая, а ночная стража приняла их за зажженные сосновые лучины. К концам же сигар они прикрепили огненных червей.

Всю ночь каждый из обитателей Шибальбы думал, что братья побеждены. «Ха, мы победили их!» — говорила ночная стража. Но сосновые лучины совершенно не были обугленными и выглядели по-прежнему, а сигары не были искурены, и вид их был такой же, как прежде.

Они отправились сообщить происшедшее владыкам.

— Что это за люди? Откуда они пришли? Кто зачал их? Кто родил их? Поистине, это заставляет загореться наши сердца, потому что нехорошо для нас то, что они делают. Странны их лица и странно их поведение, — говорили они друг другу.

И вскоре все владыки призвали юношей к себе.

— Ну, давайте же поиграем в мяч, юноши! — сказали они. И в это же самое время они были спрошены Хун-Каме и Вукубом-Каме:

— Откуда же вы оба пришли? Расскажите-ка нам, о юноши! — сказали им владыки Шибальбы.

— Кто знает, откуда мы пришли! Мы не знаем, — ответили они и не сказали больше ничего.

— Прекрасно. Давайте же играть в мяч, юноши, — сказали им обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — ответили они.

— Давайте-ка используем вот этот наш мяч, — сказали обитатели Шибальбы.

— Никоим образом. Вы будете пользоваться не этим, а нашим, — отвечали юноши.

— Нет, мы не хотим использовать никакого, кроме нашего, — настаивали обитатели Шибальбы.

— Прекрасно, — сказали юноши.

— Давайте тогда бросим жребий на червяка чиль, — сказали обитатели Шибальбы.

— Нет, вместо этого пусть заговорит голова пумы[1], — сказали юноши.

— Нет, так не пойдет! — закричали обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — сказал Хун-Ахпу.

Тогда владыки Шибальбы схватили мяч, они бросили его прямо на кольцо Хун-Ахпу. Немедленно, в то время как обитатели Шибальбы схватили ручку кремневого ножа, мяч отскочил и запрыгал по полу площадки для игры в мяч.

— Что это такое? — воскликнули Хун-Ахпу и Шбаланке. — Вы желаете убить нас? Может быть, это не вы посылали за нами? И к нам приходили не ваши собственные посланцы? Поистине, мы достойны сожаления! Мы сейчас же оставим вас, — сказали им юноши.

А это было именно то, чего желали обитатели Шибальбы: чтобы с ними случилось что-нибудь, чтобы они немедленно умерли бы прямо здесь, на дворе для игры в мяч, и чтобы таким образом они были побеждены. Но этого не случилось, а побеждены были юношами обитатели Шибальбы.

— Не уходите, о юноши, давайте поиграем в мяч, мы будем употреблять теперь только ваш мяч, — сказали они юношам.

— Прекрасно! — ответили юноши, и затем они прогнали свой мяч через кольцо обитателей Шибальбы, и этим игра была кончена.

И оскорбленные своим поражением обитатели Шибальбы немедленно сказали: «Что же мы будем делать, чтобы победить их? Надо покончить с ними!» И, обратясь к юношам, они сказали им:

— Подите соберите и принесите нам завтра рано утром четыре сосуда, наполненных цветами. — Так сказали обитатели Шибальбы.

---

[1] В этом разговоре многое остается непонятным. Можно лишь предположить, что речь идет о каких-то правилах игры в мяч или различных ее разновидностях. Не исключена возможность, что автор текста к тому же сознательно использовал игру слов.

— Прекрасно! А какой род цветов? — спросили юноши обитателей Шибальбы.

— Букет красного мучита, букет белого мучита, букет желтого мучита и букет каринимака, — сказали обитатели Шибальбы.

— Хорошо! — ответили юноши.

Этим кончился разговор; сильными и уверенными были слова юношей. Но когда они отдавались нависшей над ними опасности, сердца юношей были спокойны.

Владыки Шибальбы были счастливы, думая, что они уже нанесли им поражение.

— Это хорошо мы сделали! Прежде всего, они должны собрать цветы, — говорили обитатели Шибальбы, — но куда же они пойдут, чтобы получить эти цветы? — спрашивали они в своем сердце.

— Вы, конечно, дадите нам наши цветы завтра, ранним утром, идите тогда срезать их, — сказали обитатели Шибальбы юношам Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо! — ответили они. — На заре мы снова померимся с вами силами, — сказали они, расставаясь.

И вот после этого юноши вошли в «Дом ножей», второе место испытаний в Шибальбе. Владыки желали, чтобы они были изрезаны в куски ножами и были быстро убиты, — так задумали они. Вот, чего желали они в своих сердцах.

Но юноши не умерли. Они сразу же заговорили с ножами и сказали им: «Вам будет принадлежать мясо всех животных», — сказали они ножам. И больше не двигались; все ножи были спокойны.

Так юноши провели ночь в «Доме ножей» и, призвав всех муравьев, они сказали им:

— Идите, муравьи-резчики, идите, муравьи с высокими ногами, все вы приходите сюда. Идите же сразу, идите и принесите все виды цветов, которые мы должны собрать для владык.

— Хорошо! — сказали они, и все муравьи направились в путь, чтобы принести цветы из садов Хун-Каме и Вукуба-Каме.

Но владыки заранее предусмотрительно предостерегли стражу цветов в Шибальбе:

— О почтенные стражи, будьте внимательны к нашим цветам, не допускайте, чтобы они были украдены. Правда, юноши уже в нашей власти, а кто же другой может прийти, чтобы посмотреть и срезать цветы? Это, конечно, невозможно! Но все же сторожите их всю ночь!

— Хорошо! — ответили они.

Но стражи садов не заметили ничего. Понапрасну они кричали посреди ветвей деревьев в саду, повинуясь приказанию. Они были там всю ночь, повторяя одни и те же свои крики и песни.

— Шпурпувек! Шпурпувек! — кричал один, начиная свою песню.

— Пугуйю! Пугуйю! — отвечал другой, когда он хотел петь.

Пугуйю — ночными ласточками назывались оба стража садов, садов Хун-Каме и Вукуба-Каме. Но они даже не заметили муравьев, похищавших то, что они охраняли. Муравьи полчищами сновали друг за другом, двигаясь туда и сюда и срезая цветы. Они поднимались по деревьям, чтобы срезать цветы, а цветы падали на землю у подножия деревьев и благоухали.

А стражи между тем продолжали прилежно кричать, и они не чувствовали, как зубы муравьев отгрызают у них хвосты, отгрызают их крылья.

И муравьи тащили таким образом цветы, которые они срезали, и, собирая их с земли, они уносили их в своих зубах.

Быстро наполнили они четыре тыквенных сосуда цветами, влажными от росы; уже занималась заря. И вот пришли вестники, чтобы вести братьев. «Скажи им, чтобы они пришли, — сказал владыка, — и принесли сюда сразу же то, что они срезали», — так было сказано юношам.

— Прекрасно, — ответили они.

И юноши отправились, неся цветы в четырех тыквенных сосудах.

А когда они прибыли пред лицо владыки Шибальбы и других владык и он взял цветы, приятно было посмотреть на цветы, принесенные ими с собой. И в этом состязании обитатели Шибальбы оказались побежденными.

Юноши послали только муравьев срезать цветы, и в течение одной ночи муравьи срезали их и поместили их в тыквенные сосуды.

Мгновенно разъярились все обитатели Шибальбы, а их лица побледнели из-за этих цветов. Сразу же они послали за стражами цветов.

— Почему допустили вы красть наши цветы? Это ведь наши цветы из нашего сада, те, что мы видим здесь! — сказали они стражам.

— Мы ничего не заметили, владыка. Наши хвосты тоже пострадали, — ответили те.

И тогда владыки разорвали их рты в наказание за то, что было украдено то, что им было поручено сторожить. Так Хун-Каме и Вукуб-Каме были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. И это было началом их деяний. А ночные ласточки получили такие клювы; с этого времени рот у них разделен на две части клювом, как и теперь.

Немедленно все они отправились играть в мяч и сыграли опять несколько игр с равными результатами. Тогда они закончили игру и условились играть снова утром следующего дня. Так назначили обитатели Шибальбы.

— Прекрасно! — ответили юноши по окончании игры.

Глава 10

После этого юноши вошли в «Дом холода». Там было невозможно холодно. Дом был заполнен множеством льда; это было настоящее владение холода. Но скоро холод прекратился,

потому что юноши зажгли огонь из сосновых сучьев, совсем старых, и заставили холод исчезнуть.

Вот почему они не умерли; они были еще живы, когда началась заря. А обитатели Шибальбы желали, чтобы юноши умерли там. Но так не случилось, и когда занялась заря, они были еще полны здоровья. И снова появились исполнители приказаний; снова пришли посланные, чтобы вести их.

— Как же так? Они еще не умерли? — воскликнул повелитель Шибальбы. И вновь они смотрели с изумлением на деяния юношей Хун-Ахпу и Шбаланке.

После этого юноши вошли в «Дом ягуаров». Этот дом был полон ягуарами. «Не кусайте нас! Вот что будет принадлежать вам!» — сказали братья ягуарам. И они быстро разбросали перед животными несколько костей, а те с жадностью набросились на кости.

— Ну, теперь-то с ними покончено! Теперь их сердца уже пожраны ягуарами. Наконец-то они побеждены! Теперь их кости переломаны, — так говорили стоявшие на ночной страже, и сердца всех их были счастливы из-за этого.

Но братья не умерли. Как обычно, бодрые и здоровые, они вышли из «Дома ягуаров».

— Какого же рода эти люди? Откуда они появились? — спрашивали все обитатели Шибальбы.

После этого юноши вошли в средоточие огня, в «Дом пламени». Внутри этого дома был только бушующий огонь, но они там не сгорели, хотя там все превращалось в уголь и пепел. И, как обычно, они были бодрыми и здоровыми, когда занялась заря. А очень хотелось владыкам Шибальбы, чтобы братья быстро погибли там, где они находились. Но не случилось, однако, по желанию обитателей Шибальбы, и в сердцах их погасло мужество.

Тогда они направили братьев в «Дом летучих мышей». Ничего, кроме летучих мышей, не было внутри этого дома, дома Камасоца[1],

[1] Буквально — «хищная летучая мышь».

большого животного. Орудия убийства были у него, как у Чакицама[1]; они были похожи на закаленные острия. Мгновенно погибали те, кто появлялся пред лицом его.

Юноши находились там, но они спали внутри своих выдувных трубок. И те, кто находился в этом доме, не укусили их. И все-таки братья должны были сдаться, потому что один из них был побежден Камасоцем, спустившимся с неба. Да, он появился, когда они делали следующее.

Летучие мыши совещались друг с другом в течение всей ночи и летали вокруг и шумели: «Килиц, килиц», — говорили они. И так говорили они всю ночь. Но затем они постепенно остановились; летучие мыши совершенно перестали двигаться и затем спокойно повисли на одном из концов выдувной трубки.

Тогда Шбаланке сказал Хун-Ахпу:

— Долго ли еще осталось до наступления зари? Посмотри!

— Долго ли еще? Кто знает? Сейчас я взгляну, — ответил Хун-Ахпу.

И когда он, горя нетерпением, выглянул из дула выдувной трубки, желая поскорее увидеть восход зари, Камасоц мгновенно срезал его голову, и лишено было головы тело Хун-Ахпу.

Шбаланке спросил снова: «Ну, как? Не занялась ли заря?» — Но Хун-Ахпу был недвижим. «Как? Куда ты ушел, Хун-Ахпу? Что же ты сделал?» — Но он не двигался и продолжал молчать. Тогда опечалился Шбаланке и воскликнул: «Несчастные мы! Мы совершенно уничтожены!»

Исполнители приказаний пошли и немедленно повесили голову Хун-Ахпу на стене площадки для игры в мяч по специальному приказанию Хун-Каме и Вукуба-Каме. И все обитатели Шибальбы радовались из-за того, что случилось с головой Хун-Ахпу.

[1] Чакицам («наносящее раны острие») — чудовищное животное в виде летучей мыши, на носу которого находится нож.

Глава 11

Немедленно Шбаланке созвал всех животных, коати и кабана, всех зверей, больших и малых, созвал их в течение ночи и в эту же самую ночь спросил их, какова была их пища.

— Что ест каждый из вас? Что из пищи соответствует каждому роду? Ведь я собрал вас для того, чтобы вы могли избрать себе подходящую пищу, — сказал им Шбаланке.

— Очень хорошо, — ответили они. И немедленно каждый отправился выбирать свою собственную пищу, и все они добрались до цели. Одни отправились взять себе как владение сгнившие деревья, другие отправились взять растение цалик, третьи — камни. Были и такие, что выбрали только землю. Различной была пища малых животных и больших животных.

Сзади них ползла покрытая панцирем черепаха, она двигалась переваливаясь, чтобы также найти свою пищу. И когда она достигла конца тела Хун-Ахпу, она превратилась в обманное подобие головы Хун-Ахпу, и в то же самое мгновение были созданы на ее теле его глаза.

Много мудрецов спустилось тогда с неба. Вот даже Сердце небес, Хуракан, появился и пребывал там, над «Домом летучих мышей».

Нелегко было закончить изготовление лица Хун-Ахпу, но вышло оно прекрасным: поистине привлекательно выглядел его рот, и он мог даже по-настоящему говорить.

Но уже наступала заря и начал багроветь край неба.

— Сделай его снова темным, о старец! — было сказано коршуну.

— Да будет так! — сказал старец, и мгновенно он затемнил небо. «Теперь коршун затемнил его», — говорит народ и теперь при наступлении зари.

Итак, во время утренней свежести Хун-Ахпу снова начал свое существование.

— Хорошо ли это будет, — говорили они, — выглядит ли она подобной голове Хун-Ахпу?

— Она очень хороша! — отвечали они. И правда, казалось, что панцирь черепахи превратился в настоящую голову.

После этого братья начали совещаться друг с другом и согласились.

— Не играй в мяч, делай только вид, что ты играешь. Я буду делать все один! — говорил Шбаланке Хун-Ахпу.

После этого он отдал свои распоряжения кролику.

— Иди и поместись над двором для игры в мяч, оставайся там среди выступов карниза, — сказал Шбаланке кролику, — а когда мяч подлетит к тебе, выбегай немедленно, а я сам сделаю все остальное. — Так было сказано кролику, когда они давали ему ночью эти приказания. И вот настал день, а оба юноши были веселы и здоровы. Тогда они отправились играть в мяч. Голова Хун-Ахпу же была помещена на стене площадки для игры в мяч.

— Мы победили! — торжествовали владыки Шибальбы. — Вы опозорили себя! Вы погибли! — говорили им обитатели Шибальбы. Так они издевались над Хун-Ахпу. — Сшиби его голову мячом, — говорили они Шбаланке. Но они не оскорбили его этим, он не обращал ни малейшего внимания на их насмешки.

Тогда владыки Шибальбы бросили мяч. Он понесся на Шбаланке и упал прямо перед кольцом его на землю. Затем мяч отскочил, быстро пронесся над площадкой для игры в мяч и прыжком достиг выступов карниза.

Тотчас же кролик выскочил оттуда и побежал быстрыми прыжками. Все обитатели Шибальбы устремились в погоню за ним. Они бежали за кроликом, шумя и крича. Кончилось тем, что за ним погнались все обитатели Шибальбы, до последнего человека.

А Шбаланке в этот момент овладел настоящей головой Хун-Ахпу и, схватив черепаху, поместил ее на стену площадки

для игры в мяч. А Хун-Ахпу получил обратно свою настоящую голову. И тогда оба юноши были очень счастливы.

А обитатели Шибальбы отправились искать мяч и, найдя его между выступов карниза, начали звать их, говоря:

— Идите сюда! Вот наш мяч! Мы нашли его! — кричали они. И они принесли его.

Когда обитатели Шибальбы возвратились и игра началась снова, они воскликнули: «Что это, кого мы видим?»

А братья играли вместе; они снова были вдвоем.

Неожиданно Шбаланке бросил камнем в черепаху, она сорвалась и упала посреди площадки для игры в мяч, разбившись перед владыками на тысячу кусков.

— Кто из вас пойдет искать ее? Где тот, кто возьмется принести ее? — сказали обитатели Шибальбы.

Так владыки Шибальбы были снова побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. Эти двое перенесли великие трудности, но они не умерли, несмотря на все свершенное над ними.

Глава 12

Вот сообщение о том, как умерли Хун-Ахпу и Шбаланке. Теперь мы расскажем, что живет в воспоминаниях об их смерти.

Хун-Ахпу и Шбаланке были предупреждены о всех страданиях, которым владыки Шибальбы желают подвергнуть их, но они не умерли от пыток Шибальбы и не были побеждены всеми хищными животными, имевшимися в Шибальбе.

После этого братья послали за двумя провидцами, которые были подобны пророкам; звали их Шулу и Пакам[1], и были они исполнены мудрости. И юноши сказали им:

— Возможно, вы будете спрошены владыками Шибальбы относительно нашей смерти, которую они замышляют и

[1] Буквально «Прорицатель» и «Почтенный».

приготовляют теперь, потому что мы не умерли, потому что они не смогли победить нас, потому что мы не погибли под их пытками и не были растерзаны зверями. Мы предчувствуем в сердцах наших, что они попытаются убить нас при помощи раскаленного камня. Собрались уже все обитатели Шибальбы, но истина то, что мы не умрем. Поэтому вот наши наставления относительно того, что должны вы сказать владыкам Шибальбы: если они придут советоваться с вами о нашей смерти и относительно того, как нас можно принести в жертву, что вы скажете им тогда, Шулу и Пакам? Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы выбросим их кости в пропасть?» — «Нет, не будет это хорошо, — скажите им, — потому что после этого вы, конечно, обязательно увидите снова их лица возвращенными к жизни!» Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы повесим их на высоких деревьях?» — вы ответите: «Конечно, не будет это хорошо, потому что вы обязательно снова увидите их лица!» И тогда в третий раз они спросят вас: «Может быть, лучше всего будет бросить их кости в стремнину реки?» И если у вас будет спрошено ими все, что говорилось раньше, вы ответите: «Это будет лучше всего, если они, братья, умрут таким образом; хорошо будет истереть потом их кости на плоском камне, как мелют в муку кукурузные зерна; пусть каждый из них будет измолот по отдельности. Затем бросьте их немедленно в речную стремнину в том месте, где вода с шумом падает вниз, чтобы их останки были рассеяны среди малых гор и больших гор». Вот что вы ответите им, когда все то, что мы советовали вам, будет исполнено, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке. И когда юноши отдавали эти приказания, они уже знали относительно своей приближающейся смерти.

И вот был сделан тогда огромный костер с камнем внизу, вроде полуподземной печи; обитатели Шибальбы сделали его и наполнили кучами раскаленной золы.

Вскоре после этого прибыли посланные, которые должны были сопровождать юношей, посланцы Хун-Каме и Вукуба-Каме.

— Скажите, чтобы они побыстрее пришли. Идите и возьмите юношей. Люди должны собраться там и увидеть, как мы испечем их живьем! — Так сказал владыка, о юноши! — возвестили им посланные.

— Хорошо! — отвечали они.

Братья быстро отправились и подошли к краю земляной печи. Здесь владыки Шибальбы захотели заставить юношей участвовать в издевательстве над собой.

— Давайте выпьем нашего опьяняющего напитка и перелетим над костром по четыре раза каждый, кто как умеет, о юноши! — было приказано ими Хун-Каме.

— Не пытайся обмануть нас! — отвечали братья. — Или, быть может, мы не знаем о нашей предстоящей смерти, о владыки? Так смотрите же!

И обнявшись друг с другом, лицом к лицу, они оба вытянули свои руки, пригнулись к земле и прыгнули в подземную печь. Так они погибли, оба вместе.

Все обитатели Шибальбы были исполнены радости, они вовсю кричали, раскрыв рты, вовсю свистели и восклицали: «Вот теперь-то мы победили их! И поистине не так уж легко они сдались!»

Немедленно они позвали Шулу и Пакама, которым братья дали свои наставления, и подробно расспросили их, что нужно сделать с костями погибших.

Затем обитатели Шибальбы, после того как вопросили судьбу, смололи кости юношей и бросили их в речную стремнину. Но кости не удалились далеко; они тотчас опустились на речное дно и превратились снова в прекрасных юношей. И когда они появились опять, у них были те же самые лица и облик.

Глава 13

На пятый день Хун-Ахпу и Шбаланке появились снова и были увидены в воде людьми. Оба они имели вид людей-рыб, когда обитатели Шибальбы видели их. И они охотились за братьями по всей реке.

А на следующий день они явились как два бедняка с очень старыми лицами, жалким видом и в лохмотьях; ничего привлекательного не было в их наружности. Так они были увидены всеми обитателями Шибальбы.

И они совершали самые различные деяния. Они исполняли танец ночной ласточки, двуутробки, танец броненосца, а в особенности танцевали «сороконожку» и танец на ходулях.

Кроме того, они совершали многочисленные чудеса. Они сжигали дома, как будто они горели в действительности, и тотчас восстанавливали их снова. Многие обитатели Шибальбы в изумлении смотрели на них.

Наконец, они умышленно разрезали друг друга на куски; они убили друг друга. Тот, кто первый дал себя убить, распростерся и лежал как мертвый, и в то же мгновение другой возвращал его к жизни. Обитатели Шибальбы смотрели в удивлении на все, что они делали, а они совершали это, как начало своей победы над обитателями Шибальбы.

Слово об их представлениях дошло наконец до ушей владык Хун-Каме и Вукуба-Каме. Когда они услышали это, они воскликнули: «Кто эти два бедняка? Они действительно доставляют так много удовольствия?»

— Да, поистине прекрасны их танцы и все, что они совершают, — ответил тот, кто принес эти известия владыкам.

Услышав о таком искушении, владыки послали своих посланных позвать пришельцев. «Скажите им, чтобы они поскорее пришли сюда, скажите им, чтобы они пришли и мы могли бы видеть, что они делают, чтобы мы могли удивляться им и оказать им внимание, — так сказали владыки. —

Так вы должны возвестить им», — вот что было сказано посланным.

Они сразу же направились к танцовщикам и передали им послание владык.

— Мы не можем желать этого, — сказали юноши, — потому что поистине мы устыжены. И как же мы можем не стыдиться появиться в доме владык? Ведь наши лица поистине отвратительны. Разве наши глаза не жадны из-за нашей крайней нищеты? Разве вы не видите, что мы всего-навсего лишь бедняки-танцовщики? Что скажем мы нашим товарищам по бедности, которые еще не пришли с нами и хотят принять участие в наших танцах, порадоваться вместе с нами? Как можем мы исполнять наши танцы без них перед владыками? Вот по какой причине мы не хотим идти, о вестники! — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Наконец, с потупленными лицами, выражая явное нежелание, горечь и глубокую печаль, они отправились; но через некоторое время вновь отказались идти, и вестники били их много раз по лицам, когда они вели братьев в дом владыки.

И вот прибыли они к владыкам, боязливые и со склоненными головами; они подошли и простерлись, они выказывали почтительность и смирение. Они выглядели слабыми и оборванными, и облик их был действительно внешностью бродяг, когда они прибыли.

Их немедленно спросили об их родине и об их народе; они спросили их также об их матери и их отце.

— Откуда вы идете? — спросили их владыки.

— Мы совершенно ничего не знаем, владыка! Мы не знали лиц нашей матери и нашего отца; и были мы очень малыми, когда они умерли, — ответили они и не сказали ни слова больше.

— Хорошо! Теперь исполняйте ваши штуки, чтобы мы могли дивиться на вас. Что вам для этого требуется? Мы удовлетворим ваши пожелания, — было сказано им.

— Мы ничего не желаем, но мы поистине очень испуганы, — ответили они на это владыке.

— Не бойтесь ничего и не стыдитесь! Танцуйте! И изобразите прежде всего, как вы убиваете друг друга, а затем сожгите мой дом, делайте все, что вы умеете делать. Мы будем дивиться на вас; этого желают наши сердца. Итак, быстро принимайтесь за дело, бедные создания; мы дадим вам все, что вы пожелаете, — говорили они им.

Тогда они начали петь и танцевать. Все обитатели Шибальбы прибыли и собрались, чтобы видеть их. И они исполнили все танцы: они станцевали «двуутробку», они станцевали «ночную ласточку», и они станцевали «броненосца».

И тогда владыка сказал им:

— Разрежьте мою собаку на части, и пусть она будет снова возвращена вами к жизни, — так приказал он им.

— Да будет так! — ответили они и разрезали собаку на кусочки. Затем сразу же они возвратили ее снова к жизни. И собака воистину была полна радости, когда она была возвращена к жизни, и виляла хвостом, когда братья оживили ее.

И тогда владыка сказал им:

— Сожгите же теперь мой дом! — Так он приказал им. Сразу же они подожгли дом владыки, и хотя все владыки собрались там, внутри дома, они все же не были обожжены. Быстро они сделали его снова целым, и ни на одно мгновенье дом Хун-Каме не был разрушен.

Все владыки Шибальбы веселились; они даже танцевали сами от восторга, и это доставило им много удовольствия.

Тогда им было приказано владыкой:

— Теперь убейте человека, принесите его в жертву, но не допускайте, чтобы он умер. — Так было сказано им.

— Очень хорошо! — ответили они.

И, схватив одного человека, они быстро принесли его в жертву. А затем они вырвали у него сердце и высоко подняли его, чтобы все владыки могли видеть сердце.

И снова Хун-Каме и Вукуб-Каме были восхищены. Мгновение спустя человек был возвращен обратно к жизни братьями, и его сердце было исполнено бурной радости, когда он воскрес.

Владыки были удивлены.

— Принесите теперь в жертву друг друга, пусть мы увидим это, — сказали владыки, — наши сердца поистине жаждут такого представления от вас!

— Очень хорошо, о наш повелитель! — ответили они.

И тогда они приступили к жертвоприношению друг друга. Вот Хун-Ахпу был принесен в жертву Шбаланке; одна за другой его руки и его ноги были несколькими кусками отрезаны от туловища, его голова была отрублена от его тела и унесена прочь; его сердце было вырвано из его груди и брошено на ветви растения цалик. Все владыки Шибальбы были опьянены этим зрелищем. Они хотели только одного: только смотреть на представление, которое устроил Шбаланке.

— Встань! — воскликнул он, и мгновенно Хун-Ахпу возвратился к жизни. Тогда братья были очень счастливы, счастливы были и владыки. Действительно, то, что совершали они, наполняло восторгом сердца Хун-Каме и Вукуба-Каме, и они чувствовали себя так, как будто они сами совершали все это.

Тогда их сердца наполнились желанием и стремлением раскрыть загадку представлений Хун-Ахпу и Шбаланке; и у Хун-Каме и Вукуба-Каме вырвались слова:

— Сделайте то же самое с нами! Принесите в жертву нас! — сказали они. — Разрежьте нас на куски, одного за другим! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Очень хорошо! После этого мы возвратим вас снова к жизни. Разве существует для вас смерть? Ведь мы те, кто обязан доставлять вам развлечения, а вы — повелители над вашими сыновьями и подданными, — сказали они владыкам.

И случилось так, что они принесли в жертву первым того, кто был предводителем владык, того, кого звали Хун-Каме, повелителя Шибальбы.

И когда Хун-Каме был мертв, они схватили Вукуб-Каме, и они не возвратили ни того, ни другого снова к жизни.

Обитатели Шибальбы бежали, как только они увидели, что оба их владыки убиты и расчленены на куски. А это было сделано братьями, чтобы покарать их. В одно мгновение был убит главный владыка, и они не вернули его снова к жизни.

А один из владык смирился и явился перед лицами танцовщиков. Они не открыли его, и они не нашли его. «Пощадите меня!» — сказал он, когда он пришел в чувство.

Все сыновья и подданные владык Шибальбы бежали в глубокое ущелье, и все они собрались одной огромной толпой в этой узкой глубокой пропасти. Там они собрались огромной толпой, и полчища муравьев пришли туда и нашли их и вытеснили их из ущелья. Так муравьи гнали их по дороге, и когда они вернулись назад в Шибальбу, то простерлись перед победителями и сдались. Они все покорились и когда приходили, то горько плакали.

Вот таким образом было сокрушено владычество Шибальбы. Только чудесами и своими превращениями смогли братья совершить все это.

Глава 14

Немедленно Хун-Ахпу и Шбаланке объявили свои имена и были превознесены перед всеми обитателями Шибальбы.

— Слушайте наши имена, которые мы вам назовем! Мы скажем вам также и имена наших отцов. Мы сами, мы Хун-Ахпу и Шбаланке, — вот наши имена. А имена наших отцов — тех, кого вы убили, — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Мы — те, кого вы видите здесь, — мстители за пытки

и страдания наших отцов. Вот причина, почему мы негодуем за все злое, что вы свершили по отношению к ним. Поэтому мы положим конец всем вам, мы умертвим вас, и ни один из вас не сможет ускользнуть, — сказали они.

Все обитатели Шибальбы сразу же пали на колени, умоляя:

— Пощадите нас, Хун-Ахпу и Шбаланке! Действительно, мы провинились перед вашими отцами, как вы говорите, и они погребены в Пукбаль-Чах, — сказали они.

— Хорошо! Вот наш приговор, который мы возвещаем вам. Слушайте его, вы все обитатели Шибальбы. Поскольку ни ваша великая мощь, ни ваше племя более не существует и поскольку вы не заслуживаете пощады, то вы займете низкое положение, не будут вам оказывать больше почестей. Очень немного достанется вам от крови и черепов, а игра в мяч будет не для вас. Вы будете проводить ваше время в изготовлении глиняных горшков и сковородок и камней для перемола кукурузы. Только дети чащ и пустынь будут представлены вашему покровительству. Но порождения света, сыновья света нс будут иметь общения с вами, и они будут избегать вашего присутствия. Грешники, искатели раздоров, носители печалей, изменники, отдающиеся порокам — вот те, кто будет приветствовать вас. И не будете вы больше неожиданно схватывать людей для жертвоприношений; помните, что ваше положение теперь низкое!

Так говорили они всем обитателям Шибальбы.

Так началось разрушение их величия и их печали, хотя их и призывали еще потом. Не велико было их могущество и в былые дни. Им нравилось лишь причинять людям злое в те времена. В действительности и в те дни они не принадлежали к разряду богов. Кроме того, их страшные лица вызывали у людей ужас и отвращение. Они порождали только распри и несчастья. Они подстрекали к злу, к греху и к разногласиям.

Они были также фальшивы сердцем, черные и белые в одно и то же время, завистливые существа и угнетатели, согласно

тому, что говорилось о них. Кроме того, они раскрашивали свои лица и мазали их жиром.

Вот таким образом они потеряли свое величие и свой блеск; так произошло падение их владычества.

И это свершили Хун-Ахпу и Шбаланке.

Между тем бабушка плакала и печалилась перед посаженными и оставленными ими тростниками. У тростников этих сперва появились побеги, и они зазеленели, но затем засохли. Когда же братья бросились в подземную печь, тростники зазеленели снова. Тогда бабушка зажгла огонь и сжигала благовония перед тростниками в память своих внучат. И сердце бабушки исполнилось радости, когда тростники зазеленели вторично. Бабушка оказывала им почести, как богам, и называла их «Центром дома», «Никах» назывались они.

«Зеленые тростники, растущие на равнинах» — вот было их имя. И они назывались «Центром дома» и «Центром», потому что Хун-Ахпу и Шбаланке посадили тростники в самой середине дома. И тростники были названы «зелеными тростниками, растущими на равнинах», потому что братья посадили их в выровненную землю.

Их также называли «зеленые тростники», потому что они зазеленели. Эти имена были даны им Шмукане, даны тем тростникам, которые посадили Хун-Ахпу и Шбаланке, чтобы они напоминали бы о них их бабушке.

Итак, их отцами, умершими давным-давно, были Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Хун-Ахпу и Шбаланке теперь увидели лица своих отцов здесь, в Шибальбе, и их отцы разговаривали со своими потомками, с теми, кто победил владык Шибальбы.

А вот как их отцы были почтены ими. Вукуб-Хун-Ахпу они почтили следующим образом: они отправились почтить его в Пукбаль-Чах.

Прежде всего им хотелось, чтобы возникло его изображение, и поэтому он был спрошен о его голосе и обо всем: о его

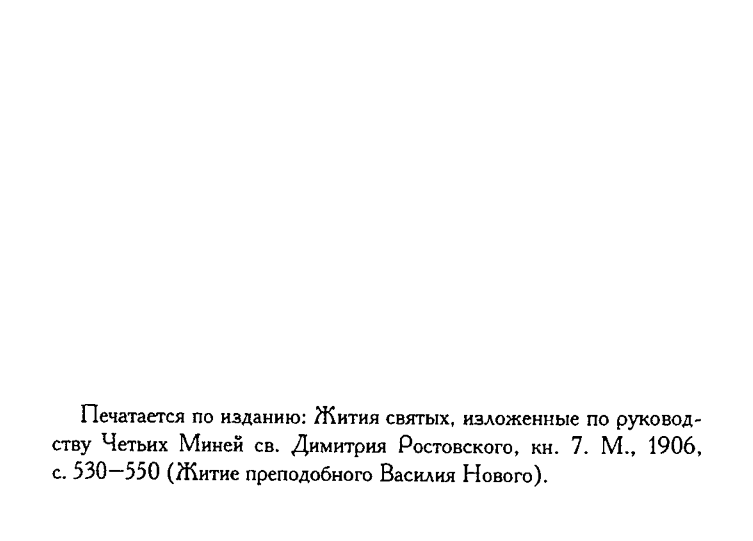
рте, его носе и его глазах. Они обнаружили его голос, но он мог свершить лишь очень немногое. Он мог только что-то произносить; его рот не мог назвать по имени своего брата-близнеца; он только лишь что-то лепетал.

А сердце их отца, которое оставалось лежать там, — которое оставалось лежать там, в Пукбаль-Чах, — почтили они таким образом: «Пусть будут призывать тебя, да будет так! — сказали ему его сыновья, когда они утешали его. — Прежде всего, вы должны стать почитаемыми, и вам первым будут молиться порождения света, сыновья света. Ваши имена не будут никогда забыты! Да будет так! — говорили они своему отцу и этим утешали его сердце. — Мы — отмстители за вашу смерть, за вашу гибель, за страдания и печаль, которая была причинена вам».

Таковы были их слова прощания, когда они уже полностью победили всех обитателей Шибальбы.

Тогда они удалились от них и поднялись наверх, в средоточие света; в одно мгновение они были подняты на небо. Одному было дано Солнце, другому — Луна. Тогда осветился свод небес и лицо земли. Теперь они обитают на небесах.

МЫТАРСТВА ДУШИ БЛАЖЕННОЙ ФЕОДОРЫ

Печатается по изданию: Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского, кн. 7. М., 1906, с. 530—550 (Житие преподобного Василия Нового).

Почти одновременно с описанными событиями блаженная Феодора, которая прислуживала преподобному Василию, — приняв иноческий чин, преставилась ко Господу. Все почитатели преподобного, узнав об этом, опечалились, так как блаженная жена была пред святым старцем ходатаицей за всех приходящих к нему. Она всех с любовью принимала, всех утешала своими кроткими речами, была милостива, христолюбива и целомудренна, а также исполнена духовной премудрости. Григорий[1] возымел сильное желание узнать, где находится по преставлении своем Феодора, на десной или на левой стороне[2], с праведниками или с грешниками, и сподобилась ли она получить от Бога милость или какую-нибудь отраду за свою усердную службу старцу. Помышляя об этом, он часто молил преподобного Василия, прося его поведать о душе почившей Феодоры, ибо Григорий веровал, что святому угоднику Божию открыто все о почившей. Досаждаемый частыми просьбами, святой старец, не желая отказом опечалить своего духовного сына, помолился Господу, прося Его открыть Григорию в видении о том, что стало с душою Феодоры по преставлении ее.

---

[1] *Григорий* — ученик преп. Василия Нового, очевидец многих чудес его и составитель его жития.

[2] *Десная* или правая сторона — означала вообще почетное положение. В Евангелии (Мф. 25, 32—46) положение по правую сторону от вечного Судии усваивается праведникам, а по левую сторону — грешникам. Таким образом, положение на десной или на левой стороне означает или оправдание, или осуждение.

8 Зак. № 387

В следовавшую затем ночь Григорий в сонном видении сподобился увидеть блаженную Феодору в светлой обители, которая была уготована Богом преподобному Василию. В сей-то обители, небесною славой озаренной и неизреченных благ исполненной, блаженная Феодора молитвами угодника Божия и была водворена. Таким образом, кому она усердно и трудолюбиво служила в сем мире, в обители того сподобилась пребывать в жизни вечной, по его святым молитвам. Увидев ее, Григорий возрадовался и насладился продолжительной беседой с ней, как будто бы он говорил с ней наяву.

Григорий спросил Феодору, как она разлучилась от тела, как претерпела смертные страдания, что видела по своей кончине и как миновала воздушных духов.

Она же начала передавать ему следующее:

— Чадо Григорий! О страшной вещи спрашиваешь ты меня, о которой даже ужасно и вспоминать. Видела я лица, которые никогда не видала ни раньше, ни после, слышала речения, которых никогда не слыхала до того. И что я расскажу тебе? Тогда предо мной предстало все то лютое и греховное из дел моих, о чем я позабыла было, но, молитвами и помощью отца нашего преподобного Василия, все это не было вменено мне и не удержало меня от входа в эту обитель. И что я скажу тебе, чадо, о болезни телесной, о жесточайших страданиях, которые претерпевают умирающие? Подобно тому, как если кто-нибудь брошенный в сильный пламень, горя, как бы истаивает и обращается в пепел, так и болезнь смертная разрушает человека. Воистину люта смерть для подобных мне грешников, ибо истину говорю тебе, что и я была делательницей грешных дел, праведных же дел своих я совершенно не помню.

Когда я приблизилась к концу жизни моей и настал час разлучения души от тела, увидела я множество эфиопов, стоявших вокруг одра моего; лица их были черные, как сажа и смола, очи горели, как угли огненные, и весь вид их был столь же страшен, как вид огненной геенны. И начали они производить шум и смя-

тение: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как псы, некоторые выли, как волки; при этом все они, с яростью смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. Приготовляли они и хартии как бы в ожидании судьи некоего, имеющего прийти туда, и развертывали свитки, на которых были написаны все злые дела мои. И была убогая душа моя в великом страхе и трепете. Тогда претерпевала я не только муки смертные, происходившие от разлучения души с телом, но также жесточайшие страдания от видения тех страшных эфиопов и грозной ярости их, и это было для меня как бы другой смертью, более тяжкой и лютой. Я старалась отвращать взор мой от видения то в одну сторону, то в другую, чтобы не видеть мне страшных эфиопов, не слышать голосов их, но никак не могла избавиться от них, ибо везде было их бесчисленное множество, и не было никого, кто бы помог мне.

Уже изнемогая совершенно от таких страданий, я вдруг узрела двух светоносных ангелов Божиих, которые явились ко мне в образе прекрасных юношей, красоты коих описать невозможно. Лица их были светлее солнца, очи ласково взирали на меня, волосы на головах были белы, как снег, вокруг голов разливалось златовидное сияние, одежда у них блистала как молния и была на груди крестообразно опоясана золотыми поясами. Приблизившись к одру моему, они стали направо от меня, тихо беседуя друг с другом. При виде их я возрадовалась и смотрела на них с умилением сердечным. Черные же эфиопы, увидев их, содрогнулись и отступили подальше. И вот один светоносный юноша гневно сказал им:

— О бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем вы всегда поспешаете преждевременно к умирающим и своим бесстыдным шумом устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но теперь прекратите свою радость, так как здесь вы не приобретете ничего. Вам нет какой-либо части в сей душе, потому что с ней Божие милосердие.

При таких словах светлого юноши эфиопы тотчас же взволновались и начали с криками показывать написания злых дел моих, соделанных от юности.

— Как так мы не имеем в ней части? а эти грехи чьи? Не она ли соделала это и это?

Так говоря, они стояли в ожидании смерти.

И вот пришла смерть, рыкая, как лев; вид ее был очень страшен, она имела некоторое подобие человека, но тела совсем не имела и была составлена из одних только обнаженных костей человеческих. С собой она несла различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, косы, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла и иные орудия неизвестные. Увидев все это, смиренная душа моя затрепетала от страха; святые же ангелы сказали смерти:

— Что медлишь? Разреши душу сию от уз плотских, скоро и тихо разреши, ибо она не имеет много греховных тяжестей.

Тотчас же смерть приступила ко мне, взяв секиру, отсекла сперва ноги мои, потом руки, затем при посредстве другого орудия все остальные части моего тела разрушила и члены от составов отделила. И не имела я ни рук, ни ног; и все тело мое омертвело. Смерть же взяла и отсекла голову мою, — так что я не могла повернуть головой, и она была мне чужой. После всего смерть сделала раствор в чаше и, приподнеся его к моим устам, напоила меня. И столь горек был раствор тот, что душа моя, не имея сил стерпеть горечи, содрогнулась и вышла из тела, как бы насильственно оторванная от него. Святые ангелы тотчас же приняли ее на руки свои. Взглянув назад, я увидела тело мое, лежащее бездушным, бесчувственным и недвижным. Совлекши его, как совлекают одежду, я смотрела на него с безмерным удивлением. В это время бесы, явившиеся в образе эфиопов, обступили ангелов, державших меня, и начали вопить, показывая написания грехов моих:

— Множество грехов имеет душа эта, — поэтому пусть даст она ответ пред нами.

Святые ангелы начали тогда отыскивать в жизни моей добрые дела и, с помощью Господа Бога, благодатью Коего я творила добро, обрели их. Они приводили на память все, что только я творила доброго, когда давала милостыню убогим, когда накормила алчущего или напоила жаждущего, или одела нагого, или приводила в дом странника и упокоивала его, или служила святым; когда я посещала больного или заключенного в темницу и помогала им; они припоминали, когда я с усердием приходила в церковь и с умилением и сердечным сокрушением молилась там, слушая со вниманием пение и чтение церковных молитв и песнопений; когда приносила в церковь фимиам и свечи или иное какое-нибудь приношение, или вливала деревянное масло в лампады, чтобы они теплились пред иконами, и с благоговением лобызала самые честные иконы; они приводили на память, когда я воздержанно проводила время и когда по средам и пятницам и во все святые посты постилась, и сколько творила поклонов и простаивала нощных бдений; они указывали на то, как я сокрушенно стенала о грехах своих и плакала о них по целым ночам, как исповедовала грехи свои Богу и с сокрушением каялась в них пред духовным отцом своим, удостоверяя своим сокрушением и сердечным раскаянием Правде Божией; они припоминали все, что я творила доброго ближним моим, как я на враждующих против меня не гневалась, как терпеливо сносила всякую досаду и укоризну себе, не помнила зла и воздавала за зло добром, как я при нападках людей на меня смирялась, как я болела сердцем и скорбела о чужой беде, как подавала кому-нибудь руку помощи или споспешествовала кому-либо в добром деле, или отвращала его от зла; припоминали они, что я отвращала очи свои от суеты, удерживала язык свой от клятвы, лжи, клеветы и всяких суетных слов; всё это и все другие малейшие добрые дела мои святые ангелы собирали, готовясь положить их на весы против моих злых дел. Эфиопы же, видя это, скрежетали на меня зубами, желая похитить меня из рук ангельских и низвести на самое дно ада.

В это время неожиданно явился там преподобный отец наш Василий и сказал святым ангелам:

— Властелины мои, сия душа много послужила мне, угождая моей старости: я молился Богу о даровании мне ее, и Господь ниспослал мне сию душу.

Сказав это, он вынул из-под одежды своей мешок, чем-то наполненный (думаю, что в нем было одно чистое золото), и дал его святым ангелам, сказав при этом:

— Когда вы будете проходить воздушные мытарства[1] и лукавые духи начнут истязать душу сию, вы искупите ее этим от долгов ее. Благодатью Божией, я богат и много собрал сокровищ трудами и по́том своим, — и вот я дарю мешок душе сей, послужившей мне.

После этих слов он отошел. Лукавые же бесы, видя это, пришли в недоумение, а затем, огласив воздух плачем, скрылись.

Между тем угодник Божий Василий снова пришел и принес с собой много сосудов чистого елея и миро многоценного; открывая сосуды один за другим, он возливал елей и миро на меня, так что я исполнилась духовного благоухания и вместе с тем изменилась и стала светлым существом.

Преподобный же Василий снова сказал святым ангелам:

— Владыки мои, после того как совершите все необходимое для души сей, введите ее в уготованную мне от Господа обитель и пусть она пребывает там.

Сказав это, святой стал невидим; ангелы же взяли меня и понесли по воздуху на восток.

Когда мы поднимались от земли к высоте небесной, нас встретили сначала воздушные духи первого мытарства, на ко-

---

[1] Мыта́рства — нечто вроде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к Престолу Небесного Судии. При них стоят духи злобы и взымают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину или выкуп, состоящий в представлении им на вид противоположного этому греху доброго дела.

тором судят за грехи языка, за всякое слово праздное, бранное, бесчинное, скверное. Тут мы остановились, и бесы вынесли к нам свитки, на которых были написаны все легкомысленные слова, сказанные мной от юности, — все, что я говорила неразумного и скверного, особенно же кощунственные и смехотворные речи, которые я допускала произносить в юности, как это бывает у многих. Предстали предо мной там все мирские бесстыдные песни, которые я пела когда-то, все бесчинные восклицания мои, все мои легкомысленные речи, и бесы обличали меня всем тем, указывая времена, места и лица, когда, где и с кем я предавалась суетным беседам и прогневляла словами моими Бога, не вменяя себе того в грех и не исповедываясь в том пред отцом духовным. Видя все это, я молчала, как безгласная, потому что не имела что-либо сказать лукавым духам: они обличали меня вполне справедливо, — и я удивлялась, как они ничего не забыли; ибо много лет прошло с тех пор, как все эти грехи были соделаны мной, и я давно забыла о них и никогда не помышляла о содеянном в уме своем; они же приводили все слова мои, как будто они были только что произнесены мной, всё подробно и до тонкостей припоминая, как оно и было в действительности. И когда я со стыдом молчала, в то же время трепеща от страха, святые ангелы в противовес тем грехам моим представили нечто из моих добрых дел, содеянных в последние годы жизни моей, а так как они не могли перевесить тяжести грехов моих, то недостаток восполнили из того, что было даровано преподобным отцом моим Василием. Так они искупили меня и понесли выше.

Тут мы приблизились к другому мытарству, называемому мытарством лжи, на котором истязуются всякое ложное слово, особенно клятвопреступления, призывания имени Божия всуе, лжесвидетельства, нарушение обетов, данных Богу, неполное исповедание грехов и тому подобное. Духи этого мытарства весьма яры и свирепы — они испытывали меня весьма настойчиво, не упуская ни одной подробности. И была я обличена от

них в двух грехах, именно — в том, что иногда в некоторых малых вещах допускала себе лгать, не вменяя того в грех, а также и в том, что многократно, стыдясь грехов своих, приносила духовному отцу своему неполную исповедь. Что же касается клятвопреступления и лжесвидетельства, то этих грехов, благодатью Христовой, не нашлось у меня. Всё же бесы торжествовали по поводу найденных во мне грехов лжи и уже хотели меня похитить из рук ведших меня ангелов, но те, положив нечто из моих добрых дел против грехов тех, а недостающее восполнив из дарованного преподобным Василием, выкупили меня и беспрепятственно понесли выше.

После того достигли мы третьего мытарства, которое называется мытарством осуждения и клеветы. Удержанная там, я увидела, сколь тяжек грех оклеветать кого-либо, обесславить, похулить, а также надсмеяться над чужими пороками, забывая о своих. Всех, кто предается власти этого греха, жестоко истязают злые духи, как своего рода антихристов, предвосхитивших власть Христа, имеющего прийти судить людей, и сотворивших себя судьями ближних своих, в то время как сами они более достойны осуждения. Но во мне, благодатью Христовой, немного могли найти что-либо из таких грехов, ибо я строго блюла себя во все дни жизни моей, заботясь о том, чтобы не осудить, не оклеветать кого-либо, не посмеяться над кем, не похулить кого; и если иногда приходилось мне слышать, как кто-нибудь осуждал другого, то я мало внимала осуждающему, и если прибавляла что от себя в этом разговоре, то только такое, что не могло послужить ближнему в вящую обиду, да и тогда тотчас же останавливалась, зазирая себя за это немногое. Однако и такие провинности были истязателями поставлены во грех мне. Но святые ангелы искупили меня дарованным от святого Василия и стали подниматься со мною выше.

И дошли мы до четвертого мытарства, называемого мытарством чревоугодия. Злые духи этого мытарства тотчас же выбежали к нам навстречу, радуясь, как будто приобрели что-либо. Они были весьма отвратительны видом своим, изображая собою всю

мерзость чревоугодия и пьянства; при этом одни из них держали блюда и сковороды с яствами, другие же — чаши и кружки с питьем, и я увидела, что пища та и питье были подобны смердящему гною и нечистым испражнениям. Бесы же, держащие то и другое, имели вид пресыщенных и пьяных; они скакали с различными гудками и делали все то, что обычно творят пьяницы и пирующие, ругаясь над душами приводимых к ним грешников. Преградив нам путь и обойдя нас, как псы, они тотчас же выставили на вид все мои прошлые грехи чревоугодия, когда я предавалась излишеству в пище и питье и ела чрез силу и без всякой нужды, когда я, как свинья, приступала утром к еде без молитвы и крестного знамения или же когда постом садилась за стол раньше, чем это дозволяли правила церковного устава. Представили они также чаши и сосуды, из коих я упивалась, предаваясь пьянству, и даже указывали число выпитых чаш, говоря:

— Столько чаш испила она на таком-то пиру и с такими-то людьми; в другое же время и в другом месте столькими-то чашами упилась она до беспамятства; сверх того она столько-то раз пировала при звуке свирелей и других музыкальных орудий, предаваясь пляске и песням, и после таких пиров ее с трудом приводили домой, так она изнемогала от безмерного пьянства.

Представляя все такие и подобные им чревоугодия, бесы торжествовали и радовались, как будто уже имели меня в своих руках, и уже готовились схватить меня и низвести на дно ада. Я же трепетала, видя себя обличаемой ими и не имея что ответить им. Но святые ангелы, взяв немало от дарованного преподобным Василием, положили за меня выкуп. Бесы, увидев это, пришли в смятение и возопили:

— Горе нам, ибо погиб труд наш, погибла надежда наша.

С этими словами они стали бросать в воздух хартии, в которых были написаны мои грехи. Я же, видя это, веселилась и беспрепятственно шла оттуда.

Поднимаясь со мной выше, ангелы стали так беседовать друг с другом:

— Поистине великую помощь имеет душа эта от угодника Божия Василия: если бы его труды и молитвы не помогали ей, великую нужду претерпела бы она, переходя чрез воздушные мытарства.

Тогда, возымев дерзновение, я сказала святым ангелам:

— Владыки мои, думаю я, что никто из живущих на земле не знает, что бывает здесь и что ожидает грешную душу после ее смерти.

Святые ангелы ответили мне:

— Разве не свидетельствуют о всем, что здесь бывает, Божественные писания, постоянно читаемые в святых церквах устами священнослужителей? Но пристрастившиеся к земной суете пренебрегают всем этим, поставляя всю сладость жизни во вседневном объядении и пьянстве: каждый день они едят без меры и упиваются, отложив страх Божий; и, имея у себя чрево вместо Бога, они совершенно не помышляют о будущей жизни и не помнят Слова Божия, которое говорит: *горе вам, насыщении ныне, яко взалчете; горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете*[1]. Они маловерно думают, что все, что говорится в Божественном писании, суть басни, и пренебрегают написанным, пируя с *тимпаны и лики*, подобно евангельскому богачу, *веселяся на вся дни светло*[2]. Впрочем, те их них, которые милосердны к бедным, благодетельствуют нищим и убогим и помогают требующим помощи, те получают от Бога прощение грехов своих и беспрепятственно проходят мытарства ради своей милости, ибо Священное писание говорит: *милостыня от смерти избавит*[3]. Таким образом, творящие милостыню получают жизнь вечную; тем же, кто не старается милосердием очистить грехи свои, невозможно избегнуть сих испытаний, и их похищают мрачные мытари, которых ты видела; подвергая сии души жестоким мучениям, они низводят их в самые преисподние мес-

[1] Лк. 6, 25.
[2] Лк. 16, 19.
[3] Тов. 4, 10.

та ада и держат там в узах до страшного суда Христова. Тебе также трудно было бы избегнуть этой участи, если бы ты не получила искупления от дарованного тебе преподобным Василием.

Так беседуя, мы достигли пятого мытарства, называемого мытарством лености, в котором испытываются все дни и часы, проводимые в праздности, и истязаются тунеядцы, живущие чужим трудом, сами же ничего не делающие, а также наемники, получающие вознаграждение за дело, которое как следует не исполняют. В этом же мытарстве подвергаются истязаниям и те, которые не воздают хвалу Богу и ленятся в праздничные и воскресные дни ходить к утрене, к литургии и к иным службам Божиим. Испытуется там также уныние и небрежение о душе своей, и всякое проявление того и другого строго взыскивается, так что весьма многие люди мирского и духовного чина низвергаются с этого мытарства в пропасть. На этом мытарстве и я подвергнута была многим испытаниям, и невозможно мне было бы быть свободной от долгов его, если бы скудость моя не была исполнена дарованным от преподобного Василия, чем я была искуплена и чрез это получила свободу.

После того шли мы мытарством татьбы[1]. На нем мы также были остановлены, но, дав там немногое, скоро миновали его, ибо не нашлось на мне никакого греха татьбы, кроме совершенного мной небольшого проступка в детстве, по неразумию.

Оттуда мы пришли к мытарству сребролюбия и скупости, но и то скоро миновали. Ибо, при содействии Господа Бога, я не радела о многом стяжании и не была сребролюбивой, но довольствовалась тем, что посылал мне Господь; не была я также и скупой, но, что имела, усердно подавала нуждающимся.

Поднимаясь выше, встретили мы мытарство лихвы, где испытываются всевозможные лихоимцы и грабители, а также все, дающие серебро свое в лихву и приобретающие богатство беззаконными средствами. Злые духи этого мытарства, усердно исследовав все обо мне, ничего не нашли, в чем бы я была

[1] Татьба — воровство.

повинна, и от ярости скрежетали на меня зубами своими. Мы же пошли выше, благодаря Господа Бога.

После того мы достигли мытарства неправды, на котором подвергаются истязаниям все неправедные судьи, берущие мзду и оправдывающие виновных, невинных же осуждающие. Там же истязуются: удержание платы наемным рабочим, всякая неправильность в весах у торговцев, и взыскивается всякая неправда. Но мы, благодатью Христовой, прошли то мытарство без особых препятствий, мало что давши мытарям.

Также благополучно миновали мы следовавшее затем мытарство зависти, ничего не дав тем, потому что я никому не завидовала. На этом мытарстве испытывали также грехи вражды и ненависти, но я, благодатью Христовой, и в этих грехах оказалась неповинной. Видя это, бесы пришли в ярость и скрежетали на меня, но я не боялась их и с радостью поднималась выше.

Подобным же образом прошла я и мытарство гордости, где надменно-гордые духи взыскивают грехи тщеславия, самомнения и величания. Там прилежно истязуется и то, не оказывал ли кто непочтения и неповиновения родителям или старейшинам, получившим власть от Бога, а также прочие грехи гордости и самомнения. Там мы положили очень немногое из дарованного преподобным Василием, и я сделалась свободною.

Тогда достигли мы мытарства гнева и ярости, но и там, хотя и свирепы были воздушные истязатели, однако немного от нас получили, и мы пошли дальше, радуясь о Господе Боге, спасающем мою грешную душу молитвами преподобного отца моего святого Василия.

После чего дошли мы до мытарства злобы, на котором немилосердно истязуются держащие злобу на ближнего и воздающие злом за зло — и затем низводятся злобными духами в тартар[1].

---

[1] *Тартар* — неизмеримая пропасть, бездна адская. Это слово заимствовано из греческих сочинений, в которых под тартаром разумеется подземная, солнцем никогда не освещаемая и не согреваемая пропасть, где свирепствует холод. У христианских писателей этим словом обозначается место нестерпимого холода, куда будут посланы души грешных людей.

Но милосердие Божие и там помогло мне; ибо я не держала злобы ни на кого, не помнила зла по поводу содеянных мне неприятностей, но имела ко всем враждующим ко мне незлобие и по силе моей проявляла любовь к ним, побеждая благим злое. Таким образом, никакого греха злобы не нашли на мне на этом мытарстве, так что бесы от ярости рыдали, видя, что душа моя свободно отходит от них; мы же стали подниматься дальше, радуясь о Господе.

Восходя выше и выше, я спросила ведших меня святых ангелов:

— Умоляю вас, владыки мои, скажите мне: откуда известно страшным воздушным властям о каждом злом деле всех людей, живущих в мире, как, например, о моих злых делах, и притом не только о тех, которые явно сотворены, но даже и о тех, которые содеяны тайно?

И сказали мне святые ангелы:

— Всякий христианин от Святого крещения приемлет от Бога данного ему ангела-хранителя, который, невидимо храня человека, днем и ночью наставляет его на всякое благое дело во все время жизни его до самого смертного часа и записывает все добрые дела его, в течение всей жизни творимые, чтобы в награду за них человек мог получить от Бога милость и вечное воздаяние в небесном царствии. Точно так же и князь тьмы, желающий привлечь человеческий род к своей погибели, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, постоянно следуя за человеком, следит за всеми злыми делами его, творимыми от юности, своими кознями соблазняет его на преступные деяния и записывает все, что человек сотворил злое. Затем, отходя к мытарствам, сей лукавый дух вписывает каждый грех в соответственное ему мытарство, почему и осведомлены воздушные мытари о всех грехах, творимых людьми. И вот, когда душа какого-либо человека разлучится от тела и станет отходить к Создателю своему, в небесные селения, то лукавые духи, стоящие при мытарствах, преграждают ей путь, показывая все записанные грехи ее. И если в ней найдется

более добрых дел, чем грехов, то бесы не будут в силах удержать ее. Если же в ней более отыщется грехов, нежели добрых дел, то бесы на время удерживают ее и заключают как бы в темнице, где, по попущению Божию, и мучают ее, пока душа та восприимет искупление от мук их, по молитвам Церкви и чрез милостыню, творимую в память ее ближними ее. Если же какая-либо душа окажется столь грешна и мерзостна пред Богом, что у нее не будет никакой надежды на спасение и будет ожидать ее вечная погибель, то такую душу бесы тотчас же низвергают в бездну, в которой уготовано место вечных мучений и для них самих, и в этой бездне держат ее до второго пришествия Господня, после коего она должна мучиться вечно в геенне огненной[1] вместе с телом. Нужно еще и то заметить, что сим путем восходят и такие истязания принимают только те, кто просвещены верой и Святым крещением. Неверные же язычники, сарацины и все вообще иноверцы этим путем не идут. Еще будучи живы телом, они душой уже мертвы, погребены во аде; потому когда они умирают, то бесы тотчас же, без великого испытания, берут души их, как по праву принадлежащие им, и низводят в пропасти ада.

Когда ангелы все это возвещали мне, мы вошли в мытарство убийства, в котором испытывается не только разбой, но и всякая рана, всякий удар, нанесенный куда-либо, по плечам или по главе, а также всякие заушения или толчки, сделанные во гневе. Все это на мытарстве том тщательно испытывается и на весы полагается; но мы благополучно миновали его, немного положив для выкупа.

---

[1] *Геенна огненная* — место вечных мучений (Мф. 10, 28; Ин. 3, 6). Это название произошло от еврейских слов, которые означают долину Енном близ Иерусалима, где в честь Молоха были сожигаемы дети (4 Цар. 16, 3—4). После отменения израильским царем Иосиею сего ужасного жертвоприношения (4 Цар. 23, 10) в долину Енном сваливались трупы казненных злодеев, падаль и всякая нечистота, и все это предавалось огню. Посему и встречаем выражение — геенна огненная. (См. Мф. 5, 22, 29, 30; 18, 9; Мк. 9, 47).

Также миновали мы и мытарство чарований, отравлений наговорными травами и призываний бесов с целью волшебства. Духи этого мытарства были подобны четвероногим гадам, скорпионам, змеям, ехиднам и жабам, и зрак их был весьма страшен и мерзок. Но там, благодатью Христовой, не нашлось на мне никакого греха, и мы тотчас прошли мытарство, ничего не дав злым мытарям. В ярости они кричали на меня и говорили:

— Вот ты придешь на мытарство блуда. Посмотрим, как ты избегнешь его?

Когда же мы поднимались выше, то я спросила ведших меня святых ангелов:

— Владыки мои, все ли христиане проходят эти мытарства, и нельзя ли человеку пройти их без всякого истязания и страшных мучений?

Святые ангелы ответили мне:

— Для душ верных иного пути, возводящего к небу, нет, и все грядут этим путем, но не все подвергаются таким истязаниям, каким подвергалась ты, но только подобные тебе грешники, которые несовершенную исповедь грехов своих совершали пред духовным отцом, стыдясь беззаконных дел своих и утаивая многие из них. Если же кто искренне и по правде, не утаивая ничего, исповедывает все дела свои и с сердечным сокрушением кается во всех соделанных им прегрешениях, то грехи такого человека, по милосердию Божию, невидимо изглаждаются, и когда душа его грядет по мытарствам, воздушные истязатели, разогнув свои книги, не находят в них никаких рукописаний ее грехов и не могут сделать ей никакого зла, так что душа та беспрепятственно и в веселии восходит к престолу Благодати. И ты, если бы сотворила совершенную исповедь и покаялась бы во всех грехах твоих, не претерпела бы таких грозных истязаний на мытарствах. Но теперь тебе помогло то, что ты давно уже перестала творить смертные грехи и добродетельно проводила последние годы жизни твоей, особенно же помогли тебе молитвы преподобного отца твоего Василия, которому ты долго и усердно служила.

Так беседуя, дошли мы до мытарства блуда, на котором истязуется всякое любодеяние, всякая блудная мысль и мечтание, а также страстные прикосновения и любострастные осязания. Князь этого мытарства восседал на престоле своем, облаченный в одежду скверную и смрадную, окропленную кровавой пеной, и множество бесов предстояло ему. Видев меня дошедшею до них, они много дивились, а затем, вынеся написания блудных дел моих, обличали меня, указывая, с кем, когда и где я грешила во время юности моей. И не имела я ничего, что бы возразить им, и от страха трепетала, исполнившись стыда. Тогда ангелы сказали бесам:

— Но ведь она уже много лет не творила блудных дел и постнически, в чистоте и воздержании прожила все последние годы своей жизни.

Бесы ответили им:

— Знаем, что она давно уже отстала от блудного греха, но все же она принадлежит нам, потому что не совершенно и не вполне искренне каялась пред своим духовным отцом в содеянных раньше грехах, многое утаивая от него; а потому или оставьте ее нам, или выкупите ее добрыми делами.

Ангелы положили им многое от добрых дел моих и еще больше от дарования преподобного Василия, и, едва избавившись от лютой беды, я была унесена оттуда.

После того мы достигли мытарства прелюбодеяния, в котором истязуются грехи живущих в супружестве и не соблюдающих супружеской верности, но оскверняющих свое ложе, а также всевозможные похищения девственниц с целью растления их и всякие блудодейственные насилия. Здесь же истязуются падения и тех, кто посвятил себя Богу и дал обет соблюдать жизнь свою в чистоте и девстве, но потом не сдержал этого обета. На этом мытарстве и я была обличена как прелюбодеица и не имела ничего, что бы сказать в свое оправдание, так что немилосердные истязатели, скверные и нечистые духи, уже намеревались похитить меня из рук ангельских и низвести на дно ада. Но святые ангелы вступили в спор с ними и представили все по-

следующие труды мои и подвиги; и таким образом искупили меня всеми оставшимися добрыми делами моими, которые положили там все до последнего, оставив вместе с тем и весьма многое из дарованного преподобным Василием. Все это они возложили на весы против моих беззаконий и, взяв меня, понесли далее.

Тут мы приблизились к мытарству содомских грехов, на котором истязуют противоестественные грехи мужчин и женщин, мужеложество и скотоложество, кровосмешения и иные тайные грехи, о которых стыдно и вспоминать. Князь этого мытарства имел весьма скверный и безобразный вид и весь был покрыт смрадным гноем; слуги его во всем были подобны ему: смрад их был весьма нестерпимый, вид мерзкий и страшный, ярость и лютость чрезмерная. Увидев нас, они поспешно вышли навстречу и обступили нас, но, не найдя во мне, по милости Божией, ничего, за что бы могли привлечь к суду своему, со стыдом отбежали; мы же с радостью пошли далее.

Поднимаясь выше, ангелы сказали мне:

— Вот ты, Феодора, видела страшные и мерзкие мытарства блудных дел. Знай, что немногие души проходят эти мытарства беспрепятственно, так как мир во зле лежит, люди же весьма слабы и от юности пристрастны к любодейным грехам. Мало, очень мало людей, умерщвляющих свои плотские похоти, и посему редко кто эти мытарства проходит свободно и беспрепятственно; напротив, весьма много таких людей, которые, дошедши до этого мытарства, здесь погибают, ибо истязатели блудных дел похищают пристрастных к любодеянию людей и низвергают во ад, подвергая их жесточайшим мукам. Князи блудных мытарств даже похваляются, говоря: «Мы одни более всех других мытарей воздушных пополняем число низвергнутых на дно ада, которые таким образом как бы вступают в родство с нами, подвергаясь одинаковой с нами участи». Посему, Феодора, ты возблагодари Бога за то, что, молитвами преподобного отца твоего Василия, миновала эти мытарства и больше не испытаешь какого-либо зла и не будешь знать страха.

Между тем мы подошли к мытарству ересей, где истязуются неправые мудрования о вере, отступления от православного исповедания веры, неверие, сомнения в истинах богооткровенного учения, хулы на святыню и тому подобные грехи. Это мытарство я миновала без всякого испытания и была уже недалеко от врат в небесное царствие.

Наконец, встретили нас злобные духи последнего мытарства, называемого мытарством жестокосердия. Истязатели этого мытарства весьма жестоки и люты, но особенно лют князь их, имеющий весьма унылый и скорбный вид, дышащий огнем ярости и немилосердия. На мытарстве том без всякой милости испытываются души немилосердных. И если кто-нибудь, хотя и совершит многие подвиги, будет постоянно соблюдать посты и усердно молиться, а также сохранит неоскверненной чистоту свою, но при этом окажется немилостивым и затворит сердце свое для ближнего, тот низвергается оттуда в ад и заключается в бездне и таким образом сам остается лишенным милости. Но мы и это мытарство, благодатью Христовой, миновали без особых препятствий, благодаря молитвам преподобного Василия, даровавшего нам от своих добрых дел многое для моего искупления.

Так, миновав все страшные мытарства, мы с радостью великой приблизились к самым вратам небесного царствия. Были эти врата подобны светлому кристаллу, и от них исходило неизреченное сияние; у врат стояли световидные юноши, которые, видя меня несомой руками ангельскими, исполнились веселия, радуясь, что я избавилась воздушных мытарств, и, с любовью встретив нас, ввели чрез врата внутрь небесного царствия. И что я там видела и слышала, о чадо Григорий, — продолжала блаженная Феодора, — о том невозможно рассказать подробно! Видела я, что око человеческое *не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*[1]. Наконец, предстала я пред престолом Божественной славы, окруженным серафима-

---

[1] I послан. Коринф., гл. 2, ст. 9.

ми, херувимами и множеством небесных воинств, неизреченными песнями всегда славящих Господа. Тут я, падши, поклонилась невидимому и неведомому Богу. И воспели небесные силы сладкозвучную песнь, прославляя Божественное милосердие, которое не могут победить никакие грехи человеческие. От престола же славы Божией в это время раздался глас, повелевающий ведшим меня святым ангелам показать мне все райские обители святых и все мучения грешников и потом водворить меня в обитель преподобного Василия. И водили меня святые ангелы всюду, так что я видела множество прекрасных селений и обителей, исполненных славы и благодати, — обителей, которые были уготованы любящим Бога. Видела я там обители апостольские, пророческие, мученические, преподобнические и другие, особые для каждого чина святых. Каждая обитель была неизреченной красоты, широтой и длиной равнялась, сказала бы я, Царьграду, но при этом отличалась несравненно большей красотой, имея много светлых палат нерукотворных. Всюду в обителях тех раздавался глас радости и веселья духовного, и видны были лики веселящихся праведников, которые, видя меня, радовались о моем спасении, с любовью встречали меня и лобызали, восхваляя Господа, избавившего меня от сетей вражеских. Окончив обхождение райских обителей, я низведена была в преисподние земли и видела страшные и нестерпимые муки, во аде грешникам уготованные. Показывая их, святые ангелы говорили мне:

— Смотри, Феодора, сколь жестоких мук избавил тебя Господь, молитвами святого угодника Своего Василия.

Обходя пропасти ада, я слышала и видела там плач, вопль и горькое рыдание пребывающих в тех муках. Одни из них вопияли: «О, горе нам!», другие воздыхали: «Увы, как тяжко нам!», третьи проклинали день рождения своего.

После всего ведшие меня ангелы привели меня в обитель преподобного Василия, которую ты видишь, и водворили меня здесь, сказав:

— Ныне преподобный Василий память о тебе творит.

И поняла я, что пришла в это место успокоения на сороковой день по разлучении моем от тела[1].

Все это преподобная Феодора поведала Григорию в сонном видении и показала ему красоту обители, в которой она находилась, и все духовные богатства ее, собранные многими трудами и по́том блаженного отца Василия.

Здесь окончилось видение. По окончании его Григорий воспрянул от сна и много размышлял, удивляясь виденному и слышанному от блаженной Феодоры. Поутру же он пошел к преподобному Василию, чтобы получить от него обычное благословение. Преподобный спросил его:

— Чадо Григорий, где ты был в эту ночь?

Он же, как будто ничего не ведая, ответил:

— Спал, отче, на постели моей.

Старец сказал на это:

— Знаю, что телом ты почивал на постели, духом же ты был в ином месте. Или ты забыл, что открыл тебе Бог этой ночью в сонном видении? Вот ты получил, что так сильно желал: видел Феодору, слышал о переходе ее в будущую жизнь от нее самой и был в обители моей, которая, по благодати Христовой, уготована мне ради малых трудов моих. Таким образом, ты созерцал все, что желал знать.

Услышав такие слова, Григорий познал, что сон его был не ложным мечтанием, но действительным откровением от Бога, исходатайствованным молитвами преподобного; тогда, возблагодарив Бога, он поклонился духовному отцу своему, после чего получил от него приличное случаю наставление.

---

[1] В 40-й день по разлучении души от тела, по учению Церкви, оканчивается хождение души по мытарствам и произносится временный суд над ней, после которого она водворяется или на месте веселия, или на месте мучения, — где и пребывает до времени второго пришествия Господня на землю и окончательного суда Сына Божия над людьми.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод Н. Трауберг

Клайв С. Льюис
АД. ЧИСТИЛИЩЕ. РАЙ

I. ВВОДНАЯ ГЛАВА

Ни один автор канонических книг не воспользовался природой, чтобы доказать существование Бога.

Б. Паскаль. Мысли

Если бы несколько лет назад, когда я еще был атеистом, меня спросили, почему я не верю в Бога, я ответил бы примерно так: «Посмотрите на мир, в котором мы живем. Почти весь он состоит из пустого, темного, немыслимо холодного пространства. В нем так мало небесных тел и сами они так малы по сравнению с ним, что, даже будь они все населены счастливейшими существами, нелегко поверить, что сотворившая их сила имела в виду именно их счастье и жизнь. На самом же деле ученые считают, что планеты есть у очень немногих звезд (быть может, только у нашего Солнца), а в Солнечной системе населена, по-видимому, одна Земля. И более того, миллионы лет жизни на ней не было. Да и что это за жизнь? Все формы ее существуют, уничтожая друг друга. В самом низу это приводит к смерти, но выше, когда включены чувства, это порождает особое явление — боль. Живые существа причиняют боль, рождаясь на свет, и живут чужой болью, и в боли умирают. На самом же верху, у человека, есть еще одно явление — разум; он может предвидеть боль, предвидеть смерть, а кроме того, способен измыслить гораздо больше боли для других. Способностью этой мы воспользовались на славу. Человеческая история полна преступлений, войн, страданий и страха, а счастья в ней ровно столько, что, пока оно есть, мы мучительно боимся его потерять, когда же оно ушло — страдаем еще больше. Время от времени жизнь становится вроде бы получше, создаются цивилизации. Но все они гибнут, да и в них принесенные ими облегчения вполне уравновешиваются новыми видами страданий. Вряд ли кто-нибудь будет спорить, что в нашей цивилизации равновесие это достигается, и многие согласятся, что сама она исчезнет, как все прежние. А если не исчезнет, что с того? Мы все равно обречены, весь свет обречен, ибо, как

говорит нам наука, Вселенная станет когда-нибудь единообразной, бесформенной и холодной. Все сюжеты кончатся ничем, и жизнь окажется на поверку лишь мимолетной, бессмысленной усмешкой на идиотском лице природы. Я не верю, что все это сотворил добрый и всемогущий дух. Или духа такого нет вообще, или он безразличен к добру и злу, или он просто зол».

Одно не приходило мне в голову: я не замечал, что сама сила и простота этих доводов ставит новую проблему. Если мир так плох, почему люди решили, что его создал мудрый Творец? Быть может, люди глупы — но не настолько же! Трудно представить себе, что, глядя на страшный цветок, мы сочтем благим его корень, или, видя нелепый и ненужный предмет, решим, что создатель его умен и умел. Мир, известный нам по свидетельству чувств, не мог бы стать основанием веры; что-то другое должно было породить и питать ее.

Вы скажете, что предки наши были темны и считали природу лучшей, чем считаем ее мы, знакомые с успехами науки. И ошибетесь. Людям давно известно, как чудовищно велика и пуста Вселенная. Вы читали, наверное, что в Средние века Земля казалась людям плоской, а звезды — близкими; но это неправда. Птолемей давно сказал, что Земля — математическая точка по сравнению с расстоянием до звезд, а расстояние это в одной очень старинной книге определяется в сто семнадцать миллионов миль. Да и дальше, с самого начала, другие, более явные вещи давали людям ощущение враждебной бесконечности. Для доисторического человека соседний лес был достаточно велик и так же чужд и зол, как чужды и злы для нас космические лучи или остывающие звезды. Боль, страдание и непрочность человеческой жизни всегда были известны людям. Наша вера возникла среди народа, зажатого между великими воинственными империями, подвергавшегося нашествиям, уводимого в плен, познавшего трагедию побежденных, как Армения или Польша. Нелепо считать, что страдание открыла наука. Отложите эту книгу и подумайте пять минут о том, что все великие религии возникли и много веков развивались в мире, где не было наркоза.

Словом, в любое время трудно было выводить мудрость и благость Творца из наблюдений над миром[1]. Религия рождалась иначе. Сейчас я

[1] Я хочу сказать, что никто так не делал при возникновении веры. Когда вера уже есть, многие пытаются объяснить (или отрицать) изобилие бед в так называемых теодицеях.

буду описывать *происхождение* веры, а не защищать ее самое, — мне кажется, без этого нельзя поставить правильно вопрос о страдании.

Во всех развитых религиях мы обнаруживаем три элемента (в христианстве, как вы увидите, есть еще и четвертый). Первый из них — то самое, что профессор Отто называет «ощущением священного». Тем, кто не встречал этого термина, я его попытаюсь объяснить. Если вам скажут: «В соседней комнате — тигр», вы испугаетесь. Но если вам скажут, что в соседней комнате привидение, и вы поверите, вы испугаетесь иначе. Дело тут не в опасности — никто толком не знает, чем опасно привидение, а в самом факте. Такой страх перед неведомым можно назвать ужасом или жутью. Здесь мы касаемся каких-то границ «священного». Теперь представьте себе, что вам скажут просто: «В соседней комнате — могучий дух». Страх, чувство опасности будут еще меньше, смущение — еще больше. Вы ощутите несоответствие между собой и этим духом и даже преклонение перед ним, то есть чувство, которое можно выразить словами Шекспира: «Мой дух подавлен им». Вот это и есть благоговейный страх перед тем, что мы назвали «священным».

Нет сомнений, что человек с очень давних времен ощущал мир как вместилище всяческих духов. Вероятно, профессор Отто не совсем прав и духи эти не сразу стали вызывать «священный страх». Доказать это нельзя, ибо язык не различает толком страх перед священным и страх перед опасностью — мы и сейчас говорим, что «боимся привидений» и «боимся повышения цен». Вполне возможно, что когда-то люди просто боялись духов, как тигров. Несомненно другое: теперь, в наши дни, «ощущение священного» существует и мы можем проследить его далеко в глубь веков.

Если мы не слишком горды, чтобы искать примеры в детской книжке, прочитаем отрывок из «Ветра в ивах», где Крыс и Крот подходят все ближе к Духу Острова. «Крыс, — чуть слышно прошептал Крот, — а ты не боишься?» — «Боюсь? — переспросил Крыс, и глазки его засияли несказанной любовью. — Ну что ты! А все-таки... ой, Крот, я так боюсь!»

Продвинувшись на век дальше, мы найдем примеры у Вордсворта в замечательном отрывке из первой книги «Прелюдии», где он описывает свои ощущения от прогулки на лодке пастуха, еще дальше — у Мэлори, где сэр Галахад «задрожал, ибо смертная его плоть коснулась невидимого»[1]. В начале нашей эры мы прочитаем в «Откровении»,

[1] XVII, 21.

что Иоанн Богослов пал к ногам Христа «как мертвый». В языческой поэзии мы найдем у Овидия[1] строку о месте, где «numen inest»; а Вергилий описывает дворец Латина, который «рощей... был окружен и священным (religione) считался издревле»[2]. В греческом фрагменте, приписываемом Эсхилу, увидим слово о том, как море, земля и горы трепещут «под страшным оком своего господина»[3]. Продвинемся еще, и пророк Иезекииль скажет нам о небесных колесах, что «страшны были они» (Иез. 1, 18), а Иаков, вставши ото сна, воскликнет: «Страшно сие место!» (Бт. 28, 17).

Мы не знаем, как далеко можно было бы еще продвигаться. Самые древние люди почти наверняка верили в вещи, которые вызвали бы такое чувство *у нас*, — и только в этом смысле мы и вправе сказать, что «ощущение священного» старо, как человечество. Но дело не в датах. Дело в том, что когда-то, на какой-то ступени ощущение это возникло и укоренилось, и не ушло, несмотря на весь прогресс науки и цивилизации.

Ощущение, о котором мы говорим, не порождено воздействием видимого мира. Вы можете сказать, что для древнего человека, окруженного бесчисленными опасностями, вполне естественно было измыслить неведомое и «священное». В определенном смысле вы правы — и вот в каком: вы сами человек, как и он, и вам легко представить, что опасность и затерянность вызовут в вас такое чувство. Нет ни малейших оснований полагать, что у другого вида сознания мысль о ранах, боли или смерти приведет к такому ощущению. Переходя от телесного страха к «страху и трепету», человек прыгает в бездну; он узнает то, что не может быть *дано* в физическом опыте и в логических выводах из него. Научные объяснения сами нуждаются в объяснении — скажем, антропологи выводят вышеназванное чувство из «страха перед мертвыми», не открывая нам, почему столь безобидные существа, как мертвые, вызывают страх. Мы же подчеркиваем, что ужас и жуть находятся совсем в других измерениях, чем страх перед опасностью. Никакое перечисление физических качеств не дает представления о красоте тому, кому она неведома; так и тут: никакое перечисление опасностей не дает и малого представления о том особом чувстве, которое я пытаюсь описать. По-видимому, из него логически вытекают лишь две точки зрения: или это

---

[1] Фасты, III, 296.

[2] Энеида, VII, 172.

[3] Фрагм. 464.

болезнь нашей души, ничему объективному не соответствующая, но почему-то не исчезающая даже из таких полноценных душ, как души мыслителя, поэта или святого; или же это — ощущение действительных, но внеприродных явлений, которое мы вправе назвать откровением.

Однако «священное» — не то же самое, что «доброе», и одержимый ужасом человек, предоставленный самому себе, может подумать, что оно «по ту сторону добра и зла». Тут мы переходим ко второму элементу веры. Все люди, о которых есть хотя бы малейшее свидетельство, признавали какую-то систему нравственных понятий — о чем-то могли сказать «я должен», о чем-то «нельзя». Этот элемент тоже не может быть прямо выведен из простых, видимых фактов. Одно дело «я хочу», или «меня заставляют», или «мне выгодно», или «я не смею», и совершенно другое — «я должен».

Как и в первом случае, ученые объясняют этот элемент тем, что само нуждается в объяснении, скажем (как знаменитый отец психоанализа), неким доисторическим отцеубийством. Отцеубийство породило чувство вины лишь потому, что люди сочли его злом. Нравственность — тоже прыжок через пропасть от всего того, что может быть дано в опыте. Однако в отличие от «страха и трепета» она обладает еще одной важной чертой: нравственные системы различны (хотя и не настолько, как думают), но все они до единой предписывают правила поведения, которых сторонники их не выполняют. Не чужой кодекс, а свой собственный осуждает человека, и потому все люди живут в ощущении вины. Второй элемент религии — не просто осознание нравственного закона, но осознание закона, который мы приняли и не выполняем. Этого нельзя ни логически, ни как-либо иначе вывести из фактов опыта. Или это необъяснимая иллюзия, или — все то же откровение.

Нравственное чувство и «ощущение священного» так далеки друг от друга, что они способны очень долго существовать, не соприкасаясь. В язычестве сплошь и рядом почитание богов и споры философов никак между собой не связаны. Третий элемент религиозного развития возникает тогда, когда человек их отождествляет, — тогда, когда божество, внушающее трепет, воспринимается и как страж нравственности. Быть может, и это кажется нам естественным. Действительно, людям это свойственно; но «само собой» это никак не разумеется. Мир, населенный божествами, ведет себя совсем не так, как велит нам нравственный кодекс, — он несправедлив, безразличен и жесток. Не объяснит ничего и предположение, что нам просто хочется так думать, — кто

захочет, чтобы нравственный закон, и сам по себе нелегкий, был облечен загадочной властью «священного»? Без сомнения, этот прыжок — самый удивительный, и не случайно сделали его не все; вненравственная религия и внерелигиозная нравственность существовали всегда, существуют и теперь. Наверное, лишь один народ совершил его полностью; но великие личности всех стран и времен тоже совершали его на свой страх и риск, и лишь они спасались от непотребства и дикости вненравственной веры или от холодного самодовольства чистой морали. Логика не побуждает нас к этому прыжку, но что-то иное влечет к нему, и даже в пантеизме или язычестве нет-нет да проступит нравственный закон; даже сквозь стоицизм проглянет какое-то почтение к Богу. Быть может, и это — безумие, соприродное человеку и почему-то приносящее прекрасные плоды. Но если это — Откровение, то поистине в Аврааме благословились племена земные, ибо одни евреи смело и полностью отождествили то страшное, что живет на черных вершинах гор и в грозовых тучах, с Господом *праведным*, Который «любит правду» (Пс. 10, 7).

Четвертый элемент появился позже. Среди евреев родился Человек, Который назвал Себя Сыном страшного и праведного Бога. Более того, Он сказал, что Он и этот Бог — одно. Претензия эта так ужасна, так нелепа и чудовищна, что на нее могут быть лишь две точки зрения: или этот человек был безумцем самого гнусного рода, или Он говорил чистую правду. Третьего не дано. Если другие свидетельства о нем не дают вам склониться к первой точке зрения, вы обязаны принять вторую. А если вы приняли ее, все, что утверждают христиане, станет возможным. Уже нетрудно будет поверить, что Человек этот воскрес, а смерть Его каким-то непостижимым образом изменила в лучшую сторону наши отношения со страшным и праведным Богом.

Спрашивая, похож ли видимый мир на творение мудрого и доброго Создателя или скорее на что-то бессмысленное, если не злое, мы отметаем все, что есть важного в религиозной проблематике. Христианство не выводится из философских споров о рождении Вселенной; оно — сокрушительное историческое событие, увенчавшее долгие века духовной подготовки. Это не система, в которую надо как-то втиснуть факт страдания; это — факт, с которым приходится считаться любым нашим системам. В определенном смысле оно не разрешает, а ставит проблему страдания — в страдании не было бы проблемы,

если бы, живя в этом кишащем бедами мире, мы не верили в то, что последняя реальность исполнена любви.

Я постарался рассказать о том, почему вера представляется мне обоснованной. Логика к ней не понуждает. На любой ступени развития человек может взбунтоваться, в определенном смысле насилуя свою природу, но не погрешая против разума. Он может закрыть глаза и не видеть «священного», если он готов порвать с половиной великих поэтов и со всеми пророками и с собственным детством. Он может счесть вымыслом нравственный закон и отрезать себя от человечества. Он может не признать единства Божественного и праведного и стать дикарем, обожествляющим пол, или смерть, или силу, или будущее. Что же до исторического Воплощения, оно требует особенно сильной веры. Оно до странности похоже на многие мифы — и не похоже на них. Оно не поддается разуму, его нельзя выдумать, и нет в нем подозрительной, априорной ясности пантеизма или ньютоновой физики. Оно произвольно и непредсказуемо, как тот мир, к которому приучает нас понемногу современная физика, мир, где энергия — в каких-то крохотных сгустках, где скорость не безгранична, где необратимая энтропия придает направление времени, а Вселенная движется, как драма, от истинного начала к истинному концу. Если весть из самого сердца реальности способна достичь нас, ей вроде бы пристала та неожиданность, та упрямая сложность, которую мы видим в христианстве. Да, в христианстве есть именно этот резкий привкус, именно этот призвук истины, не созданной нами и даже не созданной для нас, но поражающей нас, как удар.

Если, поверив этому чувству или другим, лучшим доводам, мы пойдем по пути, по которому ведут человечество, и сделаемся христианами, перед нами встанет проблема страдания.

II. ВСЕМОГУЩЕСТВО БОЖИЕ

> Ничто, приводящее к противоречию, не входит во всемогущество Бога.
>
> *Фома Аквинский. Сумма теологии*

«Если Господь благ, Он хочет счастья Своим созданиям, а если Он всемогущ, Он может все, что хочет. Однако создания Его несчастливы. Значит, Бог недостаточно благ или недостаточно могуществен».

Так ставится в самой простой форме проблема страдания. Чтобы ответить, надо прежде всего определить, что такое благость и что такое могущество, а может быть, и что такое счастье: ведь если верны лишь обычные, привычные значения этих слов, на довод этот ответить невозможно. Сейчас мы поговорим о всемогуществе, а потом — о благости.

Всемогущество означает «способность делать все»[1]. В Писании сказано, что Богу все возможно. Обычно, споря с неверующими, мы слышим от них, что Бог, если бы Он был, сделал бы то-то и то-то, а когда мы отвечаем, что это невозможно, они говорят: «Как же так? А я думал, что Бог у вас может все». Тем самым, встает вопрос о том, что такое «невозможно».

Когда мы говорим «невозможно», мы обычно опускаем еще какую-нибудь фразу, начинающуюся со слов «если только не». Так, оттуда, где я пишу, невозможно увидеть улицу, если только не обрушится передо мною стена. Но можно ведь сказать иначе: «Оттуда, где я пишу, невозможно увидеть улицу, если все останется, как есть». Конечно, можно и тут прибавить: «Если только не изменится природа пространства» или «природа зрения» и т. п. Не знаю, что сказали бы на это настоящие философы и ученые, но я бы ответил: «Не уверен, что пространство или зрение *могли бы* так измениться». Слова «могли бы» соотносятся здесь с некоей абсолютной невозможностью, отличающейся от возможностей и невозможностей относительных, о которых мы говорили до сих пор. Я не уверен в том, что вообще возможно видеть по кривой, потому что я не знаю, есть ли в этом внутреннее противоречие. Зато я знаю, что, если это противоречие есть, это совершенно невозможно. Таким образом, абсолютно невозможное мы вправе назвать внутренне невозможным, так как оно несет свою невозможность в себе, а не заимствует ее из других, относительных невозможностей. К нему не приставишь «если только не». Оно невозможно никому, нигде и никогда.

Говоря «никому», я включаю сюда и Бога. Всемогущество — это сила, позволяющая делать все, что внутренне возможно, и не более того. Бог творит чудеса, но не чепуху. Мы не ставим здесь предела Его всемогуществу. Ведь если мы скажем: «Бог может дать существу свободную волю и в то же время не давать ему свободной воли», мы не скажем о Боге *ничего:* бессмысленные сочетания слов не обретут значения отто-

[1] Первоначальное латинское значение слова — это «власть *над* всем». Я даю обычное понимание.

го, что мы приставили к ним еще два слова: «Бог может». *Все*, то есть все вещи и действия, возможно Богу; а внутренне невозможное — не вещь и не действие, ничто. Бог не больше нас способен сочетать несочетаемое — не потому, что воля Его натолкнется на препятствие, а потому, что чепуха остается чепухой, даже когда, мы говорим о Боге.

Однако надо помнить, что люди ошибаются, они часто считают невозможным возможное и наоборот[1]. Поэтому будем очень осторожны, признавая то или иное внутренней невозможностью. Все дальнейшее в этой главе рассматривайте не как утверждение, а как предположения и догадки.

На первый взгляд «законы природы», глухие к страданию и молитве, — сильный довод против благости и силы Божией. Сейчас я попытаюсь показать, что даже Всемогущество не может создать общества свободных душ, не создавая при этом относительно независимой и «непреклонной» природы.

По всей вероятности, самосознание — осознание себя — может существовать лишь по контрасту с «другими». Осознать свое «я» можно лишь на фоне окружения, особенно — общества других «я». Если бы мы были теистами, это ставило бы нас в тупик, но учение о Пресвятой Троице показывает нам, что некое подобие «общества» извечно и в Боге; мы знаем, что Бог есть любовь не только в платоновом смысле, но и в том, что в Нем взаимная любовь существует прежде всех миров и потом уже сообщается Его творениям.

Кроме того, свобода означает свободу выбора, а выбор предполагает, что есть из чего выбирать, есть предметы. В пустоте выбирать нечего; и потому свобода, как и самосознание (если они не одно и то же), предполагает существование чего-то иного, чем ты сам.

Минимальное условие самосознания и свободы — чтобы создание воспринимало Бога и отличало себя от Бога. Быть может, и есть существа, сознающие Бога и себя, больше никого. Если они есть, выбор их прост: любить себя больше Бога или Бога больше, чем себя. Но мы такую жизнь вообразить не можем. А как только мы введем взаимное осознание тварных существ, мы не обойдемся без «природы».

Нам часто кажется, что очень легко общаться двум чистым сознаниям. Но я просто не вижу, как им общаться без внешнего мира,

---

[1] Например, зрителям кажется, что хороший фокус противоречит сам себе.

без «среды». Даже смутные наши попытки представить себе общение бестелесных душ предполагают общее пространство и общее время. Но этого мало. Если бы ваши желания и мысли воспринимались мною прямо, как мои собственные, как бы я их отличил? Да и о чем нам думать тогда и чего хотеть? Если вы христианин, вы можете ответить мне, что Бог (и дьявол) действует на наше сознание именно так, прямо. Да, и потому очень многие о них и не подозревают. Можно предполагать, что если бы души человеческие действовали друг на друга прямо и нематериально, то лишь очень сильная вера и очень большое прозрение убеждали бы нас в бытии нам подобных. Знать ближнего было бы труднее, чем знать Бога, потому что сейчас мне помогают вещи, доходящие до меня через внешний мир, — Предание, Писание, слова благочестивых друзей. Для существования человеческого общества необходима нейтральная среда. Она у нас и есть. Я могу говорить с вами, потому что мы оба можем посылать друг другу воздушные волны. Материя, разъединяющая души, и соединяет их. Благодаря ей у каждого из нас есть «внешнее»; а то, что для вас — акты мысли и воли, становится для меня зрением и звуком. Благодаря ей вы можете не только *быть*, но и *являться*.

Итак, общество предполагает некое общее поле, среду. Если есть общество ангелов (а мы в это верим), у них тоже должна быть какая-то среда, то, что для них — как материя для нас в нынешнем, а не схоластическом значении этого слова.

Но если материя служит нейтральным полем, у нее должна быть своя определенная природа. Если бы в материальной системе обитало лишь одно существо, она могла бы поминутно изменяться по его желанию. Но если ввести в такой мир и другое существо, оно уже действовать не сможет. Оно вряд ли даже смогло бы сообщить о себе тому, первому, потому что вся материя была бы в чужой, а не в его власти.

Если же материя обладает определенной природой и подчиняется законам, то не все состояния материи будут приятны той или иной душе и одинаково благотворны для материального ее дополнения, называемого телом. Огонь греет тело на одном расстоянии, сжигает на другом. Даже в совершенном мире нужны те сигналы опасности, которые, по-видимому, и передает наша нервная система. Значит ли это, что зло (в форме боли) неизбежно в любом из возможных миров? Я думаю, нет: если грех дурен даже в минимальной дозе, боль до определенного уровня злом не становится, она не страшна и не дурна. Никто не возразит против того, что поближе к огню — чуть жарче

и дальше идти нельзя; а когда после долгой прогулки у нас побаливают ноги, нам даже приятно.

Но и это не все. Еще менее возможно, чтобы материя мира была одинаково приятна каждому в каждый момент. Если кто-либо спускается с горы, то идущий ему навстречу должен подниматься на гору. Если камешек лежит там, где я хочу, он не может лежать там, где хотите вы, — разве что желания наши случайно совпадают. Это совсем не зло: без этого не было бы всех тех уступок, жертв и подарков, без которых любви, доброте и деликатности не выразить себя. Но именно это открывает путь и величайшему злу — соперничеству и вражде. А поскольку души свободны, они вольны выбирать и вежливость, и соперничество. Выбравши же вражду, они могут использовать природу во вред другим. Природа дерева позволяет сделать из него и посох, и дубину. Природа материи вообще означает, что в сражении победу одержат более искусные, лучше вооруженные, превосходящие числом воины, даже если их цели и несправедливы.

Наверно, можно представить себе мир, в котором Бог то и дело выправляет злоупотребления свободной воли, — дубина становится мягкой, а воздух не может передать звуковые волны оскорбительных слов. Но в этом мире не будет свободы воли, даже помыслов дурных там не будет, клетки мозга откажутся их обрабатывать. Мы, христиане, верим, что Бог может менять поведение материи и прибегает иногда к этой возможности, творя чудеса, но чудо на то и чудо, что оно исключительно редко. Играя в шахматы, вы можете вдруг поддаться сопернику, и это будет выглядеть так же, как чудо по отношению к законам природы. Вы можете отдать ладью или позволить, чтобы соперник вернул ошибочный ход. Но если вы уступите ему во всем — будете возвращать все ходы, а ваши фигуры исчезнут, как только его позиция покажется ему не совсем удовлетворительной, — игры не будет. Твердые законы, причинно-следственные связи, весь природный порядок — это и рамки, в которые вписана жизнь наших душ, и непременные условия этой жизни. Попробуйте исключить отсюда ту возможность страдания, которую неизбежно порождают и природный порядок, и наличие свободных воль, — и вы увидите, что исключили саму жизнь.

Повторяю: все это домыслы. Лишь у Господа достаточно данных и мудрости, чтобы знать, каков мир, но думаю, что мир *не проще* этого. Надеюсь, вы понимаете, что сложен он лишь для нас, людей, — это нам его трудно постичь. Бог не ведет рассуждения, как мы, но знает все сразу в едином и полном акте творения; нам же представляется, что Он

9 Зак. № 387

создал много независимых людей и вещей, а потом — что Он создал вещи, необходимые друг другу. Даже мы можем взглянуть на дело проще, учитывая не только «множественность» и «отдельность» вещей, но и их «совместность». Чем больше мы думаем, тем яснее нам единство творческого акта и тем труднее помыслить и представить, что тот или иной его элемент можно было бы устранить. Наверно, это не лучший из возможных миров, но просто единственно возможный. Что такое «возможные миры», как не миры, которые Господь мог бы создать и не создал? Но размышления о том, что́ Бог «мог бы», предполагают очень антропоморфное представление о Божьей свободе. Что бы ни означала свобода человеческая, свобода Божья — не выбор из альтернативы. Совершенное добро знает оптимальную цель, а совершенная мудрость знает оптимальные средства. Свобода Божья в том, что только Бог творит Свое дело, и никакие внешние препятствия не мешают Ему; в том, что благость Его — корень Его деяний, а всемогущество — воздух, в котором они цветут.

Мы подошли к следующей теме: что же такое благость Божья? До сих пор мы не сказали об этом ничего и никак не ответили тем, кто говорит нам, что, если мир невозможен без страданий, благому Богу лучше было бы его не творить. Предупрежу сразу: я не буду доказывать, что творить все же лучше, — я просто не знаю, какой человеческой меркой можно это мерить, чтобы сравнивать. Я не понимаю, как можно сопоставить бытие и небытие. Что значит «лучше бы мне не жить»? В каком смысле «мне»? Какой мне прок хоть от чего-нибудь, если меня нет? Наша задача не так чудовищна; мы должны понять, как благость Божья совмещается с наличием страданий.

III. БЛАГОСТЬ БОЖЬЯ

> Любовь Господня может терпеть, она может прощать... но она не примирится с недостойным любви... Господь не примирится с твоим грехом, ибо грех не меняется к лучшему; но примирится с тобой, ибо ты исправим.
>
> *Т. Трэерн. Сотницы созерцаний*

Когда мы думаем о благости Божьей, перед нами немедленно встает довольно страшная дилемма.

Если, с одной стороны, Господь мудрее нас, Он судит иначе о добре, о зле и о многом другом. То, что нам представляется благим, может быть дурным для Него, а то, что нам кажется плохим, — для Него не зло.

Но, с другой стороны, если Его нравственный суд отличается от нашего так сильно, что «черное» для нас может быть «белым» для Него, мы не вправе называть Его благим; ведь говоря, что «Господь благ», а благо Его ни в чем не похоже на наше, мы, в сущности, скажем, что Он обладает каким-то неведомым нам свойством. Такое свойство не дает нам нравственных оснований для любви к Нему и даже для подчинения. Если Он не «добр», не «благ» в нашем смысле слова, мы подчиняемся разве что из страха, а из страха подчинишься и всемогущему злу. Учение о полном нашем ничтожестве — то есть о том, что наша идея добра никуда не годится, — способно превратить христианство в поклонение бесам.

Мы избежим этой дилеммы, если вспомним, что́ бывает здесь, у нас, когда человек низкого нравственного уровня попадает в круг, где люди и лучше и мудрее его, и учится *их* системе ценностей. Я могу рассказать об этом, потому что со мной так и было. Когда я поступил в университет, я был настолько близок к полной бессовестности, насколько это возможно для мальчишки. Высшим моим достижением была смутная неприязнь к жестокости и к денежной нечестности; о целомудрии, правдивости и самопожертвовании я знал не больше, чем обезьяна о симфонии. По милости Божьей я встретил молодых людей (из которых ни один не был верующим), в достаточной мере равных мне по уму, — иначе мы просто не могли бы общаться, — но знавших законы этики и пытавшихся им следовать. Их суждения о добре и зле сильно отличались от моих, но мне не пришлось называть белым то, что я прежде назвал бы черным. Новый нравственный кодекс не воспринимается как простая противоположность прежнему, хотя они и впрямь противоположны. Мы точно знаем, куда идем; мы знаем, что новые ценности много лучше скудных проблесков прежнего нашего добра, но связаны с ними и как бы продолжают их. А главное, узнавание этих ценностей сопровождается стыдом и ощущением вины — мы ясно видим, что недостойны наших новых друзей. Вспомним все это, чтобы лучше понять благость Господню. Без всякого сомнения, Он мыслит добро не так, как мы, но нам не надо бояться, что Он потребует просто вывернуть наизнанку наши нравственные принципы. Когда мы увидим, чем Божья этика отличается от

нашей, мы и сомневаться не будем, что нам нужно измениться к лучшему в нашем, нынешнем смысле слова. Божье добро отличается от нашего не как белое от черного, а как совершенная окружность от первой детской попытки нарисовать колесо. Выучившись чертить круг, человек знает, что именно это он и пытался сделать с самого начала.

Именно об этом и говорится в Писании. Христос призывает людей покаяться, а это было бы бессмысленно, если бы Его нравственные понятия ничем не походили на те, которые люди знали, но не применяли на практике. Он взывает к нашему суждению: «Зачем же вы и по самим себе не судите, чему быть должно?» (Лк. 12, 57). В Ветхом завете Господь беседует с людьми, исходя из их представлений о благодарности, верности и честности, и отдает себя на суд собственных созданий: «Какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою?» (Иер. 2, 5).

После этих оговорок я, надеюсь, вправе предположить, что некоторые, пусть не вполне осознанные, представления о благости Божьей не совсем верны.

В наши дни под благостью Божьей мы понимаем прежде всего Его любовь к нам, и в этом мы отчасти правы. Но под любовью почти все мы понимаем доброту, незлобивость, мягкость — желание, чтобы мы были счастливы любой ценой. Нам бы хотелось, чтобы мы делали что угодно, а Он говорил: «Да ладно, пускай поразвлекаются». Нам нужен, в сущности, не Отец, а небесный дедушка, добродушный старичок, который бы радовался, что «молодежь веселится», и создал мир лишь для того, чтобы нас побаловать. Конечно, многие не осмелятся воплотить это в богословские формулы, но чувствуют именно так. И я так чувствую, и я бы не прочь пожить в таком мире. Но совершенно ясно, что я в нем не живу, а Бог тем не менее — Любовь; значит, мое представление о любви не совсем верно.

Я бы и из книг мог узнать, что любовь суровей и прекрасней добродушия; ведь даже любовь мужчины к женщине Данте назвал грозным властелином. В любви есть доброта, но доброта и любовь не одно и то же, а когда доброта (в том смысле, в каком я говорил) отделяется от всего другого, что есть в любви, она окрашивается каким-то безразличием и даже презрением к тому, на кого направлена. Ей неважно, хорош или плох ее предмет, лишь бы он не страдал. В Писании же сказано: «Если же остаетесь без наказания... то вы — незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12, 8). Мы хотим счастья любой ценой тем, кто нам без-

различен; другу, возлюбленной, детям мы пожелаем скорее страдания, чем недостойного счастья. Если Бог — Любовь, Он по самому определению не только доброта. Он всегда наказывал нас, но никогда не презирал. Господь удостоил нас великой и невыносимой чести: Он любит нас в самом глубоком и трагическом смысле этого слова.

Конечно, отношения Творца и твари нельзя уподоблять полностью отношениям между тварями. Бог и дальше от нас и ближе к нам, чем кто-либо. Различие между чистым бытием и тем, кому бытие дано, такое, что перед ним ничто различие между червем и архангелом. Господь творит, мы сотворены; Он — Начало, мы — производное. Но по той же самой причине никто не близок к нам так, как Он. Мы каждый миг получаем от Него саму жизнь, наша ничтожная и чудотворная свобода воли дарована Им, и сама наша способность к мышлению — лишь Его сила, переданная нам. Такую единственную на свете связь можно понять лишь через аналогии: вникая в разные виды существующей на земле любви, мы получим, быть может, неполное, но полезное представление о том, как Бог нас любит.

Самый низкий вид любви, который и назовешь любовью лишь иносказательно, — то, что чувствует человек к своему творению. Ему уподобляет любовь Господню Иеремия, когда говорит о глине и горшечнике (Иер. 18, 4—6), и апостол Петр, когда говорит о живых камнях (1 Пет. 2, 5). Неполнота сравнения в том, что камни и глина не чувствуют, и потому здесь неприменимы вопросы о правде и милости, которые неизбежно встают, если камни — живые. Вообще же аналогия эта очень важна. Мы не в переносном, а в прямом смысле — произведения Божьи, Он создает нас, а значит, не будет доволен, пока не доведет до Своего замысла. И снова мы сталкиваемся с тем, что я назвал «невыносимой честью». Художник не станет беспокоиться, если набросок, которым он хотел позабавить детей, не совсем такой, как он думал. Но о главной своей картине, которую он любит, как мужчина любит женщину, а мать — ребенка, он беспокоится снова и снова и тем самым беспокоил бы картину, если бы она могла чувствовать. Нетрудно представить, как чувствующей картине, которую скребут, смывают и начинают в сотый раз, хочется быть легкомысленным наброском. И для нас естественно хотеть, чтобы Бог предназначил нам менее славную и утомительную долю; но значит это, что мы хотим, чтобы Он *меньше*, а не больше любил нас.

Другой вид любви — любовь человека к животному, которой Писание еще чаще уподобляет связь Бога с человеком: «...мы — Его,

Его народ и овцы паствы Его». Эта аналогия полнее первой, потому что животное ниже человека, но способно чувствовать; однако она и хуже — ведь человек не создал животное и не совсем его понимает. Главное же достоинство ее в том, что союз человека и, скажем, собаки, нужен прежде всего человеку, но собачьи интересы не принесены в ущерб человечьим. Человек приручил собаку, чтобы любить ее и чтобы она ему служила. Но он не полюбит ее как следует, если она по-своему его не любит, а она не послужит ему, если он не будет по-своему служить ей. Именно потому, что собака, по нашим понятиям, одно из «лучших» животных и достойна любви (конечно, без нелепых преувеличений, словно это не пес, а ребенок), мы занимаемся ею и хотим сделать еще лучше. В естественном состоянии у нее такой запах и такие привычки, что ее не очень-то полюбишь, и мы моем ее, воспитываем, учим не красть, чтобы полюбить как следует. Щенку все это нелегко, и, будь он богословом, он бы серьезно задумался над благостью человеческой, но взрослая, воспитанная собака — здоровее, сильнее, умнее дикой и, как мы благодатью, введена нами в мир неведомых прежде чувств, понятий и радостей. Несомненно, человек (то есть хороший человек) разделяет с собакой все ее мытарства и мучает ее лишь потому, что очень высоко ее ставит, потому, что она почти совсем хороша и стоит сделать ее совершенной. Мы не дрессируем червяка и не купаем уховертку. Быть может, нам и хотелось бы стать для Бога столь ничтожными, чтобы Он отпустил нас на волю наших импульсов и не ломал, и не мучил. Но и это значит, что мы хотим не большей любви, а меньшей.

Еще выше освященное Евангелием уподобление Господа отцу, нас — Его детям; но всякий раз, когда читается молитва Господня, мы должны помнить, что в тот век и в тех землях отцовская власть была совсем другой. Отец, чуть ли не просящий прощения за то, что он «причинил сыну жизнь»; отец, который из уважения к чужой свободе не решится хоть в чем-то ограничить сына или даже наставить, не был бы символом любви и власти Божьей. Сейчас я не буду спорить о том, какое отцовство лучше, я просто хочу показать, что́ во времена Спасителя и, конечно, много столетий спустя значило это слово. А еще яснее это станет, если мы вспомним, как Сын, единосущный Отцу и единоначальный Ему, то есть равный, как ни один земной сын не равен своему отцу, воспринимал Свое сыновство, предавал Отцу и Дух Свой, и волю, и даже не разрешал звать Себя благим, ибо так именуют лишь Отца. Любовь Отца и Сына в этом смысле означает любовь-власть и любовь-послушание.

Отец делает сына таким, каким должен быть человек с его, отцовской, то есть мудрейшей, точки зрения. Даже сейчас мало кто из отцов скажет: «Пускай будет мерзавцем, лишь бы ему хорошо жилось».

Нам останется самая опасная, самая неполная и самая точная для нас аналогия — уподобление Божьей любви к нам любви мужчины к женщине. Писание его не боится. Израиль — неверная жена, но ее небесный супруг не может забыть былого счастья. «Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню, в землю незасеянную» (Иер. 2, 2). Израиль — бедная невеста, которую Господь нашел при дороге и одел, и украсил, но она все же предала Его (Иез. 16, 6–15). Апостол Иаков называет нас прелюбодейцами, ибо мы дружим с миром, а Бог «до ревности любит дух, который Он вложил в нас» (Иак. 4, 4–5). Церковь — невеста Христова, и Он так ее любит, что не терпит на ней ни пятна, ни порока (Еф. 5, 27). Уподобление это хорошо тем, что такая любовь по самой своей природе требует совершенства любимой и в этом смысле прямо противоположна той доброте, которая стерпит что угодно, лишь бы предмет ее не мучился. Когда мы любим женщину, нам далеко не безразлично, чиста она или грязна, честна или порочна. Скорее именно тогда это становится для нас предельно важным. А разве женщина сочтет признаком любви то, что мужчина не знает и знать не хочет, хороша ли она хотя бы с виду? Конечно, мы можем любить, когда красота исчезнет, но не потому, что она исчезла. Если мы любим, мы можем прощать любые недостатки, но мы не перестанем хотеть, чтобы их не стало. Любовь ощущает пятно и порок сильнее, чем ненависть. Любовь переносит и прощает все, но ничего не попускает. Она радуется малости, но требует всего.

Когда христианство говорит, что Бог любит человека, оно имеет в виду, что Бог человека *любит*, а не равнодушно желает ему счастья. Мы хотели, чтобы Бог нас любил, — вот Он и любит нас. Такой Господь у нас и есть — не благодушный старичок, разрешающий нам поразвлечься, и не холодный честолюбец, вроде совестливого судьи, не радушный хозяин, но огонь опаляющий, чья любовь упорна, как любовь к творению, жалостлива, как любовь к собаке, мудра и достойна, как любовь к сыну, ревнива, сильна и требовательна, как любовь к женщине. Я не знаю, почему это так; ум не в силах понять и объяснить, почему создания (тем более такие, как мы) столь ценны в очах Божьих. Бремя это, эту честь мы не можем вынести, мы даже

хотим ее только в благодати; мы — как девы из античной драмы, отвергающие любовь Зевса. Но так уж оно есть. Бог говорит с нами как несчастный влюбленный, словно Ему, содержащему в Себе и Начало и Венец всего, что-то нужно от нас. «Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? не любимое ли дитя? ибо, как только заговорю о нем, всегда с любовью вспоминаю о нем; внутренность Моя возмущается за него» (Иер. 31, 20). «Как поступлю с тобою, Ефрем? Как предам тебя, Израиль?.. Повернулось во Мне сердце Мое» (Ос. 11, 8). «Иерусалим, Иерусалим..! сколько раз хотел я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23, 37).

Итак, страдание людей нельзя примирить с бытием Бога-Любви лишь до тех пор, пока мы понимаем любовь в обычном, пошлом смысле и ставим человека во главу угла. Но человек — не центр. Бог существует не для него, и сам человек существует не для себя. «Ты сотворил все, и *все* по Твоей воле существует и сотворено» (Откр. 4, 11). Мы созданы не для того, чтобы мы любили Бога (хотя и для этого), но чтобы Его любовь могла успокоиться нами. Требуя, чтобы Он был доволен нами, какие мы есть, мы требуем, в сущности, чтобы Он перестал быть Богом; но Он — Бог. Его любви противно и невыносимо многое в нас, и, поскольку Он все же нас любит, Он должен сделать нас достойными Своей любви. Мы даже не хотим в лучшие наши минуты, чтобы Он мирился с нашей нечистотой, как не захочет собака, научившаяся любить человека, чтобы человек потерпел в своем доме грязную и блохастую тварь. Бог стремится не к тому, что мы сейчас и здесь зовем «счастьем»; но, когда мы станем достойными Его любви, мы будем счастливы.

Я знаю, что можно ответить на мои рассуждения. Ведь я обещал, что, приближаясь к благости Божьей, нам не придется зачеркнуть нынешнюю нашу этику. И вот мне скажут, что этого я и требую. Любовь, которую я приписываю Богу, зовется здесь, на земле, «эгоистичной» или «своекорыстной», и ей противопоставляют другую любовь, стремящуюся дать радость не себе, а тому, кого любишь. Я не уверен, что согласен с этим взглядом на земную, человеческую любовь. Я не оценил бы высоко любовь друга, который хотел бы, чтобы я был счастлив, а не честен. Однако я рад возражению, ибо ответ на него представит дело в новом свете и выправит неполноту моих рассуждений.

Когда речь идет о любви Творца к Его творению, противопоставление эгоистической и альтруистической любви просто неверно. Ведь

здесь невозможно столкновение интересов. Бог не может тягаться с человеком, как не может Шекспир тягаться с Виолой. Когда Он Сам стал человеком и жил как творение среди Своих творений в Палестине, постоянное и полное самопожертвование привело Его на Голгофу. Один современный пантеист сказал: «Когда Абсолют падает в море, он становится рыбой»; а мы, христиане, можем сказать: когда Господь, совлекшись славы, подчиняет Себя тем условиям, в которых осмысленны слова «эгоизм» и «альтруизм», Он оказывается чистейшим альтруистом. Но к Богу в Его запредельности — к безусловному Началу всех условий — нелегко применить это понятие. Мы зовем любовь эгоистичной, когда человек любит на пользу себе, а не другому, — скажем, когда родители не отпускают взрослых детей, потому что боятся одиночества. Такие коллизии возможны лишь в том случае, если, во-первых, любящему нужно или выгодно одно, а любимому — другое, а во-вторых, любящий не считается с интересами любимого или просто не замечает их. В отношениях Бога к человеку этих условий нет. Богу ничего не «нужно». По учению Платона, человеческая любовь — дитя бедности, то есть недостатка, отсутствия: в любимом или есть, или предполагается то, чего не хватает любящему. Но Божья любовь не тянется к нашему добру, а творит его, порождает; все оно — от Бога, ведь Бог и есть Добро. Любовь Его совершенно лишена своекорыстия. Он Сам дает нам все, а получить Ему от нас нечего. И если иногда Он говорит так, словно Его предвечная полнота может в чем-то нуждаться и ждать чего-то от тех, кому Он дал и дает все, начиная от существования, это значит одно (если вообще значит что-то нам понятное): Он каким-то чудом дал Себе эту жажду, создал в Себе то, что мы можем удовлетворить. Если Его трогают куклы, Им Самим сделанные, Он Сам, Всемогущий Господь, и никто иной, свободно пожелал этого в Своем непостижимом смирении. Если Тот, в Ком есть все, решил нуждаться в нас, значит, нам это нужно. Нам полезно познать любовь и полезней всего знать любовь лучшего из любящих — Бога. Но мы ошибемся в самом важном, если сочтем, что Он — для нас, а не мы для Него. Ведь мы — лишь твари и должны быть всегда подчинены Ему, как женщина — мужчине, зеркало — свету, эхо — звуку. Познавая любовь Божью в ее истинном, а не мнимом виде, мы уступаем Его натиску, отвечаем Его желанию; противоположное же чувство — ошибка в грамматике бытия.

Конечно, на определенном уровне можно говорить, что душа ищет Бога, а Бог воспринимает ее любовь; но когда душа ищет Бога, это

Он ищет ее, ведь все исходит от Него, и сама наша способность любить Его дарована нам. Это Он дарует нам любовь к Нему, и свободны мы лишь ответить — чуть лучше или чуть хуже. Я думаю, особенно резко отделило языческий теизм от христианства учение Аристотеля о том, что Бог, двигая Вселенную, Сам остается неподвижным; Возлюбленный двигает любящего (Мет. XII. 7). «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас» (1 Ин. 4, 10).

Итак, первое условие так называемой эгоистической любви, когда речь идет о Боге, отпадает. У Него нет естественных стремлений, нет страстей, а если и есть нечто, подобное страстям, то по Его воле и ради Него. Отпадает и второе условие. Истинная польза для ребенка может не совпадать с интересами родителей, ибо ребенок — отдельное существо, он существует не для отца и обретает совершенство не в отцовской любви, чего отец не понимает. Но мы, создания, не отделены в этом смысле от Создателя, и Он всегда понимает нас. Он предназначил нам именно то, для чего мы и созданы. Когда мы этого достигнем, мы станем поистине счастливыми: будет вправлен сустав Вселенной, и боль утихнет.

Когда же мы хотим другого, чем хочет для нас Бог, мы хотим того, что не даст нам счастья. Божьи требования на наш, земной слух больше похожи на окрик деспота, чем на слова любви, но ведут они нас туда, куда мы и захотели бы, если бы знали, чего хотим. Он требует от нас послушания, даже поклонения. Неужели Ему без них хуже? Человек способен умалить славу Божью не больше, чем погасить Солнце тот, кто напишет «тьма» на стене своей камеры. Но Бог желает нам добра, а наше добро — любить Его той ответной любовью, которой только и может создание любить Создателя; а чтобы любить Его, мы должны Его знать; а узнав Его, мы непременно поклонимся Ему. Если же мы не поклонились, это значит, что мы пытаемся любить не Его, хотя, быть может, самое близкое к Нему, что может нам дать и наш разум, и наше воображение. Но поклониться мало, мы должны отразить Богооткровенное бытие, стать своими Богу, соучаствовать в Его славе, а это далеко за пределами нынешних наших желаний. Нам нужно «облечься во Христа», стать, как Бог. Господь пытается дать нам то, что нам нужно, а не то, чего мы сами бы теперь пожелали. И снова поражает нас невыносимая честь — слишком много любви, а не слишком мало.

Но и это не все. Господь не просто сделал нас такими, что Он — единственное наше благо. Он — единственное благо всего тварного

мира, и всякая тварь по необходимости ищет Его в той мере, в какой это свойственно ей иерархически. Только атеисту может привидеться, что на свете есть какое-то другое благо. Джордж Макдональд где-то пишет, что Бог говорит нам, людям: «Будьте сильны Моей силой и святы Моей святостью. *Мне больше нечего дать вам*». Вот и все. Бог дает то, что у Него есть, а не то, чего у Него нет, — счастье, которое есть, а не то, которого и не бывает. Всего на свете три возможности, а для нас две: быть Богом, уподобиться Богу в тварном ответе на Его любовь, быть несчастными. Если мы не научимся есть единственный хлеб мироздания — единственный хлеб, который мог бы взрастить любой из возможных миров, — нам остается вечный голод.

IV. СКВЕРНА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

> Вернейший знак утвержденной гордыни — вера в свое смирение.
>
> *У. Лоу. Истинный зов*

В предыдущей главе я пытался показать, что любовь вправе причинять страдание тому, кого любит, если его надо изменить, сделать достойным любви. Но зачем человека менять? Все прекрасно знают, что отвечает христианство: человек воспользовался своей свободной волей, чтобы стать очень плохим. Однако на самом деле, в жизни, трудно убедить в этом современных людей, даже современных христиан. Апостолы могли предположить, что их языческие слушатели все же считали себя достойными гнева Господня. Античные мистерии пытались нащупать и выразить это чувство, эпикурейская философия пыталась освободить людей от страха вечной кары, и на этом фоне Евангелие поистине было благой вестью. Христианство дало надежду на исцеление тем, кто знал о своей смертельной болезни. Теперь все не так. Христианству приходится нести и плохую весть — сообщать больным диагноз, чтобы они согласились лечиться.

Причин тому две. Во-первых, мы уже лет сто так сосредоточились на одной из добродетелей — доброте, что многие из нас вообще не знают ничего нравственно хорошего, кроме нее, и ничего нравственно дурного, кроме жестокости. Такие слепые пятна в этике бывали и раньше; у прежних веков тоже были свои излюбленные добродетели.

И если уж надо почему-то развить одну добродетель ценой всех других, у доброты больше всего на это прав. Каждый христианин обязан с отвращением отвергнуть ту недостойную апологию жестокости, которая пытается отнять у мира милосердие, называя его «сентиментальностью» или «гуманизмом». Но беда в том, что очень легко счесть себя добрым без всякой причины. Нетрудно *почувствовать* себя благодушным, когда нас ничто не раздражает. И потому нетрудно все свои грехи списать, твердо веря, что мы «мухи не обидим», хотя на самом деле мы и пальцем не шевельнем для ближнего. Мы считаем себя добрыми, когда мы просто счастливы; труднее вообразить себя целомудренными или смиренными.

Во-вторых, на современных людей сильно повлиял психоанализ и, главное, учение о подавленных влечениях. Что бы оно ни значило на самом деле, очень многие поняли просто, что стыдиться — вредно и опасно. Сама природа и уж во всяком случае традиция почти всех веков и народов ощущала ужас перед трусостью, распутством, ложью, завистью и старалась их скрыть. Мы прилежно с этим боремся. Нам советуют раскрывать душу не для покаяния, а потому, что все эти вещи вполне естественны и стыдиться их нечего. Но если христианство не сплошное заблуждение, мы правильно видим себя только в минуты стыда, ведь даже язычники считали «бесстыдство» пределом падения. Пытаясь вырвать стыд, мы сломали позвоночник человеческого духа и радуемся, как троянцы, поломавшие стены города, чтобы заполучить коня. Остается одно, последнее, — починить стену. Глупо и безумно устранять лицемерие, устраняя *повод* к лицемерию; прямодушие тех, кто ниже стыда, недорого стоит.

Христианству необходимо пробудить былое чувство греха. Христос принимает как данность, что люди — плохие. Пока мы не почувствуем, что так оно и есть, мы не поймем Его слов. Конечно, мы все равно часть мира, который Он пришел спасти, но обращается Он не к нам. И если вы пытаетесь быть христианином, не чувствуя своего греха, вы почти неизбежно придете к досаде на Бога, Который, на ваш взгляд, вечно чего-то требует и почему-то сердится. Многие из нас сочувствуют умирающему фермеру, который ответил священнику: «А что я *Ему* сделал?» Казалось бы, в самом худшем случае мы просто махнули бы на Бога рукой; почему бы и Ему не ответить нам тем же? Сам живи и другим не мешай. Ему-то на что сердиться? Чего Ему стоит быть подобрее?

Однако в те редкие минуты, когда вы ощутите настоящую вину, эти кощунственные сетования исчезнут сами собой. Многое можно простить — почувствуете вы, — но не *это*, не эту немыслимую гадость, которой постыдился бы даже такой подлец, как X. В такие минуты мы доподлинно знаем, что, проведай об этом люди, они бы отшатнулись от нас, а если на свете есть кто-нибудь выше людей — они бы отшатнулись тем более. Бога, Которому *такое* не противно, нельзя назвать благим. Мы даже не можем стремиться к такому Богу — как не может человек, у которого пахнет изо рта, хотеть, чтобы все в мире потеряли обоняние и запах сена, розы или моря перестал бы услаждать их.

Когда мы просто *говорим*, что мы плохи, «гнев Божий» кажется нам варварским предрассудком: но когда мы *видим* нашу скверну, он логически и неизбежно вытекает из благости Божьей. Христианскую веру не поймешь, пока не научишься находить эту непростительную порчу под самыми хитрыми личинами. Конечно, учение это не ново, и в этой главе я не открою ничего неслыханного. Я просто попытаюсь провести читателя (а главное, себя самого) через *pons asinorum* — вывести его и себя хотя бы за ограду иллюзорного рая для дураков. Однако в наши дни иллюзия столь сильна, что мне придется высказать несколько соображений.

1. Мы видим неверно, потому что мы смотрим на внешнюю сторону вещей. Нам кажется, что мы не хуже, чем Y, которого всякий назовет хорошим человеком, и уж во всяком случае лучше этого мерзавца X. Наверно, мы не правы даже и на этом уровне. Не будьте уж так уверены, что ваши друзья вас считают не хуже, чем Y! Подозрительно уже то, что вы выбрали его для сравнения, — наверное, он на голову выше вас и всего вашего круга. Но предположим, что и он и вы — «вполне ничего». Насколько обманчиво его поведение — ведает Бог. Быть может, оно и не обманчиво, но уж вы-то знаете, что с вами это не так. Надеюсь, вам не покажется, что я несправедлив к вам, раз я несомненно скажу то же самое и ему, и всякому из людей? Ведь в этом-то и дело! Каждый человек в мире знает, что он хуже любых своих проявлений, хуже самых бесстыдных своих слов. Мы никогда не говорим всей правды о себе. Можно признаться в дурном *факте* — в подлости, в трусости, в плотском распутстве, но *тон* все равно будет лживым. Ваша честность (вот ведь вы каетесь!), легкая ирония, бесконечно малая крупица лицемерия отторгнут факт от вас же самих. Никто не догадается, что он связан с вами, похож на вас. Мы делаем вид и часто верим, что привычные наши грехи единичны, исключительны, а добродетели естественны; так,

плохой теннисист скажет про свою обычную игру: «Я не в форме», а редкие победы назовет нормальными. Не думаю, что нас можно за это ругать, — непрерывный поток злобы, зависти, похоти, алчности и самодовольства и не уложился бы в слова. Важно другое: не принять никаких поневоле неполных признаний за исчерпывающую исповедь.

2. В наши дни мы восстали против частной, чисто личной этики во имя этики *общественной*. Мы чувствуем, что втянуты в неправедную социальную систему и разделяем общую вину. Так оно и есть. Однако отец лжи может использовать и правду, чтобы сбить нас с толку. Общую вину нельзя ощутить столь же остро, как свою собственную, и нам, таким, какие мы есть, концепция эта лишь помогает увернуться от ответа. Когда мы действительно научимся распознавать свою скверну, можно будет перейти и к общей вине. Не пытайтесь бежать бегом, пока не научитесь ходить.

3. Нам почему-то кажется, что время врачует грехи. Многие люди с улыбкой вспоминают, как они лгали или мучили кого-нибудь в детстве, так, словно это их уже не касается (бывало это и со мной). Но время не уничтожает ни греха, ни вины. Чувство греха смывается не временем, а покаянием и кровью Христовой; если мы исповедуемся в этих детских мерзостях, мы вспомним, какой ценой куплено нам прощение, и вряд ли улыбнемся. Что же до самого греха — смоет ли его хоть что-нибудь? Все времена вечно предстоят перед Богом. Быть может, в каком-то измерении Его многомерной вечности Он всегда видит, как вы обрываете крылья мухе, врете учителю, ябедничаете, грубите, распутничаете, трусите в бою. Быть может, спасение не в том, чтобы зачеркнуть, стереть все это, а в том, чтобы обрести совершенное смирение — стать способным вечно нести свой позор и радоваться, что люди о нем знают, а Богу есть случай вас пожалеть. Быть может, апостол Петр вечно предает Учителя — надеюсь, он простит мне, если я не прав; если же я прав, нам, какие мы теперь, не так уж легко «войти во вкус» небесных радостей, и есть виды жизни, при которой вкус этот обрести невозможно. А вдруг погибшие — это те, кто просто не решится пойти в такое людное место? Не знаю; но подумать об этом стоит.

4. Не надо оправдывать себя ссылкой на «всех». Вполне естественно почувствовать, что, если *все* так грешны, как учит христианство, грех очень и очень простителен. Если все ученики проваливаются, учитель может подумать, что билеты слишком трудны, пока не узнает, что в другой школе 90% всех школьников выдержали экзамен. Он пони-

мает тогда, что ошибается не экзаменатор. Мы иногда попадаем как бы в «карманы», в тупики мира — в школу, в полк, контору, где нравственность очень дурна. Одни вещи считаются здесь обычными («все так делают»), другие — глупым донкихотством. Но, вынырнув оттуда, мы, к нашему ужасу, узнаем, что во внешнем мире «обычными» вещами гнушаются, а донкихотство входит в простую порядочность. То, что в «кармане» представлялось болезненной сверхчувствительностью, оказалось признаком душевного здоровья. Вполне может быть, что весь род человеческий — такой «карман» зла, школа в глуши, полк на отшибе, где мало-мальская порядочность кажется геройством, а полное падение — простительной слабостью. Есть ли подтверждение этому, кроме христианской догмы? Боюсь, что есть. Прежде всего, мы просто знаем странных людей, которые не принимают этики своего круга, доказывая тем самым, к нашему неудобству, что можно вести себя иначе. Хуже того, эти люди, разделенные пространством и временем, подозрительно согласны в главном, словно руководствуются каким-то более широким общественным мнением, которое царит за пределами нашего «кармана». Заратустра, Иеремия, Сократ, Будда, Христос[1] и Марк Аврелий едины в чем-то очень важном. Наконец, даже мы сами одобряем в теории эту неприменяемую этику; даже здесь, сейчас, в «кармане», мы не говорим, что справедливость, доброта, мужество и умеренность ничего не стоят, а пытаемся доказать, что наши нормы справедливы, добры и т. д. в той мере, в какой это возможно и разумно. Поневоле подумаешь, что невыполняемый устав нашей плохой школы связан с каким-то лучшим миром и, окончив курс, мы сможем узнать впрямую тамошний кодекс. Но и это еще не все. Как ни печально, все мы видим, что лишь нежизненные добродетели в силах спасти наш род даже здесь, на земле. Они, как будто проникшие в наш «карман» извне, оказались очень важными — столь важными, что, проживи мы десять лет по их законам, земля исполнится мира, здоровья и веселья; больше же ей не поможет ничто. Пусть у нас принято считать эти законы прекраснодушными и невыполнимыми — когда мы действительно в опасности, сама наша жизнь зависит от того, насколько мы им следуем. И мы начинаем завидовать нудным и наивным людям, которые

[1] Я упомянул Воплощенного Бога среди людей, чтобы подчеркнуть, что *принципиальное* отличие Его от них не в этическом учении, а в Служении и в Личности.

действительно, а не на словах научили себя и тех, кто с ними, мужеству, выдержке и доброй жертве.

5. Мы не знаем, существует ли общество, которое я противопоставил нашему «карману». Мы не видели ни ангелов, ни безгрешных людей. Но и в нашем падшем мире можно кое-что понять. Некоторые века и цивилизации можно рассматривать как «карманы» по отношению к другим. Недавно я говорил, что разные эпохи специализировались на разных добродетелях. Если нам покажется, что западноевропейская цивилизация не так уж дурна, потому что мы более или менее гуманны, если нам покажется, что Бог доволен нами, — прикиньте, простил ли Он прошлым векам жестокость за их мужество и целомудрие? Представив себе, какова для нас кровожадность наших предков, мы хоть немного поймем, каким были бы для них наши нерешительность и нечистота и каково все это вместе в очах Божьих.

6. Некоторые удивятся, что я так много говорил о нашей «доброте». Разве наш век не возрастает в жестокости? Да, наверное, но мне кажется, что мы дошли до этого, пытаясь свести к доброте все добро. Платон был прав: добродетель едина. Вы просто не сумеете быть добрым, если у вас нет прочих добродетелей. Трус, гордец или развратник не причинит никому особого зла до той поры, пока ничьи интересы еще не угрожают его жизни, достоинству или удовольствию. Все пороки у нас ведут к жестокости. Даже доброе чувство, сострадание, ведет к ней через гнев, если милосердие и справедливость не стоят на страже. Почти все зверства вызваны ужасом перед зверствами врага, а сочувствие угнетенным, оторванное от целостности нравственного закона, естественно ведет к ужасам террора.

7. Современные богословы вполне резонно возражают против чисто этического понимания христианства. Благость Божья не сводится к нравственному совершенству, и от нас Он требует большего и высшего. Все так; но, как и в случае «общей ответственности», истину эту очень легко использовать себе на пользу. Быть может, Бог и выше морали, но не ниже. Дорога в страну обетованную лежит через Синай. Пусть нравственный закон для того и существует, чтобы мы его превзошли, но его не превзойти тем, кто сперва не принял его, и не попытался выполнить, и не понял со всей честностью, что это ему не по силам.

8. «В искушении никто не говори: «Бог меня искушает» (Иак. 1, 13). Многие мыслители побуждали нас сваливать ответственность за наши дела на что-нибудь врожденное, неустранимое, а значит, на Творца.

Упрощенные варианты этих учений — теория эволюции (наша скверна — неизбежное наследие животных предков) и идеалистическое учение о том, что мы плохи, поскольку мы конечны. Если я верно помню Павловы послания, то христианство признает, что человеку и впрямь невозможно выполнить до конца нравственный закон, записанный в его сердце, и было бы действительно нелегко признать за нами ответственность, если бы совершенное выполнение нравственного закона имело хоть какое-то отношение к реальной жизни большинства людей. Тот уровень нравственности, с которого мы с вами столько раз падали за последние сутки, вполне достижим. Почти ко всем нам непосредственно относятся не столько глубокие истины апостола, сколько простые слова Уильяма Лоу: «Если вы спросите себя, почему вы хуже первых христиан, ваше собственное сердце ответит вам: виной тому не слабость и не невежество — вы просто не пытались быть такими, как они»[1].

Если читатель решил, что в этой главе я защищаю учение о полном ничтожестве человека, он просто меня не понял. Я в это учение не верю по двум причинам: логика подсказывает, что, если бы мы абсолютно никуда не годились, мы бы не увидели своей скверны, а опыт — что в людях есть и много хорошего. И уж никак не проповедую я черной скорби. Стыд хорош не сам по себе, а потому, что он побуждает нас заглянуть в свое сердце. Я думаю, что мы всегда должны видеть себя изнутри, но о том, нужно ли при этом страдать, я, как мирянин, судить не могу и не буду: это вопрос технологии духовного водительства. На мой личный взгляд, любая скорбь, которая не вызвала сокрушения о конкретном грехе, побуждающем к исправлению, или жалости, побуждающей к деятельной помощи, просто дурна. Более того я думаю, что мы чаще всего нарушаем апостольскую заповедь «радуйтесь». После первого болезненного слома смирение дает радость; печален же прекраснодушный атеист, безуспешно пытающийся сохранить «веру в человека». Я обращался в этой главе к разуму, а не к чувству, я хотел убедить человека, что в нынешнем нашем состоянии мы неизбежно должны вызвать ужас у Бога, да и у нас самих. Это, на мой взгляд, бесспорно, и я заметил, что чем человек лучше, тем лучше он это понимает. Быть может, вы думаете, что, когда святые строго судят себя, Бог улыбается их заблуждению. Очень опасно думать так. Теоретически опасно, потому

---

[1] Истинный зов. Гл. 2.

что вы отождествляете добродетель (то есть совершенство) с иллюзией (то есть несовершенством), а это бессмысленно. Практически опасно, потому что, увидев хоть крупицу этой скверны, вы решите, что вокруг вашей глупой головы вот-вот загорится сияние. Нет, когда святые говорят, что они — даже они — порочны и мерзки, они с научной точностью констатируют истину.

Как же мы до этого дошли? В следующей главе я попытаюсь рассказать о христианском ответе на этот вопрос.

V. ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Послушание обычно для разумной души.
М. Монтень. Опыты

На вопрос, поставленный в предыдущей главе, христианство отвечает доктриной грехопадения. Согласно этой доктрине, человек ужасен Господу и самому себе и неприспособлен к тварному миру не потому, что Бог его таким создал, а потому, что он злоупотребил своей свободной волей. Этот взгляд предохраняет от двух околохристианских теорий о происхождении зла — от монизма, согласно которому Бог «выше добра и зла» и безразлично творит то, чему мы даем эти названия, и от дуализма, согласно которому Бог порождает добро, а другая, равная Ему и независимая сила порождает зло. Христианство же утверждает, что Бог есть благо и все создал благим и для блага, но одно из Его благих созданий — свободная воля разумных существ — по природе своей включила возможность существования зла; и, воспользовавшись этим, люди стали дурными. Иногда считают, что доктрина о грехопадении выполняет еще две функции, но я так не считаю. Во-первых, я не думаю, что она позволяет поставить вопрос: «Быть может, Богу и не стоило творить мир?» Я верю в благость Божью и уверен, что, если этот вопрос имеет смысл, ответ на него: «Стоило». Однако мне кажется, что смысла в этом нет, а если бы и был — ответ не лежит в области человеческих оценок. Во-вторых, я не думаю, что на доктрину эту можно ссылаться, чтобы оправдать наказание отдельных людей за грехи их далеких предков. Некоторые считают, что можно, но я сомневаюсь, действительно ли они так считают. Отцы Церкви иногда и впрямь говорят, что мы наказаны за Адамов грех; но много чаще они говорят,

что *мы* согрешили «во Адаме». Быть может, вообще невозможно выяснить, что они хотели этим сказать; быть может, они ошибались; но вряд ли мы вправе решать, что это — просто оборот речи. Умно ли, глупо ли, они верили, что мы не в переносном, юридическом смысле, а *действительно* соучаствуем в Адамовом преступлении. Наверное, нельзя толковать это так, что мы были «в Адаме» физически — скажем, что от него пошел какой-нибудь «бессмертный ген»; но отсюда никак не следует, что нам вообще не понять и не выразить этого. Однако сейчас речь идет не о том; я просто хочу вывести проблему первородного греха за пределы суда и воздаяния. На мой взгляд, это скорее пример того, о чем мы говорили во второй главе. Несомненно, Бог мог бы и сотворить чудо, «отменив» последствия первого на свете греха, но это дало бы немного, если Он не стал бы устранять последствия второго греха, потом — третьего и так далее. Прекратись чудеса, мы оказались бы в нынешнем нашем плачевном состоянии; не прекратись они — ничто не зависело бы от нашего выбора. Да и выбор бы исчез за ненадобностью, ведь ни одна из альтернатив не приводила бы ни к какому результату, так что самой альтернативы бы не стало. Как мы уже говорили, свобода шахматиста ограничена правилами игры.

Перейдем к самой доктрине. В Книге Бытия есть рассказ (наводящий на глубокие размышления) о магическом яблоке, но в развитом учении о первородном грехе магия яблока и дерева куда-то делась и речь идет просто о непослушании. Я глубоко чту даже языческие мифы, а тем более мифы Священного писания, и даже не сомневаюсь, что в библейской версии, рассказывающей о яблоке и о деревьях жизни и познания добра и зла, содержится какая-то более глубокая и тонкая истина, чем просто наказ к послушанию. Однако я уверен и в том, что Святой Дух не дал бы более простому толкованию так расцвести в Церкви и снискать одобрение ее учителей, если бы оно не было верным и полезным. О нем я и буду говорить, ибо я лишь подозреваю в первоначальной версии особую глубину, проникнуть в нее мне не дано. Я предлагаю читателям не лучшее из того, что есть, а лучшее из того, чем владею я сам.

Итак, в развитом Церковью учении предполагается, что человек, каким его создал Бог, был совершенно благ — и хорош, и счастлив; но ослушался Бога и стал таким, каков он теперь. Многим кажется, что наука это опровергла. «Мы-то знаем, — говорят они, — что человек не пал с вершин добродетели и счастья, но медленно шел вверх от дикости и звероподобия». Тут беда в том, что слова «звероподобный»

и «дикий» принадлежат к тому несчастному классу слов, которые употребляются то эмоционально, в осуждение, то научно — для описания, так что псевдонаучный аргумент против грехопадения основывается на путанице между этими двумя понятиями. Если вы хотите сказать, что человек физически произошел от животных, я не возражу вам. Но из этого никак не следует, что первобытный человек был «зверем» — то есть злым, кровожадным, грубым — больше, чем мы. У животных нет нравственных добродетелей; но нет и оснований полагать, что они ведут себя «по-зверски». Напротив, они не измываются, как люди, над себе подобными. Не все они прожорливы и похотливы, а гордых среди них нет вообще. Если словом «дикость» вы просто хотите сказать, что их орудия были грубы, как орудия нынешних дикарей, вы, может быть, и правы; если же вы имеете в виду, что они были распутны, жестоки или бесчестны, доказать вы это не сможете. Во-первых, антропологи и миссионеры менее склонны, чем их отцы, судить так о современных дикарях. Во-вторых, сходство древнейших орудий с орудиями нынешних австралийцев или африканцев не поможет нам. Не поддавайтесь вполне понятной иллюзии. Конечно, мы знаем доисторического человека только по материальным вещам — на то он и доисторический. Археологи не виноваты, что у них нет лучших свидетельств; но эта вынужденная скудость побуждает их видеть в предметах больше, чем мы увидеть вправе, и вывести из них, что общество, изготовляющее лучшие орудия, и само чем-то лучше. Ясно, что вывод этот ложен; так, можно было бы предположить, что праздные классы наших дней во всех смыслах выше и лучше, чем их викторианские собратья. Первобытный человек, создавший никуда не годные горшки, мог создавать и прекрасные стихи, но мы об этом не узнаем. Еще нелепей сравнивать его с теперешними дикарями. Один и тот же горшок свидетельствует о гениальности своего создателя, если он — первый в мире, и о тупости его, если горшки существуют сотни тысяч лет. Современное мнение о первобытном человеке основано на поклонении материальным предметам, главном грехе нашей цивилизации. Мы забываем, что наши доисторические предки открыли все главное, кроме наркоза. Они дали нам язык, семью, одежду, использование огня, приручение животных, колесо, лодку, поэзию и земледелие.

Науке нечего сказать ни в пользу, ни против учения о первородном грехе. Более серьезная трудность встала перед серьезнейшим совре-

менным богословом[1]. Он отмечает, что идея греха предполагает закон; поскольку прошли века, пока «стадный инстинкт» откристаллизовался в обычай, а обычай застыл, став законом, первый человек (если было существо, которое мы вправе так определить) не мог совершить греха. Довод этот основан на предположении, что «первый грех» был грехом *социальным*. Но учение говорит о грехе против Бога как акте непослушания, а не о грехе против ближнего. Для меня несомненно, что этот великий грех надо искать на более глубоком и более вневременном уровне, чем социальная этика.

Августин учил нас, что грех этот — плод гордыни: создание (то есть существо по сути своей зависимое, берущее свое существование не от себя, а от другого) попыталось жить для самого себя[2]. Для этого не нужно ни сложных социальных условий, ни опыта, ни развитого разума. Как только создание увидит Бога как Бога, а себя — как отдельное существо, перед ним откроется страшная альтернатива: кого из них поставить в центре. Маленькие дети и темные крестьяне совершают этот грех не реже, чем взрослые и ученые люди, а отшельники — не реже, чем живущие в обществе. Этот провал есть в каждой жизни; этот грех стоит за каждым частным грехом. И сейчас мы с вами или совершаем его, или скоро совершим, или раскаиваемся в нем. Проснувшись, мы надеемся положить новый день к ногам Господним; но, не успели мы умыться, он уже стал *нашим* днем, а Божью долю мы платим из *своего* кармана, словно у нас есть свое, по праву наше, время. Мы начинаем новую работу, как служащие, и целую неделю видим только это, смиренно принимая от Бога и радости, и неудачи. Но на второй неделе мы «берем дело в свои руки», а на третьей — у нас уже есть *свои* цели, и мы только «требуем своего», и очень недовольны, если не получаем. Повинуясь чувству, которое может быть вполне чистым, полным доброй воли, обращенным к Богу, мы обнимаем возлюбленную и, естественно, ощущаем удовольствие. Но, обнимая ее во второй раз, мы, быть может, стремимся именно к удовольствию и делаем первый шаг к тому, чтобы человек стал для нас вещью, орудием, средством. Невинность, послушание и готовность принять Божью волю могут исчезнуть из любого действия. Душеполезные размышления (скажем, наши с вами теперь) обращены к Богу, но вот нам просто

[1] См.: *Н. П. Уильямс*. Об идеях грехопадения и первородного греха. С. 516.

[2] См.: О Граде Божьем. XIV, 13.

приятно размышлять, и целью становится удовольствие, а там — и одобрение, и слава. Весь день и каждый день мы скользим, срываемся, падаем, словно Бог — это скользкий склон, на котором нельзя удержаться. Мы и на самом деле таковы, что удержаться не можем, и наши срывы неизбежны, а потому — простительны. Но Бог нас такими не создал. Сила тяжести, влекущая нас от Бога, порождена грехопадением. Мы не знаем, что именно случилось, когда первый человек пал; но мы вправе гадать, и я предложу вам догадку — миф в сократовом смысле этого слова[1].

Долгие века Господь совершенствовал животное, которое должно было стать вместилищем человеческой души и собственным Его подобием. Он дал ему руки, способные держать, рот и горло, способные к артикуляции, и мозг, достаточно сложный, чтобы выполнять все материальные действия, с которыми связано разумное мышление. Вполне возможно, что это создание существовало много столетий, не будучи еще человеком; возможно даже, что оно уже могло делать вещи, которые современный археолог счел бы доказательством его человеческого уровня. Но оно оставалось животным, ибо все его физические и психические процессы были направлены только к материальным и естественным целям. Наконец, когда исполнились сроки, в этот организм — и в психику его, и в физиологию — вошло по воле Божьей новое сознание, которое знало Бога и могло сказать «я», взглянув на себя извне; судить об истине, добре и красоте; и настолько вышло из времени, что ощущало, как оно уходит. Это сознание стало править всем организмом, освещая любой его уголок, а не только один мозг, как у нас. Человек весь был сознанием. Современные йоги говорят, что они держат в повиновении те физиологические функции, которые кажутся нам чуть ли не частью внешнего мира, — пищеварение и кровообращение. Не знаю, так ли это, но у первобытного человека это было так. Органические процессы его тела подчинялись закону его воли, а не законам природы. Сном было для него не наше тяжкое оцепенение, а сознательный отдых — он бодрствовал и наслаждался радостями сна. Отмирание и восстановление тканей тоже подчинялись ему, и можно предположить, что он жил столько, сколько хотел. Полностью владея всем своим, он владел и более низкими формами жизни. Мы и теперь, хотя и редко, встречаем лю-

[1] То есть рассказ о том, что *могло быть* историческим фактом. Р. Нибур употребляет слово «миф» в другом значении — символического изложения неисторической истины.

дей, наделенных таинственной силой, которым подчиняются животные. Этой силы у райского человека было очень много. Старая картина, изображающая зверей, играющих с Адамом и ласкающихся к нему, может оказаться не только символической. Даже у нас животные гораздо чаще, чем мы думаем, готовы служить человеку, ибо человек создан пастырем и в определенном смысле Христом животного мира — посредником, через которого они получают ту долю славы Божьей, какую может вместить их неразумная душа. А главное, для такого человека Бог не был скользким склоном. Новое создание было создано, чтобы покоиться в Боге, и покоилось в Нем. Сколько бы любви, дружбы и влюбленности ни чувствовал этот человек к своим ближним (или — к единственной ближней), как бы ни относился он к животным и к окружающему миру, всю красоту и поразительность которого он увидел впервые, — Бог был первым и в любви его, и в мысли и это не стоило ему никаких усилий. В совершенном циклическом движении бытие, сила и радость исходили к человеку от Бога как Его дар и возвращались к Богу от человека как благоговейная любовь. В этом смысле (а может быть, и в других) человек был поистине Сыном Божьим, предтечей Христа, проявлявшим без мук и в радости то жертвенное сыновнее послушание, которое Спаситель проявил на кресте.

По орудиям же и, наверное, по языку это блаженное создание было, конечно, дикарем. Ему еще предстояло научиться всему, чему учат опыт и навык. Быть может, он и не сумел бы связно рассказать о своей райской жизни. Все это неважно. Мы помним, что в детстве, когда взрослые считали нас «совсем несмышлеными», мы знали такие высокие и чистые духовные реальности, каких потом как будто уже не было. Христианство учит нас, что на определенном уровне — на единственно важном уровне — умные и взрослые ничем не лучше простаков и детей. Я не сомневаюсь, что, появись райский человек среди нас, мы бы увидели в нем дикаря, к которому нужно относиться свысока или, на худой конец, — снисходительно. Лишь двое или трое из нас, самые лучшие, вгляделись бы пристальней в неодетое, косматое, косноязычное чудище — и склонились бы перед ним.

Мы не знаем, сколько таких существ создал Бог и сколько лет они жили райской жизнью. Раньше ли, позже ли, они пали. От кого-то или от чего-то они узнали, что могут стать, как боги, — жить не для Господа, а для себя. Как юноша, который хочет тратить по своему усмотрению деньги, присланные из дому (и бывает прав, ибо его отец — всего лишь человек), они захотели жить по-своему: самим о себе позаботиться, иметь *свое*,

из которого, конечно, можно выделить часть и Богу вниманием, временем или даже любовью — своими, а не Его. Но это значит, что они захотели жить во лжи, потому что они и все мы — не свои. Они подумали, что можно найти тупичок мироздания и сказать оттуда Создателю: «Это наше дело, не Твое!» Но такого тупичка на свете нет. Они захотели стать существительными, а человек — прилагательное. Мы совершенно не знаем, в каком действии или действиях отразилось это невозможное желание. Вполне возможно, что они и впрямь съели какой-то плод, но дело не в этом.

Только такое самоволие тварного существа можно счесть грехопадением. Ведь первый грех был непременно и ужасным, иначе его последствия не были бы так тяжелы, и таким, что его могло совершить существо, свободное от искушений падшего человека. Обращение от Бога к себе отвечает обоим условиям. Совершить его можно и в раю, ибо осознание себя немедленно порождает опасность самопоклонения. Если я знаю, что я — это «я», я должен отрешиться от себя и пусть легко, пусть без всяких усилий предать самого себя Богу. По-видимому, Господь счел нужным пойти на такой риск. Кроме того, этот грех поистине ужасен, потому что «я», от которого райский человек должен был отрешиться, не содержало в себе естественного упрямства. Райский человек легко предавал себя Богу, радостно преодолевая лишь бесконечно малую преграду, — примерно так отдают себя друг другу влюбленные. Тем самым, у него не было *искушения* в нашем смысле — ни упрямства, ни страсти; он просто *предпочел* самого себя.

До этого момента организм человеческий был во власти человеческого духа. Несомненно, первый человек думал, что так оно и останется. Но эта власть ему была только препоручена, и он утратил ее, потому что уже не был представителем Божьим. Он отрезал себя, как сумел, от источника своего бытия и тем самым — от источника силы. Ведь когда мы говорим, что некое *А* правит *В*, это значит, что Господь правит *В* через *А*. Не знаю, мог ли Господь по-прежнему править человеческим организмом *через* человеческий дух, если дух этот взбунтовался против Него. Во всяком случае, Он стал им править иначе — через законы природы, а не духа[1]. Органы, не руководимые более человечес-

---

[1] Я развиваю здесь учение Хукера о законе. Если вы нарушите ваш *собственный* закон (то есть созданный Богом для вас), вы попадаете под какой-либо из низших законов; например, если на скользкой мостовой вы перестанете подчиняться законам осторожности, вы попадете во власть закона тяготения.

кой волей, подпали под власть низших, биохимических законов и не были уже защищены от боли, старости и смерти. И диктовать душе стали не разум, не выбор, а физиология и среда. Да и сама душа подпала под психологические законы ассоциаций, подобий, созданные Богом для высших антропоидов. Воля же могла теперь лишь силой подавлять желания, загоняя их в подсознание, о котором так много говорят. Человек не просто «ухудшился», как бывает с людьми, а стал совсем другим. Он потерял с грехопадением свою, особую природу. «Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Бт. 3, 19). Весь его организм, вознесенный вверх, к духовной жизни, упал обратно — туда, откуда Господь его поднял, как много ранее Он возносил растительную жизнь, чтобы она могла вместить животное начало, химический процесс — чтобы он вместил начало растительное, а физический процесс — чтобы он вместил процесс химический. Человеческий дух стал жильцом или даже узником в своем собственном доме; разумное сознание стало таким, как теперь, — слабым мерцанием части мозга. Но это ограничение власти было все же меньшим злом, чем порча самого духа. Он отвернулся от Бога, поклонился самому себе, и возвращение к Богу стоило теперь ему больших усилий[1]. Гордыня и высокомерие, желание нравиться себе и подавлять соперников, зависть, беспокойное недовольство и все растущая тревога легко зародились в нем. Такой дух не только слабо, но и дурно правил плотью; он посылал в психофизический организм гораздо худшие желания, чем этот организм посылал ему. Это передалось по наследству всем последующим поколениям, так как было не «приобретением признаков», а новым типом человека. Новый вид, которого Бог никогда не создавал, внедрил себя грехом в мироздание.

Бог мог сотворить чудо и пресечь этот процесс, но тем самым Он снял бы проблему, которую поставил при сотворении мира, когда решил выразить Свою благость через действо, в котором играют живые и свободные актеры, способные взбунтоваться против Него. Образ действа, симфонии, танца поможет выправить нелепость, возникшую, когда мы толкуем о том, что Бог задумал хорошо, а одно из Его творений все испортило. Смешно было бы считать, что грехопадение застало Бога врасплох и нарушило Его планы; еще смешней — что Он

---

[1] Надеюсь, богословы поймут, что я не претендую на участие в пелагианско-августинианском споре. Я просто хочу сказать, что было еще возможно вернуться к Богу. О том, мог ли человек сам захотеть этого, я судить не берусь.

замыслил дело, обреченное на провал. Он видел Распятие, когда творил первые туманности. Мир — танец, в котором добро, исходящее от Бога, столкнулось со злом, исходящим от твари, и разрешается это тем, что Бог принимает на Себя порожденное злом страдание. Согласно учению о свободном грехопадении, зло, которое стало горючим или сырьем для нового, более сложного добра, порождено не Богом, но человеком. Это не значит, что, если бы человек не согрешил, Бог не мог бы создать столь же прекрасную симфонию. Но не забывайте, что, толкуя об «упущенных возможностях», мы, в сущности, не знаем, о чем говорим. Мы не можем знать мест и времен, где все это «случилось» или «могло случиться». Однако чтобы показать, насколько человек свободен, я скажу: если где-то во Вселенной есть другие его виды, вполне вероятно, что они не согрешили.

Итак, именно тем объясняется нынешнее наше состояние, что мы — представители испорченного вида. Я совсем не хочу сказать, что мы платим страданиями за свои, не зависящие от нас свойства, или — что мы нравственно ответственны за мятеж далекого предка. Однако я говорю, что мы находимся в состоянии первородного греха, а не просто первородной беды, потому что наш религиозный опыт не позволяет сказать иначе. В теории мы, наверное, могли бы сказать: «Да, мы ведем себя, как последняя мразь, потому что мы и *есть* мразь, а в этом уж мы не виноваты». Но то, что мы мразь, не кажется нам смягчающим обстоятельством, а вызывает гораздо больший стыд и огорчает нас больше, чем собственные наши грехи. Это не так трудно понять, как многим кажется. То же самое бывает, когда невоспитанный мальчик попадает в приличный дом. Хозяева напоминают себе, что он стал хамом, вруном и трусом не по своей вине; и все же его нынешние свойства им противны. Они не просто ненавидят их, а как бы вынуждены их ненавидеть. Они не могут любить его, как он есть, и пытаются его изменить. И правда, хотя с мальчиком действительно случилась беда, нелегко назвать «бедой» его свойства, словно они — одно, а он — другое. Ведь лжет и грубит он *сам*, и это ему нравится. А если он начнет исправляться, ему станет стыдно, что он таким был.

Больше мне сказать нечего. Но я еще раз предупреждаю читателя, что этот уровень размышлений не особенно высок. Я не сказал ничего не только о дереве жизни и о дереве познания добра и зла, таящих в себе, несомненно, огромный мистический смысл, но и о Павловых словах: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут»

(1 Кор. 15, 22). Именно они лежат в основе святоотеческой доктрины о нашем реальном присутствии в Адаме и учения Ансельма о том, что мы включены в страдания Христа. Эти глубины, наверное, прекрасны, но для меня они темны, а новых мне не выдумать. Если верить физикам, не следует надеяться на то, что Вселенную можно себе представить, а создавая в уме наглядные модели квантовой физики, мы уходим от реальности, а не приближаемся к ней[1]. Несомненно, у нас еще меньше прав изображать или воображать наглядно высшие духовные реальности и даже пытаться выразить их на языке нашей абстрактной мысли. По-видимому, сложность стиха из апостола — в слове, которое Новый завет употребляет в не совсем ясном для нас смысле: если мы способны умереть *в* Адаме и жить *во* Христе, это значит, вероятнее всего, что человек на самом деле гораздо сложнее, чем наше трехмерное воображение может себе представить; что индивидуальность всех людей, включенная в причинно-следственные связи, уравновешивается в абсолютной действительности некоей «взаимоодушевленностью», о которой мы совершенно ничего не знаем. Быть может, действия и страдания таких великих, основных людей, как Адам и Христос, принадлежат и нам не юридически условно и не метафорически, а в каком-то более глубоком смысле. Конечно, речь идет не о растворении личностной единицы в однородной духовной массе, в которую верят пантеисты, — это противоречило бы самой сути христианства. Но ведь мы верим, что Святой Дух реально присутствует и действует в отдельном человеческом духе, не считая при этом, в отличие от пантеистов, что мы «часть», или «модификация», или же «обличье» Бога. Можно предположить, что нечто подобное бывает и внутри тварного мира — скажем, что каждый тварный дух, отличный от всех прочих, в каком-то смысле присутствует в них или хотя бы в некоторых (вроде «телекинеза» в вещественном мире). Вы замечали, что Ветхий завет иногда не ведает нашего представления об отдельном человеке. Господь обещает Иакову: «Я пойду с тобою в Египет; Я и выведу тебя обратно» (Бт. 46, 4), а выполняет это то ли тем, что тело Иакова хоронят в Палестине, то ли тем, что из Египта ушли его далекие потомки. Вполне правомерно связывать это со структурой древних общин, где индивидуум всегда значил меньше, чем род; но отсюда надо сделать два одинаково важных вывода: во-первых, древние не видели

[1] Сэр *Джеймс Джинс*. Таинственная Вселенная. Гл. 5.

того, что видим мы, а во-вторых, они видели и ощущали то, чего мы не видим. Перенесение заслуг и вины с одного человека на других не смогло бы занять такого места в богословии, если бы оно всегда и для всех было так искусственно, как для нас.

Я позволил себе заглянуть в непроницаемую для себя глубину, но соображения мои, скажу снова, к делу не относятся. Вряд ли стоит решать проблему страдания, ставя новую, сложнейшую проблему. В этой главе важно одно: человек как особый вид испортил себя и в нынешнем нашем состоянии добро прежде всего исцеляет его и исправляет. Посмотрим же, какую роль в этом исцелении и исправлении играет страдание.

VI. СТРАДАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Жизнь во Христе нелегка природе моей и самости, ибо в ней природу и самость надо отдать, потерять, умерщвить; и потому всякий из нас этой жизни боится.

Theologia Germanica

В одной из предыдущих глав я пытался показать, что возможность страдания присуща миру, где души встречаются друг с другом. Когда души эти плохи, они не упустят случая друг другу навредить, и к этому, по всей вероятности, сводятся четыре пятых всей человеческой боли. Не Бог, а человек выдумал пытку, кнут, рабство, тюрьму, ружье и бомбу. Человеческая корысть и глупость, а не Божья воля породили нищету и непосильный труд. Однако не все страдания причиняет человек, и вообще неясно, почему Господь попускает так много действий худшим из людей[1]. Мы говорили недавно, что для нас — таких,

[1] Возможно, вернее было бы сказать «созданий». Я ни в коей мере не отвергаю мнения, что причиной хотя бы некоторых болезней могут быть тварные, но иные существа (см гл. IX). В Писании сатана связывается с недугом в Книге Иова, у Луки (13, 16), в I Послании к Коринфянам (5, 5) и, возможно, в I Послании к Тимофею (1, 20). Правда, для этой главы неважно, одним ли людям из всех наделенных свободной волей существ Бог дает возможность мучить других.

как мы есть, — добро должно быть и коррективой, и лекарством. Но не всякое лекарство горько. Почему же лечат страданием?

Однако прежде я должен напомнить то, о чем говорилось во второй главе. Ниже определенного уровня страдание перестает возмущать и даже может казаться приятным. Возможно, вы ответите, что «тогда это уже не страдание», и будете правы. Но у слова «страдание» — два смысла, которые следует строго различать: (а) определенный вид ощущений, передаваемых по нервам, которые человеку могут понравиться или нет (например, слабая боль в ноге — это все-таки боль, даже если я так не считаю); (б) любой опыт, физический или психический, к которому человек испытывает неприязнь. Заметим, что страдание в смысле (а) становится страданием в смысле (б), если превышает некоторый уровень, но не наоборот. Страдание в смысле (б) фактически синоним слов «мука», «боль», «горе», «беда», «несчастье», и проблема страдания возникает, когда речь заходит именно о них. Отныне мы будем говорить только о страдании в смысле (б) и не будем рассматривать страдание в смысле (а).

Лучше всего для твари полностью предаться Творцу — и волей, и умом, и сердцем. Тогда она блаженна, то есть и добра, и счастлива. Не думайте, что это лишь наша, тварная доля. Сам Бог-Сын извечно предает Себя Отцу. Вот образец для нас, до грехопадения мы ему и следовали; и там, где волю, дарованную Создателем, Его творение в покорности и радости возвращает обратно, — истинный рай и царство Святого Духа. В нынешнем, падшем мире следовать ему непросто. Мы не только несовершенные твари, нуждающиеся в исправлении. Как говорил Ньюмен, мы — мятежники, которые должны сложить оружие. И первый ответ на вопрос, недавно нами поставленный, в том, что нелегко отдать волю, которой ты так долго пользовался по своему усмотрению. Я уже говорил, что и в раю, наверное, приходилось делать какое-то усилие. Но сломить волю, раскормленную, разбухшую, укорененную, не легче, чем умереть. Все мы помним, как мы кричали, как пылали поистине дьявольской злобой, страстно желая своей или чужой смерти, когда в детстве наша воля натыкалась на препятствие. Отец, мать или няня старого склада были совершенно правы, твердя, что прежде всего надо «сломить у ребенка своеволие». Их методы были неверны, но если вы не видите, в чем их правота, вам не понять духовных законов. Сейчас мы не так много вопим и топаем ногами отчасти потому, что старшие все-таки что-то сделали, отчасти же

потому, что страсти наши стали потоньше и на помощь нам пришла система «компенсаций». А чтобы действительно справиться с ними, надо всякий день умирать. Сколько ни ломай мятежное «я», оно все живо. Дело это — болезненное, что явствует хотя бы из самого слова «умерщвление».

Но и это не все. Как ни странно, умерщвление идет легче, если его сопровождает какая-либо другая боль. Мне кажется, тут можно различить три случая.

Человек и не подумает ломать свою волю, если у него все в порядке. И ошибка, и грех — зло скрытое; чем они грубее, тем их жертва меньше о них подозревает. Страдание открыто и видно сразу, это зло явное; если вам плохо, вы сразу поймете, что не все в порядке. Мазохизм — не исключение. Садизм и мазохизм изолируют и выделяют одну сторону нормального полового влечения. Садизм[1] выделяет обладание и господство до такой степени, что только мучение возлюбленного может удовлетворить садиста; так сказать: «Я твой господин и поэтому мучаю тебя». Мазохизм выделяет другое, противоположное: «Я твой раб, и мне приятно даже пострадать от твоей руки». Хотя страдание ощущается как зло — как насильственное подчинение другой стороне, для мазохиста оно становится эротическим стимулом. Не только в страдании узнаем мы зло, но зло невозможно не заметить. Мы можем не замечать наших грехов, глупостей и даже удовольствий (вспомните, как неосмысленно ест обжора самые вкусные вещи), но страдания не заметить нельзя. Господь говорит с нами тихо, доставляя нам радость, беседует с нами голосом совести и кричит, попуская страдания. Страдание — мегафон Божий. Если плохой человек счастлив, нет ни малейшей надежды, что он заметит зазор между собой и Законом.

Именно поэтому люди так часто чувствуют, что плохому человеку надо пострадать. Незачем презирать это чувство, оно сродни справедливости. Когда мы с братом рисовали что-то в детстве, я толкнул его и он нечаянно перечеркнул свой рисунок. Тогда я предложил ему перечеркнуть мой, и все уладилось. Я сам поставил себя на его место, чтобы увидеть зло его глазами. На более высоком уровне эта идея вы-

[1] Современная тенденция считать «садистской жестокостью» просто «большую жестокость» или «жестокость, осуждаемую писателем», для нас бесполезна.

ступает в виде наказания, воздаяния по заслугам. Иногда хочется очистить наказание от всякого возмездия и заменить его перевоспитанием или чем-нибудь еще. Но тогда наказание просто несправедливо. Поистине гнусно мучить человека, если он того не *заслужил*. Если же он заслужил, наказание волей-неволей будет ему возмездием. Что может быть возмутительнее, чем насильственное нравственное воспитание, если человек его не *заслуживает!* Наконец, то же самое чувство вызывает жажду мести, настоящую страсть к отмщению. Она, несомненно, дурна и запрещена христианам, но мы знаем из рассуждения о садизме и мазохизме, что самые дурные вещи — лишь искажение хороших. Хорошим же здесь будет то, что с такой честностью описал Гоббс: «Мы желаем иногда причинить другому боль, чтобы он осудил в себе хоть что-то». Мщение утрачивает цель, гоняясь за средствами, но сама его цель не совсем, не полностью плоха. Мы хотим, чтобы зло злого человека стало для него тем же, чем оно было для других. Не случайно мстителю нужно, чтобы виновный не просто пострадал, но пострадал от его рук, и понял это, и понял, за что. Понятны и стремление мстителя оскорбить виновного в момент воздаяния, и фразы вроде: «Интересно, понравится это ему, когда то же самое сделают с ним?» — или: «Я его проучу». По этой же причине, когда мы хотим оскорбить человека, мы грозимся сказать все, что о нем думаем.

Когда наши предки считали беды и горести мщением Божьим, они не просто приписывали Богу свои дурные страсти. Пока плохой человек не увидит зла хотя бы в форме страдания, он — во власти иллюзий. Когда же страдание встряхнет его, он знает, что не все в порядке, и возмущается, и восстает (а отсюда — ближе к покаянию) или пытается что-то понять (а отсюда — ближе к вере). Конечно, в наши дни и покаяние, и вера труднее, чем в те века, когда в Бога (или даже в богов) верили все; но и сейчас дело делается. Такие атеисты, как Харди и Хаусмен, восстали против Бога, хотя (или потому что) Его, по их мнению, нет, а Хаксли именно из-за страдания пересматривает все и вся и находит выход, пусть не христианский, но все же гораздо более высокий, чем пошлое довольство жизнью. Конечно, боль как мегафон Божий — орудие страшное. Она может привести к полному, бесповоротному мятежу. Но другой возможности исправиться у плохого человека нет. Боль срывает покров, водружает флаг истины в крепости мятежной души.

Итак, в самом грубом и простом случае страдание разрушает иллюзорную уверенность в том, что «все хорошо». Во втором случае оно разрушает иллюзорную уверенность в том, что достояние наше принадлежит нам. Все мы знаем, как трудно обратить мысль к Богу, когда все идет успешно. Фраза «у нас есть все» ужасна, когда это «все» не включает в себя Бога. Мы считаем Бога помехой. Св. Августин говорит, что мы не можем принять Божьих даров, когда руки наши полны. А один мой друг сказал, что Бог для нас, как парашют для летчика: он есть, но воспользоваться им, наверное, никогда не придется. Бог же, сотворивший нас, знает, что наша радость — в Нем, и знает, что мы не обернемся к Нему, пока у нас хоть что-то осталось. Пока нам нравится наша жизнь, мы не подчиним ее Ему. Вот Ему и приходится перекрыть ради нас источники нашего счастья, сделать нашу жизнь менее приятной. Мы особенно возмущаемся Промыслом Божьим, когда надо бы восхищаться Божьим смирением. Нам странно, что беды падают на достойных, приличных, добродетельных людей — на самоотверженных матерей, на бережливых работяг, которые так долго и с таким трудом сколачивали свое скромное благополучие и только-только с полным правом собирались зажить спокойно. Как мне сказать помягче и пояснее то, что надо сказать? Дело не в том, что недружелюбный человек непременно обвинит меня самого в их страданиях, как до сих пор говорят, что св. Августин *хотел*, чтобы некрещеные дети попали в ад. Важнее другое: как бы мои слова не отпугнули кого-нибудь из читателей. Я очень прошу вас предположить хотя бы на секунду, что Бог, создающий этих людей, может быть, и прав, думая, что их пристойного благополучия и обеспеченности их детей мало для блаженства, что все это с них осыплется и что, если они не научатся ставить Бога выше этого, им будет совсем плохо. Поэтому Он и встряхивает их, предупреждая заранее о том, что сами они открыли бы слишком поздно. Жизнь для себя и для своих семей встает между ними и тем, что им действительно нужно; вот Он и делает их жизнь менее сладкой. Я назвал это смирением, потому что не всякий захочет стать последним прибежищем. Будь Господь горд, Он бы не пожелал такой любви; но Он не горд. Он согласен получить нас даже тогда, когда мы ясно показали, что все на свете нам дороже Него, и пришли к Нему лишь потому, что больше «нет ничего лучшего». Такое же смирение звучит в угрозах, которые пугают высокоумных читателей Писания. Да, небольшая честь быть последним прибе-

жищем, выбираемым как альтернатива аду, но Бог на это идет. Ведь надо во что бы то ни стало разрушить иллюзию самодостаточности, и Бог разрушает ее грубым страхом геенны или земной бедой, не стыдясь умаления Своей Славы. Те, кто хотел бы видеть в Писании более изысканного Бога, сами не знают, чего хотят. Будь Он кантианцем, не желающим принять нас, если мы не обратились к Нему из самых чистых и высоких побуждений, кто бы спасся? А иллюзия самодостаточности сильней всего именно у работящих, умеренных людей; значит, к таким людям должны прийти несчастья.

Это и объясняет, почему Господь намного мягче к грехам бесполезным, чем к грехам, которые способствуют земному преуспеянию. Блудница вряд ли сочтет свою жизнь такой удачной и достойной, что Богу в ней нет места. Гордые, корыстные, самоуверенные подвержены этой опасности.

Третий случай описать труднее. Всякий признает, что выбор, как правило, сознателен, — чтобы выбрать, надо знать, что ты выбираешь. До грехопадения человек всегда выбирал то же самое, что Бог. Следуя Божьей воле, он удовлетворял свое желание и потому, что все, требовавшееся от него, было радостно, и потому, что он любил Божью волю и без нее ничто не могло бы обрадовать его. Тогда нельзя было спросить, «ради Бога» или «ради себя» мы так поступаем, ибо «ради Бога» значило «ради себя». Воля, направленная к Богу, везла к счастью, как добрая лошадь, а наша воля, когда мы счастливы, *уносится* счастьем, как корабль увлекается быстрым течением. Удовольствие было желанным даром Богу, поскольку дарить доставляло удовольствие. Но у нас есть много желаний, которые в лучшем случае не противоречат Божьей воле, а если когда и совпадут, то по счастливой случайности. Поэтому мы и не узнаем, что действуем ради Бога, если действие не претит нам или, иными словами, не доставляет нам страданий. Тем самым, сознательно предавая себя Божьей воле, мы неизбежно испытываем страдание. Сейчас я особенно ясно вижу, как трудно предавать волю Богу, когда дело нам нравится. Замыслив эту книгу, я надеялся, что послушание будет хотя бы сопутствующим мотивом моей работы. Но я увлекся, и работа стала скорее искушением, чем долгом. Я надеюсь, что не нарушаю воли Божьей, но было бы просто смешно назвать жертвой такое приятное занятие.

Здесь возникает новая трудность. Кант полагал, что у действия нет нравственной ценности, если оно совершается не из чистого по-

10 Зак. № 387

слушания нравственному закону, а потому, что оно нам нравится. Здравый смысл судит точно так же. Никто не восхищается человеком, который делает что-нибудь приятное. Восклицая: «Да он же это *любит*!», подразумевают обычно: «Следовательно, в этом нет заслуги». Однако против такой точки зрения свидетельствует другая очевидная истина, впервые описанная Аристотелем: чем добродетельнее человек, тем больше радуют его добрые, нравственные друзья и дела. Я не знаю, как сможет выкрутиться атеист из этого противоречия между этикой долга и этикой добродетели, но попробую предложить христианский ответ.

Иногда задавались вопросом, потому ли Господь требует чего-то, что Ему так вздумалось, или потому, что оно само по себе хорошо. Вместе с Хукером, возражая доктору Джонсону, я согласен только со вторым предположением. Из первого можно сделать гнуснейший вывод (как Пэли), что Бог мог бы выбрать не доброту, а злобу и велеть нам ненавидеть друг друга. По-моему, «ошибаются те, кто думает, что у Его воли действовать так или иначе нет никакой причины, помимо Его воли»[1]. Воля Божья обусловлена Его милосердием и мудростью, а мудрость и милосердие любят добро. Но когда мы говорим, что Бог велит нам лишь то, что благо, мы должны прибавить, что одна из внутренне благих вещей — свободное подчинение твари Творцу. Сам факт нашего подчинения хорош, потому что, подчиняясь, мы сознательно исправляем Адамов грех.

Тем самым мы согласны с Аристотелем: доброе действие может быть приятным, и чем лучше человек, тем оно ему приятнее. Но мы согласны и с Кантом в том, что одно доброе дело — предание своей воли — непременно связано с неприятным чувством у падших существ. К этому надо прибавить, что это доброе дело включает в себя все добрые дела. Мы поворачиваем обратно, к раю, развязываем тугой узелок, затянутый Адамом, когда против всех желаний и чувств просто подчинимся Богу. Именно такое действие может быть названо «*тестом*», то есть *испытанием;* потому и говорили наши предки, что беды посланы, чтобы нас испытать. Обычно приводят в пример испытание Авраама, когда он должен был принести в жертву Исаака. Я не стану сейчас говорить ни об исторической достоверности, ни о моральной ценности этого события, но попытаюсь ответить на вопрос: «Если

---

[1] *Хукер.* Законы церковного устроения, I, i, 5.

Господь вездесущ, Он знал, что сделает Авраам; зачем же Он его мучал?» Как заметил еще Августин, Бог знал, но Авраам не знал, что выдержит испытание. А пока он не знал, что выберет, нельзя говорить о выборе. Реальность его послушания — само его действие. Бог именно и знал, что Авраам *сделает* так, а не иначе. Считая, что проверка не нужна, мы, в сущности, объявляем ненужным все, ве́домое Богу.

Страдание разбивает броню дурной самодостаточности, но высшее испытание учит самодостаточности доброй. Когда нет низших, естественных причин и подмог, мы пользуемся лишь той силой, которую дает нам Господь. Воля становится поистине творческой и поистине нашей, когда она принадлежит Богу, и это — один из многих смыслов парадокса о том, что спасающий душу свою погубит ее. Во всех других случаях волю питают наши желания, которые нам поставляют организм и наследственность. Когда же мы действительно действуем от себя, то есть от Бога в себе, мы — соработники творения. Его живые орудия. Потому такие действия и разрубают нетворческие узы, которыми Адам связал свой нечестивый род. Тем самым, если самоубийство лучше всего выражает самую суть стоицизма, а битва — суть воинственности, высшим выражением христианства остается мученичество. Христос перешел на Голгофе все мыслимые пределы добровольно принятой смерти, ибо у Него не только не было естественных подмог, но и Сам Отец Его оставил, а Он не перестал Его слушаться.

Эту истину о смерти знают не одни христиане. Сама природа начертала ее на полотнище мира, где непрестанно умирают зерна и родится колос. Наверное, у природы и научились ей люди, когда приносили в жертву людей или животных, столетиями утверждая, что «без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9, 22), а позже в мистериях изображали духовную смерть и воскресение. Индус, умерщвляющий тело на ложе, утыканном гвоздями, преподает нам ту же истину, и греческий мудрец говорит нам, что мудрая жизнь — упражнение в смерти. Тонкий чувствами и благородный язычник прошлого века пишет о том, как его боги «умирают в жизнь», и Хаксли призывает нас к отречению. Словом, отбросив христианство, мы не спасаемся от этого взгляда. Эта весть открывалась человеку всюду, где он жаждал истины, и до нее доходила пытливая мудрость. Христианство отличается лишь тем, что *облегчает* такой взгляд, дает силу его власти, возвещая, что дело уже начато, и твердая рука ведет нашу руку, когда мы выводим страшные буквы. Кроме того, в отличие от других учений

оно требует не полной смерти, а исправления, перемены. Христианин совсем не обязан пройти через высшую муку. Исповедники спасаются, как и мученики, а многие несомненно святые люди знают спокойную и радостную старость. Ученики Христовы по-разному воспроизводят Его жертву — от злейших мук до той победы над собой, которую с виду не отличишь от разумной умеренности. Я не знаю, как идет выбор; но удивляет меня не то, что хорошие и набожные люди терпят беды, а то, что не все они их терпят. Сам Спаситель объяснял спасение богатых только всемогуществом Божьим (Мк. 10, 27).

Доводы, оправдывающие страдание, вызывают неприязнь к автору. Всякому хочется узнать, как же ведет себя он сам, когда страдает, а не пишет. Обо мне вы можете не гадать, я сам скажу вам: я трус. Когда я думаю о тревоге, снедающей, как пламя, и о сухой пустыне одиночества, о гнусной каждодневной нищете, о тупой боли, закрывающей от нас мир, и о боли, тошнотворно острой, мне так страшно, что я бы от них застраховался, если бы знал, как это сделать. Но при чем тут мои чувства? Вы их и так знаете, ведь они и ваши. Я не пытаюсь доказать, что страдать нетрудно. Страдать ужасно, иначе не о чем было бы и говорить. Я просто хочу показать, что в старой мысли о спасении через муку что-то есть, а не доказать, что это приятно.

Размышляя об этом, надо помнить о двух вещах. Во-первых, боль — только центр системы, в которую входят еще страх и сострадание. Даже если бы она сама не имела духовной ценности, ценно уже и то, что кто-то кого-то пожалел и кто-то чего-то испугался. Надеюсь, вам ясно, что страх и сострадание способствуют послушанию и милости. Все мы помним, как простая жалость помогала любить неприятных нам людей, то есть любить их не потому, что они нам нравятся, а потому, что они нам братья. Пользу страха многие из нас узнали во время предвоенных кризисов. Сам я, например, живу бестолково и нелепо, с кем-то вижусь, тешу работой тщеславие, слабо радуюсь гостям или новой книге, как вдруг боль в животе или газетный заголовок пробуждают меня. Сперва я теряюсь и тупо смотрю на мои поломанные игрушки, а потом понемногу, со скрипом мое умонастроение становится таким, каким должно быть всегда. Я вспоминаю, что игрушки не вправе владеть моим сердцем, что благо мое — не в этом мире и сокровище мое — Христос. Божьей милостию я на день-два становлюсь сознательно зависимым от Бога и черпаю от Него силу; но все встает на место, природа моя привычно тянется к игрушкам, и я даже стараюсь

(прости меня, Господи!) изгнать из сознания чувства этих дней, потому что они связаны с чем-то неприятным. Богу удалось удержать меня при Себе на двое суток и то лишь потому, что Он забрал все остальное. Но меч Его исчез из виду, и я, как щенок после купанья, встряхиваюсь и спешу вываляться если не в помойке, то в ближайшей клумбе. По-видимому, испытания не могут прекратиться, пока Бог не переделает нас или не увидит, что переделать нас нельзя.

Во-вторых, когда мы думаем только о боли как центре этой системы, не надо ничего примысливать. Именно поэтому я пишу о страданиях человека больше, чем о страданиях животных. Человеческие страдания мы знаем, о страданиях животных можем лишь рассуждать. Но даже и с людьми мы должны принимать в расчет только то, что знаем. Многие писатели и поэты считают теперь, что страдание непременно озлобляет. Конечно, как и наслаждение, оно способно умертвить душу: все, что дается существу со свободной волей, обоюдоостро[1]. Но страдание озлобит еще больше, если учить страдающих, что именно так и надо на него отзываться. Негодовать при виде чужих страданий благородно, но и опасно, ибо это может умалить терпение и смирение страдающего и поселить в нем ненависть и цинизм. Однако я не совсем убежден, что страдание само по себе, без подсказки, непременно породит дурные чувства и черты. На передовой, в окопах, я нашел ничуть не больше злобы, себялюбия и подлости, чем в других местах. Я видел удивительную духовную красоту у сильно страдающих людей. Я часто наблюдал, как с годами люди становятся лучше и как последняя болезнь порождает силу и кротость в тех, кто никогда их не знал. Мои любимые исторические лица — скажем, доктор Джонсон и Коупер — были бы почти невыносимы, если бы они не так страдали. О бедности — муке, порождающей все муки, — я говорить не решусь; и тех, кто отвергает христианство, не тронут слова Христовы о блаженстве нищеты. Но за меня скажет примечательный факт: те, кто считает нашу веру «опиумом народа», презирают всех людей, *кроме* бедняков. Они считают только бедняков достойными жизни и возлагают на них свои надежды. Это несовместимо с верой в то, что страдания бедности порождают лишь дурные свойства; наоборот, это подразумевает, что такие страдания благи. Как и мы, марксисты верят и в то, что бедность блаженна, и в то, что с ней надо бороться.

---

[1] Об обоюдоострой природе страдания см. Приложение.

VII. СТРАДАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
(Продолжение)

Все, что существует так, как до́лжно, подчиняется второму вечному закону; а то, что ему не соответствует, неким образом управляется первым вечным законом.

Р. Хукер. Законы церковного устроения

В этой главе я выдвину и попытаюсь доказать шесть пропозиций, без которых невозможно понять проблему страдания. Они не вытекают друг из друга, и порядок их произволен.

1. В христианстве есть парадокс; на первый взгляд оно как-то непоследовательно относится к испытаниям. Бедность душеполезнее богатства, но милосердием и правдой (то есть социальной справедливостью) мы должны уничтожать бедность где можем. Блаженны изгнанные и гонимые, но мы вправе бежать от гонений (Мф. 10, 23) и даже молиться о том, чтобы они нас миновали, как молился Спаситель в Гефсимании. Однако если страдать полезно, зачем спасать и спасаться от страданий? Отвечу, что само по себе страдание — не благо. Хорошо в нем лишь то, что страдающего оно *иногда* подчиняет Божьей воле, а в других — порождает жалость и деятельную доброту. В падшем и частично искупленном мире дело обстоит так: а) от Бога исходит чистое добро; б) чистое зло — от Его мятежных созданий; в) Бог использует это зло в Своих целях; г) возникает новое, производное добро, которому способствует принятое страдание и сокрушение о грехе. Бог всегда может обратить зло в добро, но это ни в коей мере не оправдывает злодеев. Поймите, это исключительно важно. Надобно прийти обидам, но горе тому, через кого они придут. Когда умножается грех, действительно преизобилует благодать — но не дай нам Господи вывести отсюда, что следует побольше грешить. Крестный путь ведет к вершине земной истории, но для Иуды оправданий нет.

Применим все это к страданиям ближних. Добрый человек делает добро ближнему, сознательно участвуя в чистом добре Божьем. Злой человек обижает ближнего, участвуя тем самым в чистом зле; но Бог использует его дела без воли его и согласия, чтобы произвести новое добро. Итак, добрый служит Богу, как сын, злой — как

орудие. Что ни делайте, Бог все приведет к добру, но *для вас* отнюдь не безразлично, кто вы Ему — Иуда или Иоанн. Система, так сказать, рассчитана на то, что плохой человек преткнется о хорошего. Добрые плоды терпения, мужества, жалости и милосердия, ради которых плохому человеку попущено творить зло, не вырастут, если не будет хороших людей, обычно творящих добро. Говорю «обычно», так как иногда нужно и причинить страдание (и даже, по-моему, убить), но лишь в том случае, если: а) иного выхода нет; б) добро от этого — бесспорно и в) нам дано на это хоть какое-то право — природой (как отцу), обществом (как судье или воину) или самим страдающим (как хирургу). Если же вы захотите оправдать и утвердить измывательства над ближним, потому что «страдание ему на пользу» (как безумец Тамерлан у Марлоу возомнил себя «бичом Божьим»), вы не нарушите Божьего замысла, но предъявите права на роль сатаны. Что ж, делающий его дело примет и его плату — полное разобщение с Богом.

Точно так же решается вопрос и о нашем собственном страдании. Многие аскеты истязали себя. Я мирянин и не буду судить о том, стоило ли это делать; но я уверен, что самоистязание очень сильно отличается от боли, посланной Богом. Всякий знает, что пост и голод — разные вещи. Пост включает в себя усилие воли, и награда его — сила, а опасность — гордыня. Голод вынужденный предает и аппетит наш, и волю воле Божьей, давая нам возможность смириться. Опасность есть и тут — мы можем восстать, возмутиться, озлобиться. Но аскетические упражнения, укрепляющие волю, полезны лишь до тех пор, пока воля наводит порядок в нашем обиталище страстей, готовя дом для Господа. Они полезны как средства, как цель они ужасны — подменяя аппетит волей, мы просто сменим животное естество на естество бесовское. Поистине, лишь Бог властен над смертью. Испытания делают свое дело в мире, где мы, люди, стараемся избежать боли и обрести радость. Чтобы предать волю Богу, надо чего-то хотеть. Христианское отношение — не бесчувствие стоиков, а готовность предпочесть Бога более низким, тленным, но не злым целям. Сам совершенный Человек очень хотел избежать страдания и смерти, но готов был принять их, если в этом — воля Отца. Некоторые святые советуют от всего отрешиться сразу, в начале пути; но я думаю, что они говорят о полной *готовности* отрешиться от чего угодно, когда

потребует Бог[1]. Невозможно ничего не хотеть, кроме подчинения Богу. В чем тогда материя отказа? Невозможно сказать: «Я хочу подчинить то, что я хочу, Божьей воле», это не имеет смысла. Конечно, мы слишком стараемся избежать страданий, но неприязнь к ним законна, согласна со всей системой тварной жизни, на которую и рассчитана их очистительная роль.

Тем самым неверно думать, что христианский взгляд на страдание не разрешает нам улучшать мир. В самой полной из притч о Страшном суде Господь сводит всю добродетель к деятельному милосердию; и, хотя нельзя отрывать эту притчу от всего остального в Евангелии, она ясно показывает, какова самая суть нашей социальной этики.

2. Если без испытаний не спасешься, испытания будут, пока Господь не спасет мир или не признает, что спасти его невозможно, Поэтому христианин не может верить тем, кто обещает ему, что, улучшив экономику, политику или медицину, мы обретем рай на земле. Казалось бы, это должно ввергнуть в уныние христианских общественных деятелей, но они не унывают. Когда чувствуешь, что все мы, люди, объединены страданием, действовать хочется не меньше, чем тогда, когда дикая надежда искушает нас преступить нравственный закон, а потом дает нам прах и пепел. Представим себе, что речь идет об отдельном человеке, и нам сразу станет ясно, что неосуществимость земного рая ничуть не мешает милосердию. Голодный хочет есть, больной — вылечиться, хотя оба знают, что потом их ждет не рай, а обычная нелегкая жизнь. Я не обсуждаю сейчас, нужны ли серьезные изменения в общественной системе. Я просто напомнил, что не надо путать лекарство с эликсиром бессмертия.

3. Поскольку мы коснулись политики, напомню и о том, что христианское учение о послушании и покорности — богословское, а не политическое. Мне нечего сказать ни о формах правления, ни об общественном самоуправлении, ни об общественном послушании. Та степень послушания, которую мы обязаны оказывать Богу, беспримерна и неповторима, как неповторима и связь между созданием и Создателем. Никаких политических выводов из этого делать нельзя.

---

[1] См., например, IV беседу брата Лаврентия (от 25 ноября 1667 года). «Один лишь искренний отказ от всего мыслимого не ведет нас к Богу».

4. Христианское учение о страдании объясняет, мне кажется, удивительную особенность нашего мира. Бог не дает нам спокойствия и счастья, к которым мы так стремимся, но Он очень щедр на радость, смех и отдых. Мы не знаем покоя, но знаем и веселье, и даже восторг. И понятно почему. Уверенность благополучия обратит сердце к временному, отрывая его от Бога. Редкие радости любви, прекрасный пейзаж, музыка, беседа, купание или матч такого эффекта не имеют. Отец подкрепляет нас в пути, но строго следит, чтобы мы не приняли за собственный дом придорожную таверну.

5. Не надо осложнять и затемнять дело толками о «немыслимой сумме страданий». Представим себе, что у меня болит зуб, и определим сумму этой боли через «*x*». Так же болит зуб и у вас. Если вы хотите, можете сказать, что сумма боли будет «*2x*», но помните, что никто и никогда такой боли не испытывает. Страдания не слагаются. Предел какого-нибудь страдания, конечно, ужасен, но дальше идти некуда, дальше нет ничего, прибавь мы хоть миллион других страданий.

6. Страдание — единственное на свете чистое, неосложненное зло. Заблуждение, зло ума, порождает другое заблуждение. Грех порождает грех, укрепляя привычку к нему и ослабляя совесть. И страдание, и заблуждение, и грех могут повторяться, если повторилась причина (для греха — искушение, для ошибки — усталость или что-нибудь еще, хотя бы опечатка, для страдания — болезнь или чья-нибудь злая воля). Но страдание не плодится, не порождает зла. Если оно прошло — оно прошло и сменилось облегчением. Исправляя ошибку, вы должны не только устранить привычку или причину, но и переменить мнение; исправляя грех, вы должны раскаяться. И там, и тут нужно что-то переделать, выправить, иначе снова и снова, до конца времен, будут возникать грехи и ошибки. Когда же кончилось страдание, ничего выправлять не надо. Заблуждение заражает, грех служит соблазном и ввергает одних — в попустительство, других — в осуждение и гнев. Страдание же не оказывает дурного действия на свидетелей, напротив — оно порождает в них жалость. Господь творит сложное, производное добро, о котором мы говорили, именно из него, потому что в нем нет тлетворного начала, худшей черты зла.

VIII. АД

Что есть сей мир, солдаты?
Это — я: Я — этот непрестанный снег
И северные небеса;
Солдаты, эти сирые места, где мы идем,
есть я.

У. де ла Мэр. Наполеон

Я Ричарда люблю, и Ричард — друг мне;
Я — тот же я.

У. Шекспир. Ричард III

В одной из предыдущих глав мы говорили о том, что страдание может не только пробудить, но и озлобить, привести нас к последнему и нераскаянному мятежу. Человек наделен свободной волей, и все дары ему обоюдоостры. Из этого следует, что Божьи попытки спасти всех и каждого могут иногда не удаться. Некоторых Бог не спасет. Нет доктрины, которую я больше бы хотел устранить из христианства; но это не в моей власти. Ее поддерживают Писание и собственные слова Спасителя, поддерживает ее и разум. Если идет игра, возможен и проигрыш. Радость человека — в том, чтобы предаться Богу, но никто не может сделать это вместо него (хотя многие могут помочь ему), а сам он вполне способен этого не захотеть. Я заплатил бы любую цену за право сказать: «Все спасутся», но разум спрашивает меня: «По своей воле или насильно?» Я отвечаю: «Насильно» и впадаю в противоречие: может ли высший акт воли — предание себя Богу — совершаться так? Я отвечаю: «По своей», и разум мне возражает: «А если кто-нибудь не захочет?»

Слова Господни об аде, как и все Господни слова, обращены к совести и воле, а не к умственному любопытству. Когда же они пробудили нас, дело их сделано; и если бы все на свете стали христианами, мне больше не о чем было бы говорить. Однако именно эти слова нередко отвращают человека от христианства и приводят к сомнению в благости Божьей. Нас обвиняют в жестокости, словно мы радуемся аду (хотя я, например, ненавижу его всем сердцем), и напоминают о том, сколько трагедий породила вера в него. О трагедиях, которые эта вера остановила бы, нам напоминают реже. По этим и только по этим причинам мне придется говорить на такую тему.

Проблема наша не в том, что Бог допускает гибель Своих созданий. Так встал бы вопрос, если бы мы были мусульманами. Христианство, верное, как всегда, сложности реального мира, ставит перед нами более трудную задачу: наш Бог так многомилостив, что Он вочеловечился и умер в муках ради нашего спасения, — и все же, если не помогает и это героическое средство, Он как бы не хочет или даже не может спасти человека насильно. Я сказал, что заплатил бы любую цену, чтобы не было этого *учения*. Это не так. Я не могу заплатить и тысячной доли того, что заплатил Господь на Голгофе, чтобы не было самого *факта*. В том-то и трудность: столько милости, и все-таки есть ад!

Я не собираюсь доказывать, что учение об аде можно вынести. Не заблуждайтесь, вынести его нельзя. Однако я попытаюсь доказать, что оно не противно нравственности, и для этого разберу обычные возражения против него.

Во-первых, многие возражают против наказания, вернее, против воздаяния. Мы говорили об этом в предыдущей главе и пришли к выводу, что любое наказание безнравственно, если в нем нет воздаяния, возмездия. В самой тяге к отмщению мы нашли крупицу правды: плохой человек должен увидеть то, что видят другие, он должен узнать, что творит не добро, а зло. Я говорил, что страдание водружает знамя правды в мятежной крепости. А что, если раскаяния нет, если знаменем все и кончилось и правда в крепость не вошла? Будем честны. Представим себе человека, который изменой и жестокостью добился богатства и власти. Представим, что он неустанно использовал себе же на благо доброту своих жертв и смеялся над их простотой. Представим, что, войдя в силу, он предался распутству и ненависти, а в довершение отбросил те остатки чести, которые есть и у воров, и предал своих сообщников. Представим себе, наконец, что он при этом ничуть не сокрушается, а ест, как школьник, и спит, как младенец, твердо веря, что Бог и люди — дураки, которых он перехитрил, и только его жизнь успешна и правильна. Тут нужна особая осторожность. Ни за что, ни в коем случае нельзя поддаваться страсти мщения. Это очень большой грех. Христианское милосердие велит нам снова и снова спасать его любой ценой, ценой своей жизни, ценой своей души. Но сейчас речь не об этом. Представим себе, что он *не хочет* сдаваться. Что ж, по-вашему, должно его ждать в вечности? Неужели вы в действительности хотите, чтобы он, *не меняясь* (а он ведь может не измениться, у него свободная воля), думал, что последнее слово осталось

за ним? Если вы этого не хотите и не вытерпите, одна ли ваша слабость или злоба в том виной или же распря между правдой и милостью, которую вы считали устаревшей и умозрительной, оказалась в самой вашей душе и пришла туда вроде бы сверху, а не снизу? Вам хочется мучений злодея; вам хочется, чтобы рано или поздно в страшной, мятежной душе поднялось знамя правды, даже если на том все и кончится. В определенном смысле ему лучше знать, что он прогадал. Никакая милость не пожелает, чтобы он сохранил навеки свою гнусную иллюзию. Св. Фома Аквинский применил к страданию то, что Аристотель сказал о стыде: само по себе оно дурно, но при определенных обстоятельствах приносит и пользу. Другими словами, когда перед нами зло, страдание — род познания, и поэтому в нем есть относительное благо. Альтернатива — много хуже; ведь она в том, чтобы душа и не подозревала о зле или хотя бы не знала, что зло противно замыслу о ней. «И то, и другое, — говорит Фома, — дурно *без сомнения*»[1]. И, как нам это ни страшно, мы с ним соглашаемся.

Мы хотели, чтобы Бог простил этого человека таким, как он есть, потому что мы не знаем разницы между словами «простить» и «попустить». Попускающий зло просто игнорирует его, как бы причисляет к добру, списывает со счета. Прощение же надо не только дать, но и *принять; а* тот, кто не видит за собой вины, не примет прощения.

Я начал эту главу с представлений об аде как о наказании Божьем, ибо в этой форме доктрина ужасней всего, а я хотел встретить лицом к лицу самое сильное возражение. На самом же деле Господь чаще говорит о том, что суд — в предпочтении тьмы свету; о том, что не Он, но *слово* Его судит людей. Мы же вправе считать, что гибель этого человека — не в приговоре ему, а в том, что он останется таким, как есть. Погибшие души «отвергают все, кроме себя»[2]. Наш воображаемый эгоист пытался присвоить и потребить все, что встречал на пути. В нем нет никакой тяги к тому, что не есть он (а это значит, что его не обрадует никакое добро), но все же ему приходится соприкасаться с внешним миром. Смерть его от этого освобождает. Он может, наконец, жить лишь самим собой и наслаждаться тем, что он там найдет. Находит он ад.

Другое возражение: вечная гибель не соответствует временному злу. Если мы представляем себе вечность как простое продолжение времени, так оно и есть. Но это представление о вечности не совсем

[1] Summa Theologica, I, II, Q. XXXIX, Art I.

[2] *Ф. фон Хюгель.* Эссе. Серия 1. Что такое небо и ад.

верно. Представим себе время как линию (а это образ хороший, ибо «точки» времени следуют одна за другой и сосуществовать не могут, то есть у времени нет *ширины*, одна длина); тогда нам придется мыслить вечность двумя, а то и тремя измерениями. Трехмерное тело лучше всего воплотит всю реальность человеческой жизни. Тело это в большей части сотворено Богом через благодать и природу, но наша свободная воля проводит ту сторону основания, которую мы называем земной жизнью; и если линия эта неверна, куб окажется не на своем месте. Спасибо Создателю, что жизнь коротка. Мы и эту линию умудряемся провести так, что сдвигается весь наш куб. Что бы мы с ним наделали, если бы нам доверили больше?

Возражение это существует и в другой форме: говорят, что смерть не должна подводить черту, что надо дать человеку еще один шанс[1]. Я думаю, что, если бы миллион шансов тут мог помочь, нам бы их дали. Только учитель знает, когда уже бесполезно разрешать переэкзаменовку. Когда-то черта подводится, и не так трудно поверить, что всеведению Божию ве́дом этот час.

Третье возражение обращает наш взор к тем ужасам адских мук, о которых говорит не только средневековое искусство, но и само Писание. Однако, как пишет фон Хюгель, мы не должны смешивать доктрину с системой образов, через которые она передается. Господь применяет для ада три символа: муки («...в муку вечную» — Мф. 25, 46), гибели («...кто может и душу и тело погубить в геенне» — Мф. 10, 28) и лишения, или же утраты, изгнания во внешнюю тьму (см. притчи о брачной одежде и о мудрых и неразумных девах). Широко распространенный образ огня важен, ибо он соединяет в себе идеи мучений и гибели. Без сомнения, все эти образы призваны дать нам понятие о чем-то несказанно ужасном, и всякое иное толкование, как это ни жаль, надо исключить сразу и навсегда. Совсем не обязательно отдавать предпочтение образу мук в ущерб образам, предполагающим гибель и лишения. Что же можно с одинаковым успехом выразить в этих трех символах? Гибель представляется нам обычно как исчезновение, словно душа может просто исчезнуть. Но мы знаем по опыту, что, когда одна вещь гибнет, возникает другая. Сожгите полено, и вы получите пепел, какие-то газы и тепло. Это, так сказать, бывшее полено. Быть может, и здесь гибель означает переход в некое состо-

[1] Мысль эту не надо путать с учением о чистилище, где находятся *спасенные* души, или о лимбе, где находятся *погибшие*.

яние «бывшей души»? Не к этому ли состоянию подходит образ муки, и образ гибели, и образ утраты? Надо вспомнить, что спасенные идут в место, уготованное *для них*, а погибшие — в место, вообще не уготованное для людей (Мф. 25, 34 и 41). Попадая в рай, люди становятся людьми в той полной мере, которой не достигли на земле; попадая в ад, они выбывают из человечества. То, что выброшено (или выбросилось) во тьму, — не человек, а его «останки». У полноценного, целого человека страсти подчинены воле, а воля предана Богу. У человека «бывшего» воля, по-видимому, полностью сосредоточена на нем самом, а страсти совершенно ей неподвластны. Конечно, невозможно представить, что происходит в его сознании, — ведь он уже не грешник, а какая-то свалка враждебных друг другу грехов. Мне кажется, что прав был сказавший, что ад — это ад не с адской, а с райской точки зрения. Такая мысль ничуть не противоречит суровости Господних слов. Одним лишь погибшим их участь может показаться сносной. Сейчас, в этих главах, нам надо помнить, что, когда речь идет о вечности, страдание и удовольствие уже не так важны. Не им принадлежит последнее слово. Если, как это ни странно, погибшие («бывшие») души испытывают удовольствие, оно такое, что любая еще не погибшая душа ринется в молитву при одной мысли о нем. Если же в раю есть страдание, все, кто хоть что-нибудь понимает, захотят его испытать.

Четвертое возражение: добрый человек не сможет блаженствовать в раю, зная, что хотя бы одна душа мучается в аду; а если так — неужели мы добрее Бога? Возражение это основано на образе рая и ада, существующих параллельно, как Америка и Англия. Нам представляется, что обитатель рая может сказать: «Сейчас кто-то страдает в аду». Но заметьте, что Господь, говоря об ужасах ада, подчеркивает не длительность их, а *окончательность*. Уход во внешнюю тьму — конец делу, а не начало какой-то новой жизни. У нас нет оснований сомневаться в том, что погибшая душа обречена окончательно на свою страшную долю; но нам не известно, означает ли это вечную или вообще какую-нибудь длительность. Интересные мысли об этом вы найдете у Эдвина Бивена[1]. Мы знаем о рае гораздо больше, чем об аде, потому что рай — наш дом и в нем есть все, что нужно для полной человеческой жизни; ад же не создан для людей. Ад не параллелен раю, он — вне его, во тьме, за пределами бытия.

---

[1] Символизм и вера.

Наконец, говорят, что полная потеря одной-единственной души — провал всемогущества Божьего. Так оно и есть. Создавая существа со свободной волей, Господь заранее идет на провал. Вообще, провал этот я скорее назвал бы чудом. Из всего, что мы знаем о Боге, это — самое удивительное. Подумайте только, Он создает то, что — не Он, и допускает тем самым, чтобы сотворенное, Его творение, воспротивилось Ему. В определенном смысле погибшие — победители: им удался их мятеж; и я охотно верю, что врата ада заперты *изнутри*. Я говорю не о том, что им «не хочется» выйти, может быть, им и хочется, как хочется завистнику быть счастливым; но они не желают сделать и шага к тому пути, на котором душа достигает блаженства. Они обрели свою страшную свободу и стали рабами, узниками, тогда как спасенные, отрешившись от себя, становятся все свободней.

Всем, кто возражает против учения об аде, можно сказать: «Чего вы хотите от Бога? Чтобы Он стер все прежние грехи и дал возможность начать снова, устраняя все помехи и помогая благодатью? Он так и сделал на Голгофе. Чтобы Он простил? Не все хотят прощения. Чтобы Он оставил этих людей на собственный свой произвол? Боюсь, что это Он и делает».

И еще одно. Я описал в этой главе такого плохого человека, которого особенно легко признать плохим. А теперь забудьте его. Толкуя и думая об аде, мы должны иметь в виду не гибель наших врагов или друзей, а нашу собственную гибель. Глава эта — не о вашей жене, не о вашем сыне, и не о Нероне, и не об Иуде. Она — о вас и обо мне.

IX. СТРАДАНИЯ ЖИВОТНЫХ

...Чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

Бытие 2, 19

...Когда дело идет о природе предмета, последний должен рассматриваться в его природном, а не извращенном состоянии.

Аристотель. Политика

Мысль о страданиях животных ужасает нас; и не потому, что животных очень много (мы уже видели, что от страданий миллиона

существ боли не больше, чем от страданий одного), но потому, что христианское объяснение человеческих мук к ним неприменимо. Насколько мне известно, животные не способны ни к добродетели, ни к греху; из чего следует, что они не могут заслуживать страданий, а страдания не могут их улучшить. Однако мы не должны ставить проблему их страданий во главу угла — не потому, что они неважны (все, что искушает нас усомниться в благости Божьей, бесконечно важно), а потому, что нам их не понять. Господь дал нам возможность хоть как-то понимать свои страдания; понимать страдания животных нам не дано. Мы не знаем, почему животные созданы и кто они такие. Что бы мы о них ни сказали, все будет неточно, наугад. Из учения о благости Божьей мы вправе вынести без колебаний, что нам только *кажется*, будто Бог беспечно жесток к ним; и нам легче в это поверить, когда мы знаем, что единственные страдания, известные нам по опыту, — наши собственные — не доказывают Его жестокости. Все прочее — лишь догадки.

Для начала вынесем за скобки печальные рассуждения, которых я коснулся в первой главе. Тот факт, что растения «живут за счет друг друга» и «безжалостно друг друга губят», совершенно безразличен в нравственном отношении. «Жизнь» в биологическом смысле этого слова никак не связана с добром и злом, пока в дело не вступят ощущения. Сами слова «за счет» и «безжалостно» — просто метафоры. Вордсворт считал, что цветок «наслаждается воздухом», но нет никаких оснований верить ему. Конечно, растения реагируют на внешнее вмешательство иначе, чем неорганическая материя; но человеческое тело под наркозом реагирует еще активнее, хотя ничего не чувствует. Мы вправе говорить о смерти или гибели растения как о большой беде, если сознаем, что выражаемся метафорически. Минералам и цветам, среди прочего, положено поставлять метафоры для душевных и духовных реальностей. Однако мы не должны попасть к метафоре в плен. Лес, в котором половина деревьев покончила с другой половиной, безупречно хорош — он и красив, и полезен, и ничуть не страдает.

Когда же мы переходим к животным, сразу встают три вопроса. Во-первых, вопрос о факте: что именно чувствуют животные, как они страдают? Во-вторых, вопрос о происхождении: как страдание и боль проникли в их мир? И наконец, вопрос о справедливости: можно ли примирить их страдания со справедливостью Божьей?

1. В сущности, на первый вопрос ответом будет: «Не знаю», но кое-что предположить можно. Для начала разделим самих живот-

ных — ведь если бы обезьяна могла понять нас, она бы обиделась, что ее противопоставляют человеку вместе с червем или устрицей. Без сомнения, человек и обезьяна больше похожи друг на друга, чем на червя. Никто не обязывает нас считать, что и на самом низу животного царства существует чувствительность к боли. Отграничивая животных от растений, биологи используют не те признаки, которые выдвинул бы непосредственный непосвященный наблюдатель, скажем, нечувствительность и неспособность к движению. Однако где-то (мы не знаем где) появляется чувствительность к боли, ибо нервная система уже похожа на нашу. Но и на этом уровне мы не должны отождествлять чувствительность с осознанностью. Если вы не слышали о разнице между ними, она удивит вас, но она очень важна, и нельзя ее списывать со счета. Предположим, что три ощущения *А*, *В* и *С* следуют одно за другим. Когда это бывает с вами, вы сознаете, что претерпели некий процесс *АВС*. Но подумайте о том, чему вы этим обязаны. По-видимому, в вас есть нечто, в достаточной степени внешнее по отношению к *А*, чтобы заметить его исчезновение, и достаточно внешнее по отношению к *В*, чтобы заметить его возникновение, и т. д. Именно это я и назвал осознанностью, и описанный мною процесс — одно из доказательств того, что душа, хотя и ощущает время, не заполнена временем вплотную. Но осознать процесс *АВС* как процесс может только душа, не сводящаяся к простому чередованию состояний, а скорее подобная руслу, по которому они движутся, и сама при этом сознающая свое, отдельное от них единство. Нервная система высших животных почти наверное отдает себе отчет в ощущениях; но отсюда не следует, что у них есть «душа», которая осознает в себе ощущения *А* и *В*, сменяющиеся ощущением *С*. Если нет, не будет воспринят и процесс *АВС*. Говоря философским языком, существует «последовательность восприятий», то есть ощущения следуют именно в том порядке, но Бог об этом знает, а животное — нет. У них нет «восприятия последовательности». Когда такое существо хлестнут два раза бичом, оно испытает боль дважды, но никакое «координирующее я» не осознает этого. Даже при одном ударе никакое «я» не скажет: «Мне больно», ибо, если бы оно могло отделить себя от ощущения — русло от потока, — оно бы свело воедино и те два удара. Правильным было бы сказать: «В этом животном имеет место страдание», а не то, что мы обычно говорим: «Это животное испытывает страдание»; ведь слово «испытывает» подразумевает, что существует некое «я», или «душа», или «сознание», воз-

вышающееся над ощущениями и превращающее их в «опыт», как у нас. Конечно, мы не можем представить себе такую неосознанную чувствительность; хотя она бывает и у нас, мы в этих случаях говорим, что «были без сознания». Животные реагируют на боль, но и мы реагируем под наркозом и даже отвечаем на вопросы во сне.

Я и гадать не берусь, до какого уровня животной жизни верно все вышесказанное. Очень трудно предположить, что обезьяна, слон, кошка или собака лишены хоть какой-то «осознающей души». Но и без них большая часть того, что мы называем страданием животных, — не страдания. Мы сами выдумали «невинных страдальцев» по трогательной причине: нам хочется видеть в животных то, чего в них нет.

2. Прежде страдания животных возводили к грехопадению человека; и правда, бесплодный мятеж Адама в немалой степени испортил мир. Но теперь мы знаем, что животные существовали задолго до людей и поедали друг друга. Думая об этом, поневоле вспомнишь то, что не было догмой, но всегда входило в вероучение Церкви и подразумевается во многих словах Христа, Иоанна и Павла. Я имею в виду веру в то, что человек не первый восстал против Бога, — другое, более мощное создание, отступившее от Создателя, стало князем тьмы и тем самым — князем мира сего. Не все в это верят, и мне возражали иногда, что Господь, совлекшись Своей славы, мог разделять, как человек, предрассудки своего века. Я и сам считаю, что Иисус-человек не был всеведущим, ибо человеческий мозг, наверное, не вместит всеведения, а предполагая, что Его мысль не связана с мозгом, мы впадаем в докетизм, отрицающий истинность Воплощения. Если бы какие-нибудь Его слова оказались неверными с исторической или научной точки зрения, это ничуть не поколебало бы моей веры в то, что Он — Бог. Но учение о сатане не оказалось неверным. Оно противоречит не научным фактам, а смутному «духу эпохи», в которой нам довелось жить. Каждый ученый знает, что в его области открытия делали и все ошибки исправляли именно те, кто не считается с духом своей эпохи.

И вот мне представляется вполне вероятным, что некие невидимые твари действовали во Вселенной, или в Солнечной системе, или на Земле до сотворения человека. Я не пытаюсь «объяснить все зло»; я просто расширяю утверждение о том, что зло — порождение свободной воли. Если, как я сам верю, твари эти существуют, они могли портить животный мир, когда людей еще не было. Внутреннее зло животного мира в том, что некоторые животные живут, уничтожая друг

друга. Нечто подобное есть и у растений, но зла тут нет. Таким образом, вред, причиненный сатаной животным, в определенной степени подобен вреду, причиненному нам, людям. В результате грехопадения животная сторона человека перестала подчиняться стороне человеческой. Так и здесь: по чьей-то злой воле животные соскользнули к образу жизни, свойственному растениям. Мне скажут, что огромная смертность, порожденная хищничеством, уравновешивает огромную рождаемость; и будь все животные травоядными, они бы перемерли с голоду. Но я предполагаю, что рождаемость и смертность соотносительны. Наверное, не было необходимости в таком избытке половой силы, и князь мира сего измыслил его в дополнение к хищничеству, как бы дважды обеспечив наибольшее количество мук. Если вам от этого легче, замените все мои рассуждения приличной фразой: «Жизненной силе нанесен урон». Это одно и то же, но мне легче верить в ангелов и бесов, чем в отвлеченные понятия. Да и, в сущности, мифы эти могут оказаться гораздо ближе к буквальной истине, чем нам представляется. Вспомним, что Христос однажды счел причиной болезни не гнев Божий и не природу, а прямо сатану (Лк. 13, 16).

Если гипотеза эта достойна внимания, то возможно и другое: явившись в мир, человек должен был животных спасти. Даже и сейчас он творит с ними чудеса; у меня самого собака и кошка мирно живут вместе. Быть может, человек среди прочего был призван восстановить у животных мир, и, если бы он не перешел к противнику, он бы совершил дела, которых мы и представить себе не можем.

3. Теперь перед нами встает вопрос о справедливости. По-видимому, не все животные страдают так, как мы это понимаем; но если у некоторых из них есть что-то вроде личности, что делать с этими невинными страдальцами? Я только что говорил, что страдания животных, наверное, порождены не Богом, а дьяволом и длятся потому, что человек ушел со своего поста. Но если Бог не породил их, Он их попустил; так что же делать, как помочь животным? Меня предупредили, чтобы я и не думал рассуждать о бессмертии животных, иначе я окажусь в компании «старых дев»[1]. Это меня не испугало — я не вижу ничего постыдного ни в старости, ни в девстве, и часто именно старые девы удивляли меня высотой и тонкостью ума. Не пугают меня и дурацкие вопросы вроде: «Куда же вы денете всех москитов?» —

[1] А также в компании Дж. Уэсли.

на них надо отвечать на том же уровне (скажем: «Рай для москитов — в аду для людей»). Больше трогает меня то, что ни в Писании, ни в Предании ничего об этом не говорится. Но это решало бы вопрос, если бы наше Откровение было некоей «системой природы», отвечающей на все вопросы. Оно и не пытается дать полной «картины мироздания»; занавес приподнят лишь в одном месте, чтобы открыть нам то, что нам необходимо, а не ради нашего удовольствия или умственного любопытства. Если животные бессмертны, Бог вряд ли открыл бы нам это. Даже вера в бессмертие людей возникла в иудаизме не сразу. Тем самым и этот аргумент меня не пугает.

Истинная сложность в другом: бессмертие (или воскресение, или вечная жизнь) почти лишено смысла для существа, у которого нет самосознания. Если жизнь тритона — лишь цепь последовательных ощущений, в каком смысле Бог может дать ему жизнь после смерти? Он себя и не узнает. Приятные ощущения другого тритона ровно так же уравновесят все его земные страдания. И что значит «*его*» страдания? Где его «я»? Мне кажется, для существ, наделенных лишь ощущением, речи о бессмертии быть не может. Ни милость, ни справедливость не требуют его, ибо у таких существ нет связного опыта боли. Их нервная система различает по отдельности все *буквы* — Б, О, Л, Ь, но читать они не умеют и никогда не сложат их в слово *БОЛЬ*. Может быть, это верно по отношению ко всем животным.

Однако мы чувствуем, что у высших животных, особенно у прирученных, есть хотя бы зачаточное «я». Если это не иллюзия, об их судьбе стоит подумать. Только не надо брать их отдельно, самих по себе. Человека можно понять лишь в его связи с Богом. Животных можно понять лишь в связи с человеком и, через человека, с Богом. Многим из нынешних верующих мешает здесь непереваренный кусок атеистического сознания. Атеисты, как им и положено, видят человека и животных на одной биологической плоскости, и приручение животных для них — просто вмешательство одного вида в жизнь другого. «Настоящим», «правильным» животным они считают дикое, а прирученное животное кажется им каким-то искусственным. Христианин так думать не должен. Бог препоручил нам власть над животными, и всякое наше действие по отношению к ним — или послушание Богу, или кощунственный мятеж. Прирученное животное и есть настоящее, правильное, только оно занимает должное место, только на нем мы вправе основывать свои выводы. И вот мы видим, что, если у него есть индивидуальность, оно

обязано ею своему хозяину. Хорошая овчарка ведет себя «как человек» благодаря хорошему пастуху. Я уже говорил о таинственной силе предлога «в». Когда мы читаем Новый завет, мы видим, что человек пребывает *во* Христе, Христос — *в* Боге, а Святой Дух — *в* Церкви и *в* отдельной душе. И всякий раз предлог наш означает не совсем одно и то же. Мне кажется (если я неправ, богословы меня поправят), что в каком-то еще сходном смысле животное обретает «я» *в* хозяине. Бессмысленно и думать о животном отдельно и спрашивать, освятит ли или воскресит ли его Господь. Рассматривать его надо в том совокупном контексте, в котором животное приобретает свою «самость», а именно в контексте «добрых-хозяина-и-хозяйки-живущих-вместе-со-своими-детьми-и-животными-в-своей-доброй-усадьбе»; и контекст этот будет «телом» в том или почти в том смысле, который вкладывает в это слово апостол Павел. Кто знает, что из этого «тела» воскреснет вместе с хозяином и хозяйкой? Наверно, не только то, что нужно для славы Божьей, но и то, что окрашено навеки цветом данного, неповторимого опыта. Потому мне и кажется возможным, что некоторые животные обретают бессмертие не сами по себе, а в бессмертии хозяев. А в этом случае (то есть если мы берем животное «в контексте») исчезает и главная трудность — как решить, другое воскресло животное или то самое. Если мы спросим, где же и в чем «личная идентичность» воскресшего животного, я отвечу: «Там, где она была при земной его жизни, — в его отношении к Телу и особенно к хозяину, главе этого Тела». Другими словами, человек узна́ет свою собаку, а собака узна́ет человека и, узнавши его, *будет* собой. Бессмысленно спрашивать, узна́ет ли она себя. Вероятно, вопрос этот к животным не относится.

Мое описание хорошей овчарки и доброй усадьбы не касается диких животных и (что много важнее для нас) нелюбимых домашних. Это всего лишь иллюстрация к теории о воскресении животных. Мне кажется, что христиане не знают, считать ли им животных бессмертными, по двум причинам. Во-первых, они боятся, что, наделив животное «душой», они сделают менее отчетливым отличие человека от животного — резкое в духовном смысле и проблематичное, неопределенное в биологическом. А во-вторых, будущее счастье животных просто как компенсация за страдания в настоящем (тучные пастбища под ногами — награда за тяжелую упряжь) кажется неуклюжим признанием благости Божьей. В силу нашей греховности мы часто непреднамеренно обижаем и детей и животных; и лучшее, что мы можем сделать, — это лаской или лако-

мым куском загладить свою вину. Но вряд ли благочестиво вообразить, что всеведение действует так же, как будто Бог нечаянно наступил животному в темноте на хвост! В таком неумелом деянии я не могу признать руку мастера; каким бы ни был ответ, он должен быть лучше этого. Моя теория пытается избежать обоих возражений. Она ставит Бога в центр мироздания, а человека — в подчиненный центр земной природы; животные не на одном уровне с человеком, они подчинены ему, их судьба тесным образом связана с его судьбой. И бессмертие их — не просто компенсация или возмещение; это часть новых небес и новой земли, органически связанная со всем мучительным процессом грехопадения и искупления в мире.

Предположим вместе со мной, что личностность домашних животных в большой степени зависит от человека, что их чувствительность — это причастность к нашей душе, так же как наша душа — причастность духовности во Христе. Я думаю, что очень немногие из животных обладают хоть каким-то «я». Но если у кого-нибудь из них оно есть и благому Богу приятно, чтобы оно воскресло, их бессмертие также связано с человеком, только не с конкретным, а с людьми вообще. Я имею в виду вот что: если люди не зря приписывают животным некие свойства (скажем, невинность ягненку или царственность — льву), животные в этом своем качестве и войдут в окружение воскресшего человека. Если же качества у них другие, нам неизвестные, — там, в небесной их жизни[1], проявятся они; ибо, согласно христианской космологии, все на Земле связано с человеком и даже существа, созданные раньше, чем он, выступают в истинном свете лишь как бессознательные его предшественники.

Когда речь идет о таких далеких от нас созданиях, как дикие или доисторические животные, мы едва ли знаем, о чем говорим. Вполне возможно, что у них нет «я» и нет страданий. Возможно даже, что у каждого рода — одно «я»; и «львиность», а не лев войдет в новую землю. Мы не можем себе представить и собственной нашей вечной жизни, тем более не вообразить нам тамошней жизни животных. Если бы земной лев узнал, что ему уготовано есть сено, как волу, он счел бы это описанием ада, а не рая. И если во львах нет ничего, кроме

---

[1] Я имею в виду их участие в небесной жизни человека, который, в свою очередь, живет во Христе. Наверное, бессмысленно говорить о небесной жизни животных самих по себе.

кровожадности, в вечность переходить нечему. Но если что-то есть, Бог может дать этому и тело, какое пожелает, — не пожирающее ягненка, а львиное в том смысле, в каком мы употребляем это слово, когда говорим о силе, царственности и великодушии. И мне кажется, пророк употребил восточную метафору, когда сказал, что барс будет лежать вместе с козленком. По-моему, барс или лев, уже никому не опасные, все равно будут внушать какой-то высокий страх, и мы увидим впервые то, что здесь, на Земле, по-бесовски неверно пытались выразить клыки или когти.

X. РАЙ

Молите всей душой о чуде! Стойте
В молчании... а кто не верит, лучше
Пускай уйдет...

У. Шекспир. Зимняя сказка

Пошли в пучине милостей твоих
мне смерть, желанную для всех живых.

Ж.-М. де ла Мотт Гюйон

«Думаю, — говорит апостол Павел, — что нынешние временные страдания ничего не стоят по сравнению с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18). Если так, книга о страданиях, не повествующая о рае, окажется неполной. И Писание, и Предание восполняют земные скорби небесной радостью, и без этого проблему страдания не решить по-христиански. Мы же боимся упомянуть о рае. Мы боимся упрека в том, что стараемся ради награды, или в том, что мы пытаемся ускользнуть от созидания счастья здесь, на Земле. Но небесная награда или есть, или ее нет. Если ее нет, то христианство ложно, ибо учение о рае неотделимо от него. Если она есть, придется взглянуть на эту истину так же прямо, как и на всякую другую, не размышляя, годится ли она для политических митингов. Мы зря боимся, что рай — как бы взятка, подкуп. В раю нет никакой приманки для корыстной души. Можно смело открыть чистым сердцем, что они узрят Бога, — только они и хотят Его узреть. Награда не всегда предполагает корысть. Любовь мужчины к женщине не назовут корыстной, если он

хотел бы на ней жениться. И любовь к стихам не корыстна, если мы хотим читать стихи, и любовь к упражнениям, если мы любим бегать, прыгать и ходить. Любовь всегда стремится к тому, чтобы предмет ее принес ей радость.

Вы думаете, быть может, что теперь не говорят о рае, потому что он никому по-настоящему не нужен. Посмею предположить, что нам, как и всем нынешним людям, это только кажется. Все, что я сейчас скажу, — мое мнение, совершенно ничем не подкрепленное; и я отдаю себя на суд лучших христиан и лучших богословов, чем я. Иногда и сам я думаю, что мы не хотим рая, но много чаще я не знаю, хотим ли мы чего-нибудь еще. Наверное, вы замечали, что ваши любимые книги чем-то связаны. Вы очень хорошо знаете, что именно любите в них, хотя и не сумеете назвать это; но ваши друзья вообще этого не видят и удивляются, как вы можете любить и то, и это сразу. Или представьте себе, что вы увидели дерево и луг, и поняли, что именно их искали всю жизнь, а потом обернулись к спутнику, и оказалось, что ему они ничего не говорят. И во вкусах то же самое: мы ощущаем что-то невыразимо прекрасное в запахе свежей древесины или в плеске воды о днище лодки, но это не сливается с нами, а как бы таится в глубине. Самая прочная дружба рождается тогда, когда мы наконец встречаем человека, который хоть немного, хоть как-то любит то, о чем вы тосковали с рождения, то, что вы ищете, видите, провидите сквозь другие, ненужные желания, в любой просвет более громких страстей, день и ночь, год за годом, от раннего детства до старости, и ни разу не обрели. Все, что мало-мальски серьезно владело вашей душой, было лишь отблеском, невыполненным обещанием, неуловимым эхом. Но если бы это эхо окрепло в звук, вы бы сразу *узнали* и сказали уверенно и твердо: «Для этого я и создан». Мы никому не в состоянии об этом рассказать. Это — сокровенная печать каждой души, о которой рассказать невозможно, хотя мы стремимся и стремились к ней раньше, чем нашли себе жену, друга, дело, и будем стремиться в смертный час, когда для нас уже не будет ни друга, ни дела, ни жены. Пока мы есть, есть и это. Если мы это утратим, мы утратим все[1].

---

[1] Конечно, я не хочу сказать, что неустранимое стремление, которое Создатель дал нам, людям, — дар Святого Духа тем, кто пребывает во Христе. Это не знак святости, а знак принадлежности к роду человеческому.

Быть может, душа обязана этим среде или наследственности; что ж, и среда и наследственность — орудия Божьи, которыми Он творит душу. Здесь и сейчас я говорю не о том, *как* Он творит неповторимую природу души, а о том, *почему* у Него все наши души разные. Если бы различия между нами не были Ему нужны, я просто не знаю, зачем бы Ему творить хотя бы две души. Все, что в вас есть, никак не тайна для Него, и придет день, когда это не будет тайной для вас. Форма, в которой отливают ключ, очень странная, если вы не видели ключа, и ключ очень странен, если вы не видели замочной скважины. Ваша душа странной формы, потому что именно эта выемка придется к одному из неисчислимых выступов Божьего бытия, именно этот ключ откроет одну из дверей дома, где обителей много. Ведь спасти надо не отвлеченное человечество, а вас, читателя, с вашим именем и вашим лицом. Если вы не помешаете Богу, все в вас, кроме греха, достигнет радости. В Брокенском призраке каждый узнавал свою первую любовь, потому что призрак лгал, обманывал. Но в Господе каждая душа узнает свою первую любовь, потому что Он и есть ее первая любовь. Вы увидите, что ваше место в небесах создано для вас как по мерке, ибо и вы созданы для него, и вас пригонят к нему, дюйм за дюймом, словно перчатку к руке.

Именно с этой точки зрения легче понять, чего мы лишаемся в аду. Всю жизнь мы сильно и не совсем осознанно грезим о чем-то недостижимом и вот просыпаемся и видим, что оно — наше или что оно было рядом и пропало навсегда.

Вы скажете, быть может, что, толкуя слова о бесценной жемчужине, я исхожу из своего опыта, но это не так. То, о чем я говорю, не дается в опыте. Мы знаем, что мы испытали лишь *стремление* к нему, само же оно никогда не воплощалось ни в мысль, ни в образ, ни в чувство. И всегда оно зовет нас не углубляться в себя, а как бы из себя выйти. Если же вы не пойдете за ним и будете праздно лелеять *свои* мечтания, оно от вас уйдет. «Дверь в жизнь отворяется за нашей спиной»[1]. Сокровенный огонь в вас угаснет, если вы станете раздувать его. Плесните в него масла нравственности или догмы, отвернитесь, делайте свое дело — и он разгорится. Мир — картина с золотым фоном, мы — люди на ней, и нам не увидеть золота, пока мы не выйдем в трехмерное пространство смерти. Но отблески мы видим; затемнение — неполное; щели в ставнях есть. Порою все вещи больше самих себя, ибо сквозь них светит тайна.

---

[1] *Макдональд Дж.* Алек Форбз. Гл. 33.

Быть может, я не прав и наше сокровеннейшее стремление — тоже частица ветхого человека, которую надо распинать до самой смерти. Однако, чтобы распять, надо поймать — а его не изловишь. Не только свершение, но и сама мечта не вмещается ни во что на свете. Что бы вы ни приняли за нее, оно оказывается не тем, так что, сколько ее ни распинай, сколько ни меняй, она не станет меньше, чем есть; ее ведь у нас как бы и нет. А если и это не так, есть что-то другое, прекраснейшее. Но «есть» и «прекраснейшее» и будет, в сущности, определением того, о чем я пытаюсь рассказать

То, к чему мы так сильно стремимся, уводит нас от своекорыстия. Даже стремление к земному благу остается живым лишь в том случае, если вы махнете на него рукой. Этот закон непреложен: зерно умирает, чтобы жить; хлеб надо пустить по водам; теряющий душу свою — обретает ее. Но жизнь зерна, возвращение хлеба и обретение души не менее реальны, чем жертва, неизбежно их предваряющая. Истинно сказано: «В раю нет своего, а если кто назовет что своим, он будет низвергнут в ад и станет злым духом»[1]. Но сказано и так: «...побеждающему дам... белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2, 17). Что принадлежит человеку больше, чем это имя, которое даже в вечности знают только он и Бог? И что означает эта тайна? Не то ли, что каждый блаженный вечно ведает и хвалит какую-нибудь одну грань Божией славы, как не познает ее и не восхвалит никто другой? Бог создал нас разными, чтобы любить нас *по-разному* — не «меньше» и «больше» (Он всех любит беспредельно), а именно по-разному, как мать любит детей. Поэтому и возможна любовь блаженных по отношению друг к другу, содружество святых. Если бы все *одинаково* видели и славили Бога, песнь торжествующей Церкви слилась бы в одну ноту. Аристотель учил, что город — единство непохожих[2], а у апостола Павла мы читаем, что тело — единство разных членов (1 Кор. 12, 12—30). Рай — и Город и Тело именно потому, что блаженные неодинаковы; рай — то общество, ибо каждому всегда и вечно есть что поведать о «Боге своем», Которого все они вместе славят как «Бога нашего». Каждая душа отдает всем другим свое единственное знание, всегда неполно и так прекрасно, что земная ученость

[1] Theologia Germanica, LI.

[2] Политика II, 2, 4.

и земные искусства — лишь ненужное подобие ее рассказа; и я уверен, что люди созданы разными и для этого.

Ибо союз возможен лишь между разными; и если мы это поймем, мы, быть может, увидим хоть краем глаза значение всех тварных вещей. Пантеизм не столько неверен, сколько недействителен. До сотворения мира можно было сказать, что все есть Бог. Но Бог пожелал, чтобы вещи были не такими, как Он, и потому могли научиться любви к Нему и достигнуть единения с Ним, а не простого подобия. Он тоже пустил хлеб по водам, бросил зерно в землю. Даже в тварном мире мертвая материя едина с Богом в том смысле, в каком люди с Ним не едины. Но (в отличие от языческих мистиков) Бог не хочет возвращать нас к такому единству; он хочет, чтобы мы отличались друг от друга с предельной четкостью и могли соединиться с Ним в лучшем, высшем смысле. И в самой Троице Слово — не только Бог, Оно и *вместе* с Богом. Отец предвечно рождает Сына, Дух предвечно исходит от Них. Бог ввел различие внутрь Себя, чтобы в единении любви превзойти единство самотождественности.

Но вечное отличие каждой души, из-за которого неповторим каждый союз человека с Богом, никак не нарушает закона о том, что нет своего на небесах. Мне кажется, в раю каждая душа непрестанно раздает блаженным ближним все, что получает. Что же до Бога, вспомним, что душа — это отверстие, полость, которую Он заполняет; и союз с Ним, почти по самому определению, — непрестанная самоотдача, раскрытие, откровение, препоручение себя. Блаженная душа — сосуд, который все лучше и лучше принимает расплавленный металл; тело, все легче и легче выносящее яростный жар духовного солнца. Не думайте, что на небе прекратятся победы над собой и вечная жизнь не будет вечным умиранием. Мы говорили, что в аду могут быть удовольствия (упаси нас от них, Господи!); так и в раю может быть что-то, подобное страданию (Господи, дай поскорее изведать его!).

Ибо, отдавая себя, мы ближе всего к ритму тварного, да и всякого бытия. Предвечное Слово отдает Себя в жертву не только на Голгофе. В Свой смертный час наш Спаситель «совершил на холодных окраинах то, что делал во славе и радости у Сея дома»[1]. Рожденный Бог предвечно предает Себя Богу рождающему; и Отец славит Сына, как Сын славит Отца (Ин. 17, 1, 4—5). Со всем смирением мирянина посмею согласиться с тем, что «Бог любит Себя не как Себя, а как

[1] *Макдональд*. Непроизнесенные проповеди. 3-я книга. С. 11—12.

Благо, и, если бы было на свете большее благо, Он возлюбил бы его, а не Себя»[1]. Всюду, от высших до низших, «я» существует лишь для того, чтобы мы его отдали, и становится от этого еще более собою, чтобы мы полнее отдали его, и так без конца. Это — не закон небес, от которого можно уклониться на Земле, и не земной закон, от которого мы уйдем в спасении. За его пределами не Земля, не природа, не «обычная жизнь», а просто ад. Но и ад обязан лишь ему единственной своей реальностью. Страшная замкнутость в себе — лишь производное от самоотдачи, реальности абсолютной. Эту форму принимает тьма внешняя, облекая и очерчивая то, что *есть*, то, что обладает формой и своей природой.

«Я», золотое яблоко, брошенное природой ложным богам, стало яблоком раздора, ибо они не знали первого правила священной игры: коснись мяча и бросай его другому. Взять его в руки — грех, оставить себе — смерть. Когда же оно летает от игрока к игроку так быстро, что его и не увидишь, и Господь Сам ведет игру, отдавая Себя твари в рождении и получая ее — в ее добровольной жертве, вечный танец несказанно прекрасен. Вся боль и радость, ве́домая нам здесь, на земле, — лишь первое приближение к нему; но чем ближе мы к его предвечному ладу, тем дальше от нас земные боли и радости. Танец весел, но танцуют его не для веселья, даже не для добра, даже не для любви. Он Сам — Любовь, Сам — Добро, и потому в Нем радость. Не Он для нас, а мы для Него. Пустота и огромность Вселенной, пугавшие нас в первой главе, и сейчас поразят нас, ибо даже если они — побочный плод нашего трехмерного воображения, они символизируют великую истину. Как Земля перед звездами — человек перед всем тварным миром; как звезды перед Вселенной — все твари, все силы и престолы перед бездной Бытия, которое нам и Отец, и Спаситель, и Утешитель, хотя ни мы, ни ангелы не можем ни сказать, ни помыслить, что́ Оно для Себя и в Себе. Ибо все мы — твари. Он один — Сущий. Наше зрение достаточно слабо и не в силах вынести света Того, Кто был, и есть, и будет, и не может быть иным.

[1] Theologia Germanica, XXXII.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

КНИГИ МЕРТВЫХ

Египетская книга мертвых
Ведические гимны, посвященные смерти
Тибетская книга мертвых
Книга мертвых индейцев майя
Мытарства души блаженной Феодоры

Ответственный редактор *Илья Стогов*
Художественный редактор *Алексей Горбачёв*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректор *Лада Киревичева*
Верстка *Максима Залиева*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 23.07.2001.
Формат 80x100 1/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,80. Тираж 6000 экз.
Заказ № 387

ИД № 02164 от 28.06.2000.
«Торгово-издательский дом "Амфора"»
197022, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 23.
E-mail: amphora@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского)
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.